

Кэми М. Ду

**Капитан
моего кошмара**

18+

Кэти Ди

Капитан моего кошмара

<https://litres.ru/73869413>

SelfPub; 2026

Аннотация

Новый муж мамы, роскошный особняк и элитная школа — для всех Лика теперь «счастливица», но для неё этот переезд стал билетом в персональный ад.

Данил — капитан футбольной команды, баловень судьбы и обладатель ледяных глаз, в которых Лика видит только приговор. Он мастерски ведет игру на поражение, превращая каждый её день в борьбу за выживание. Его цель проста: сломать её и вышвырнуть из своего дома.

Но у Лики есть секретное оружие — старый мяч и память о погибшем отце. Она живет футболом, скрывая свой талант от всех. По иронии судьбы, именно поле — то единственное место, где Данил по-настоящему живет.

Он задыхается от ненависти к ней, но еще больше — от пугающего влечения, которое пытается заглушить жестокостью. Но когда их общая тайна вырвется за пределы раздевалок, правила игры изменятся.

Смогут ли злейшие враги признать, что они — игроки одной команды? И что делать, если единственным способом победить станет любовь, которой Данил уже выписал «красную карточку»?

Содержание

Пролог	5
Чужие правила	8
Малика	9
Чужая кровь	25
Данил	26
Выжить в «Атласе»	42
Малика	43
Война под одной крышей	58
Данил	59
Под кожей	73
Данил	74
За закрытыми дверями	86
Малика	87
Вне игры	101
Данил	102
Точка кипения	118
Малика	119
Смена тактики	136
Малика	137
Свои тайны	147
Данил	148
Игра на провал	160
Данил	161

Свидание на троих	174
Малика	175
Точка кипения	196
Данил	197
Конец ознакомительного фрагмента.	201

Капитан моего кошмара

Пролог

Ли́ка смотре́ла в окно дорого́го внедоро́жника, наблюда́я, как капли дождя́ ме́дленно сполза́ют по стеклу́, разби́вая мир снару́жи на кривы́е оско́лки. Мама́ на передне́м сиде́нье свети́лась от сча́стья, сжима́я руку́ своего́ нового́ мужа́. Для неё э́тот пере́езд был сказко́й, нача́лом «ново́й жизни́». Для Ли́ки э́то было́ нача́лом ко́нца.

Огро́мные ко́ваные вору́та особня́ка откры́лись, пропу́ска́я их в лову́шку из ка́мня и па́норамных о́кон. В хо́лле было́ сли́шком све́тло и сли́шком пу́сто. До те́х пор, по́ка на ле́стнице́ не по́казался он.

Дани́л, мой "сводно́й бра́т" не спу́скался — он сло́вно па-

рил над ними, глядя сверху вниз с таким нескрываемым презрением, что воздух в помещении мгновенно похолодел. На нем была школьная рубашка с небрежно расстегнутым воротником, под мышкой грязный футбольный мяч, а в голубых глазах — чистый, лед.

— Вот и наши дамы, — улыбнулся его отец, но Данил даже не шелохнулся.

— Значит, это они будут занимать гостевые спальни? — его голос прозвучал сухо и грубо. — Надеюсь, вы не планируете задерживаться здесь надолго?

Мамина улыбка на мгновение погасла, но Лика не шелохнулась. Она выстроила между ними невидимую стену, старательно рассматривая лепнину на потолке и позолоченную раму картины за его спиной — что угодно, лишь бы не сталкиваться с этим ледяным омутом в его глазах. Игнорирование было её единственным щитом. Она внушала себе: его ярость — это просто сквозняк, шум старых деревьев в саду, что-то далекое и не имеющее к ней отношения.

Данил сократил расстояние в два широких шага, вторгаясь в её личное пространство так резко, что воздух между ними, казался удушливым. Он привык ломать сопротивление одним взглядом. Он ждал, что она дрогнет, расплачется или начнет оправдываться, признавая его власть. Но Лика лишь поудобнее перехватила лямку своего поношенного рюкзака и, глядя куда-то в район его подбородка, ровным голосом произнесла:

— Где моя комната?

Его челюсть сжалась так сильно, что на скулах заиграли желваки. Эта девчонка смела вести себя так, будто он — пустое место. В ту секунду в голове Данила созрел приговор: он уничтожит этот её фальшивый покой. Он станет её тенью, её персональным адом, который будет поджидать за каждым поворотом школьного коридора и за каждой дверью этого особняка.

Героям 18 и более лет...

Чужие правила

Малика

Утро пахло пережаренными тостами и мамиными духами — слишком сладкими для такого раннего часа. Я сидела на кухне, лениво гоня ложкой размокшие хлопья в глубокой тарелке. Молоко уже давно приобрело сероватый оттенок, а аппетит так и не появился. До звонка на первый урок оставалось тридцать минут, и я в сотый раз прикинула, успею ли я дойти пешком, если мама снова *«забудет»*, что у неё дочь-выпускница.

Мама, уткнувшись в телефон, что-то быстро печатала, и её лицо то и дело озарялось такой глупой, восторженной улыбкой, что мне становилось не по себе.

— Малышка, я хотела с тобой поговорить, — она вдруг отложила смартфон и села напротив, приняв непривычно серьезный вид.

Я медленно подняла на неё взгляд и вопросительно выгнула бровь.

— Скажешь опять, что не можешь отвезти меня в школу? Совещание? Или внеплановый маникюр?

Мама лишь негромко рассмеялась, но глаза её оставались блестящими.

— Нет, Ли, я не об этом. Я хотела познакомить тебя кое с кем. Помнишь Павла? Я тебе рассказывала о нем...

Внутри у меня что-то неприятно ёкнуло. Павел. Тот са-

мый «успешный бизнесмен», о котором она щебетала последние месяцы, но которого я успешно игнорировала в наших разговорах.

— В общем, он сделал мне предложение, и я согласилась, — выпалила она на одном выдохе. — Как-никак, мы уже два года встречаемся, Ли. Пора двигаться дальше.

Ложка со звоном ударилась о край тарелки. Двигаться дальше? Всего три года прошло с тех пор, как не стало папы. Три года тишины в его кабинете и нетронутых вещей в шкафу. А мама уже готова была упаковать нашу жизнь в коробки и переклеить ярлыки.

— И что ты хочешь от меня? — голос прозвучал резче, чем я планировала. — Чтобы я выбрала тебе платье? Или благословила ваш союз?

Я знала, что веду себя как колючий подросток, но обида жгла горло. Павел был богат, влиятелен и, судя по всему, собирался стать полноправным хозяином в нашей жизни.

— Лика, не ежся, — мягко сказала мама, пытаясь накрыть мою руку своей. — Я хочу, чтобы мы стали семьей. У Павла большой дом, и... у него есть сын. Твой ровесник. Вы будете учиться в одной школе, представляешь, как здорово? Тебе не придется быть одной в новом классе.

Я резко отодвинула стул и встала. Хлопья так и остались несъеденными.

— Семейей? Мам, у меня была семья. И впихивать меня в чужой дом к какому-то парню — это не «здорово». Это

катастрофа.

Я подхватила рюкзак и направилась к выходу, не дожидаясь ответа. Через тридцать минут начнется литература, и это была единственная реальность, к которой я была готова. Новая жизнь, богатый отчим и сводный брат в мои планы точно не входили.

До звонка оставалось еще десять минут, когда я ворвалась в школьный коридор. Тяжелый рюкзак оттягивал плечи, но еще тяжелее было от мыслей, которые роились в голове. Я не хотела менять свою жизнь, не хотела делить свою территорию с кем-то посторонним. Но я была уверена на все сто: если мама решит выйти за него, мне придется несладко.

Павел — человек из другого мира. Я видела его фото в журналах: идеальные костюмы, жесткий взгляд, аура абсолютной власти. Мама говорила о нем с придыханием, как о спасителе. Но я знала правду — такие люди не подстраиваются под других. Не было ни единого шанса, что её новый муж захочет переехать в нашу уютную, но тесную квартиру, где каждый угол напоминал о папе.

Это значило только одно: *переезд*. В тот огромный, холодный особняк на окраине другого города, о котором мама вскользь упомянула за завтраком.

Я остановилась у своего шкафчика, прислонившись лбом к прохладному металлу. Гул голосов одноклассников казался невыносимо громким. Все они обсуждали выпускной, поступление в вузы, вечеринки... А я чувствовала себя так, буд-

то меня насильно вырывают с корнем и пересаживают в чужую, отравленную почву.

— Эй, Лик, ты чего такая кислая? — ко мне подошла подруга, но я лишь качнула головой, не в силах выдавить даже дежурную улыбку.

— Мама решила выйти замуж, — буркнула я, поворачиваясь к Дашке.

— Ты гонишь, да? — Дашка рассмеялась, ожидая какой-нибудь шутки, но, когда увидела моё лицо, тут же прокашлялась. Веселье с неё смыло моментально. — Жесть... — тут же отозвалась она.

— Надеюсь, она не решит вырвать меня отсюда перед самым выпускным, — лишь ответила я.

Я старалась говорить ровно, но внутри всё дрожало от одной мысли о переменах. Последний класс — и так сплошной стресс, а тут ещё «новая семья». Взяв нужные тетрадки, я подхватила подругу под локоть, и мы направились в класс.

Весь день прошел как в тумане. Учителя что-то вещали о ЕГЭ, Дашка пыталась развлечь меня сплетнями, но я видела только одно: как мама собирает чемоданы.

После уроков мы стояли за углом школы, спрятавшись ото всех. Со стороны мы, наверное, выглядели как типичная стайка старшеклассниц: смех, яркие стаканчики с кофе и бесконечные уведомления в телефонах. Мои подруги из команды — Аня и пафосная, но верная Катя — что-то оживленно доказывали друг другу, периодически заглядывая в

мой блокнот.

— Нет, ну вы посмотрите на неё! — Аня со смехом толкнула меня в плечо. — Лика, ты серьезно думаешь, что этот «финляндский финт» сработает против защиты парней?

Я закусила губу, сдерживая улыбку, и прижала блокнот к груди. В нём не было имен парней, которые нам нравятся, или списков покупок. Там были схемы. Стрелки, кружочки, тактика «*высокого прессинга*» и тайминг передач.

— Это не просто финт, — я постаралась придать голосу серьезности, хотя внутри всё пело от азарта. — Если мы вытянем их полузащиту на фланги, центр останется пустым. И тогда...

— И тогда «ба-бах»! — закончила за меня Катя, делая вид, что пробивает пенальти прямо в воздухе, едва не сбив туфлей стакан с латте.

Мы прыснули со смеху. Проходящие мимо мальчики в накрахмаленных рубашках покосились на нас как на сумасшедших.

— Пиши план, тренер! — Аня протянула мне ручку. — Во сколько сбор на заброшенном поле?

Я быстро зачеркнула старую схему и начала рисовать новую. — В семь. Когда у них закончится официальная тренировка.

Я записывала позиции, а сердце чеканило ритм, как мяч о газон. В этом кругу, среди схем и тактических споров, я была счастлива. И эта игра была единственным, что помогало мне

дышать.

Вернувшись домой, я быстро скинула кроссовки и направилась в свою комнату, но меня прервал мамин кашель — такой нарочитый, словно она настойчиво привлекала моё внимание. Я тут же повернула голову и замерла.

— Ли́ка, у нас гости, — улыбнулась мама, указывая на Павла.

Он как раз вставал из-за стола, аккуратно поставив чашку на блюдце. В жизни он выглядел ещё внушительнее, чем на фото: высокий, в идеально выглаженной рубашке, от которой веяло уверенностью и дорогим парфюмом. Чёрные волосы и небольшая щетинка на лице.

— Здравствуй, — проговорил он низким, бархатным голосом.

Я лишь коротко кивнула. В горле мгновенно пересохло. Как только я видела новых незнакомых людей, я тут же впадала в ступор, словно язык к нёбу прилипал. Вся моя утренняя решимость высказать протест куда-то испарилась, оставив только желание провалиться сквозь землю.

— Ну что ты встала? Проходи давай, — мама быстро подошла ко мне и, взяв за плечи, буквально подтолкнула к столу, усаживая на стул. — Ли́ка у нас немного стеснительная, но это только поначалу.

Я вцепилась пальцами в край своей школьной юбки, стараясь не смотреть Павлу в глаза.

— Ничего, это понятно, — Павел сел напротив, сложив

руки в замок. — Перемены всегда пугают. Но, Лика, я хочу, чтобы ты знала: в моём доме тебя никто не обидит. Я уже рассказал сыну, что вы переезжаете.

Я резко вскинула голову, переводя ошарашенный взгляд с Павла на мать.

— Какой еще переезд? — я почувствовала, как горло сдавило спазмом, а голос предательски сорвался на крик. — Мам, одиннадцатый класс! Экзамены, аттестат... Игр... — я вовремя прикусила язык, едва не выдав свой главный секрет. — Я никуда не поеду. Почему нельзя просто подождать до выпускного? Ты рушишь всё, что у меня есть!

Я вскочила так резко, что стул с грохотом отлетел назад. Мама замерла, пораженная тем, как быстро моя привычная робость сменилась неистовой яростью, а Павел продолжал молча наблюдать за этой сценой.

— Я остаюсь здесь, ясно? Тут вся моя жизнь: друзья, школа и... папа. Здесь всё напоминает о нём! — горячая слеза обожгла щеку. — Езжай сама, если хочешь. Я уже не маленькая, справлюсь. Будешь звонить по выходным.

Мама лишь печально смотрела на меня, а Павел в это время собственнически сжимал её ладонь, будто напоминая, что теперь он — её главная опора.

— Малышка, я понимаю твою обиду, — мягко начала мама, и от этого ласкового тона мне захотелось зажать уши. — Но я уверена, что ты быстро найдешь друзей в новой школе. Ты ведь у меня такая общительная, привыкнешь за пару

недель. И оценки у тебя отличные — я не сомневаюсь, что ты блестяще сдашь экзамены и там.

Я посмотрела на них — таких счастливых, таких «*правильных*» — и почувствовала, как внутри что-то окончательно надломилось. Гнев улетучился, оставив после себя лишь пустоту.

— Почему никто и никогда не спрашивает моего мнения? — тихо спросила я. Мой голос больше не дрожал, он звучал бесцветно.

Не дожидаясь ответа, я развернулась и вышла, оставив их одних в этой уютной комнате, которая внезапно стала для меня чужой. Какой смысл рвать горло и что-то доказывать, если всё уже решили за моей спиной?

Всю неделю я напоминала саму себя лишь отдаленно — бледная тень, скользящая по коридорам когда-то уютного дома. Каждый раз, когда мама заводила свою привычную «шарманку» о том, какие коробки купить и что взять в первую очередь, я просто механически кивала. Мои пальцы мелко дрожали, и я спешила спрятать их в карманы худи или поскорее ускользнуть в свою комнату, пока она не заметила эту трещину в моей броне. Завтра мой мир официально разлетится на мелкие осколки. Я окажусь в чужом, холодном городе, в доме Павла — человека, который для мамы стал «*спасением*», а для меня оставался абсолютно чужим.

Прощание с Дашкой после уроков вышло скомканным, словно мы обе боялись, что если заговорим всерьез, то про-

сто не сможем разойтись. Мы стояли у школьных ворот, вдыхая запах мокрого асфальта, и давали пустые обещания: созваниваться каждый вечер, слать кружочки в Телеграме, не заводить новых «лучших» друзей. Но в глубине души обе понимали, как беспощадно километры и новые лица съедают даже самую крепкую дружбу.

Вернувшись, я принялась за свой «чемодан памяти». Я паковала его с какой-то пугающей, маниакальной тщательностью. В ход шли старые билеты в кино, папины подарки и, конечно, его главная гордость — тяжелый футбольный кубок с золотым мячом. Когда я брала его в руки, мне казалось, что я всё еще чувствую тепло папиных ладоней. Мама разрешила не забирать всё сразу, оставив часть вещей в шкафах.

— Мы ведь будем возвращаться сюда на праздники, Ли,
— мягко говорила она, искренне веря в свои слова.

Я не спорила. Но я точно знала: этот дом — всё, что у меня осталось от настоящей меня. И как только я получу аттестат, он станет моей единственной конечной целью.

Утро началось с шума. Павел пригнал целую «Газель» с профессиональными грузчиками, которые деловито таскали наши коробки. Глядя на это, я чувствовала, как нас выкорчевывают отсюда с корнем, не оставляя шанса прижиться обратно. Когда сам Павел, сияя от предвкушения новой жизни, галантно распахнул передо мной дверь своего люксового внедорожника, я лишь едва слышно буркнула «спасибо».

Едва оказавшись на заднем сиденье, я забаррикадирова-

лась от их невыносимого счастья огромными наушниками. Пока они на передних сиденьях увлеченно ворковали о цвете салфеток для свадьбы и каком-то особенном креме для обуви, я яростно строчила Дашке сообщения, полные боли и сарказма. А когда слова закончились, достала блокнот. Карандаш с хрустом впивался в бумагу, оставляя рваные, хаотичные линии. Это был мой единственный способ не закричать и не сойти с ума, глядя в окно на то, как сумерки медленно стирают дорогу к моему прошлому.

Из кокона музыки и бесконечных линий в блокноте меня вырвали уже на пороге нового дома. Не успела я опомниться, как дверь внедорожника распахнулась. Передо мной стоял мужчина в безупречном черном костюме с вызывающе красной бабочкой. Он галантно протянул руку, будто я была как минимум принцессой, прибывшей на бал.

Я же в этот момент чувствовала себя неуклюжим бревном. Смущенно вложив свою ладонь в его, я буквально выкорчевала себя из глубокого кожаного кресла. Уверена, зрелище было то еще. Мои любимые, изрядно поношенные джинсы в обтяжку и безразмерное, растянутое худи превращали меня в бродяжку, случайно затесавшуюся в высшее общество.

Мама, вышедшая с другой стороны, выглядела как истинная леди в своем строгом, идеально сидящем платье. Рядом с Павлом они составляли идеальную пару с обложки журнала о *«красивой жизни»*. На их фоне я казалась попрошайкой, которую подобрали у обочины из жалости.

Внутри кольнуло, но я тут же подавила это чувство. Ну и пусть. Главное, что я не пытаюсь казаться кем-то другим. В моем гардеробе есть и юбки, и летящие платья, но сегодня мой выбор был осознанным. Этот нелепый, мешковатый наряд был моим манифестом, моим безмолвным криком о грусти, который никто из них не захотел услышать.

Я смотрела на этот красивый особняк, и внутри всё болезненно сжималось. Это было жуткое, почти нереальное дежавю. Именно такой дом когда-то показывал мне отец, тыча пальцем в глянцевую страницу журнала.

«Как только всё получится, у нас будет такой же, моя маленькая Ли», — шептал он, и я до сих пор помнила его нежную улыбку и тот блеск в глазах.

Глаза мгновенно застлала пелена слез, но я резко смахнула её рукавом худи. *«Что это, Лирика? Соберись. Не время раскисать»*, — приказала я самой себе.

Я шла за мамой и Павлом след в след, вцепившись в ручку своего чемодана так, будто в нем была вся моя жизнь. А по сути, так оно и было. Это был мой «чемодан тайн», мой личный алтарь памяти, который я не доверила бы ни одному услужливому парню с бабочкой.

Но стоило мне переступить порог, как пространство вокруг словно наэлектризовалось. Я почувствовала чужой взгляд еще до того, как подняла голову.

На галерее второго этажа, опершись на резные перила, стоял парень. Он не просто смотрел — он в упор тарачил-

ся на нас, и в его взгляде не было ни капли гостеприимства. Скрестив руки на груди, он рассматривал нашу процессию с таким нескрываемым недовольством, будто мы были наглыми захватчиками, посягнувшими на его территорию.

Его светлая рубашка была небрежно расстегнута у ворота, а во всем облике сквозила холодная надменность. Наши глаза встретились, и я кожей почувствовала ледяную волну презрения. Он явно не собирался играть в *«счастливую новую семью»*.

Данил поднял мяч с пола и запихнул её под подмышку, и не спешил спускаться. Он замер на верхней ступени, словно парил над нами, и во взгляде его было столько нескрываемого презрения, что воздух в холле мгновенно остыл на несколько градусов. Школьная рубашка с небрежно расстегнутым воротником, расслабленная поза и глаза — два осколка чистого, абсолютно мертвого льда.

— Вот и наши дамы, — Павел попытался разрядить обстановку улыбкой, но его сын даже не шелохнулся.

— Значит, это они займут гостевые спальни? — голос Данила хлестнул по нервам, как удар хлыста. — Надеюсь, вы здесь проездом и не планируете задерживаться?

Я видела, как мама вздрогнула, а Павел недовольно свел брови к переносице, но сама лишь равнодушно опустила взгляд на свой потрепанный чемодан. Единственное, что меня сейчас волновало — когда мне наконец покажут мою комнату. Его гонор, его колючие слова и эта демонстративная

враждебность не задевали меня. Напротив, я его понимала. Если бы кто-то чужой вот так бесцеремонно вторгся в мой дом, заявляя права на мою жизнь, я бы тоже выставила иглы.

— Данил, проводи сестру и покажи ей комнату, — командовал Павел. Голос его звучал твердо, но в нем слышалось нарастающее раздражение.

Данил лишь издевательски фыркнул, даже не шелохнувшись.

— Никакая она мне не сестра, — отрезал он, и в его голосе сквозила почти физическая неприязнь. — Дом огромный, сама найдет. Не маленькая.

Павел смерил сына таким яростным взглядом, что воздух, казалось, затрещал от напряжения. Секундная дуэль глаз — и Данил нехотя сдался, хотя в каждом его движении читалось сопротивление.

— Следующая за моей, — бросил он, небрежно ткнув пальцем в сторону коридора, и демонстративно скрестил руки на груди.

Я начала медленно подниматься по лестнице, до боли в пальцах сжимая ручку чемодана. Вес моих «тайн» казался сейчас неподъемным. Остановившись на верхней ступени, прямо напротив него, я обвела взглядом череду одинаковых дверей.

— И какая из них твоя? — спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал максимально бесцветно.

Данил не ответил сразу. Он медленно, почти брезгливо

окинул меня взглядом — от пыльных кед до макушки. В этом осмотре не было интереса, только холодная оценка чего-то некачественного и дешевого. Затем он резко развернулся и зашагал вглубь коридора. Я потащила следом, чувствуя себя лишней деталью в этом безупречном интерьере.

Но судьба, видимо, решила, что на сегодня унижений недостаточно. Раздался резкий хруст, и одно из колес моего старого чемодана, не выдержав веса папиного кубка и моей прошлой жизни, отлетело в сторону. С негромким стуком оно покатилося по ковровой дорожке и замерло прямо у ног Данила.

— Дрянь... — выругалась я себе под нос, чувствуя, как щеки обжигает румянец.

Данил остановился. Он медленно повернулся и посмотрел сначала на колесо, потом на меня. Этот взгляд был пропитан такой смесью превосходства и отвращения, что мне захотелось провалиться сквозь этот дорогой мраморный пол. Я поспешно подхватила тяжеленный чемодан на руки, прижимая его к себе, как щит.

Данил снова фыркнул, ничего не сказав, и просто поплелся дальше, оставив меня одну справляться с моей маленькой катастрофой в его идеальном мире.

Я пыхла изо всех сил, но коридор, казалось, становился только длиннее с каждым шагом. Чемодан без одного колеса стал неподъемным, он больно бился о ноги, выматывая меня окончательно.

— Извини, — выдохнула я, едва переводя дух. — Может, уже покажешь комнату? Или ты специально ведешь меня кругами?

Я была на грани того, чтобы просто бросить вещи прямо посреди коридора. В этот момент Данил резко, порывисто обернулся. Не говоря ни слова, он вырвал чемодан из моих ослабевших рук. Его движения были резкими, злыми. Он распахнул ближайшую дверь, вошел внутрь и с грохотом швырнул мой багаж на пол.

— Эй! Ты что творишь?! — вскрикнула я, бросаясь к чемодану.

Сердце забилося где-то в горле. Я судорожно рванула молнию, боясь увидеть самое страшное. И предчувствие не обмануло. Пытаясь нащупать папины вещи, я почувствовала резкую, обжигающую боль. Тонкий осколок стекла впился в ладонь.

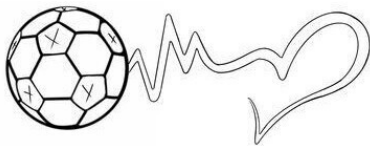
Среди одежды лежала разбитая рамка. С фотографии на меня смотрел отец — его лицо теперь было рассечено трещинами, как и моя жизнь.

— Вот же ты кретин... — прошипела я сквозь зубы.

Я принялась лихорадочно собирать осколки, не замечая ничего вокруг. К глазам подступили предательские слезы, мешая видеть, но я упорно их смаргивала. Я не хотела, не имела права плакать при нем. Спрятав порезанную руку в широкий рукав худи, я не успела заметить, как несколько алых капель сорвались вниз, пачкая рамку и дорогой ворс

ковра. В ту секунду я ненавидела его всем сердцем.

Чужая кровь

Данил

Отец называл это «*новым началом*», а я называл это вторжением. Когда в холле появилась эта девчонка в растянутом худи, похожая на промокнувшего уличного котенка, мне захотелось просто закрыть глаза и дожидаться, когда этот морок исчезнет. Она не вписывалась в наши идеальные стены. Она была шумом, которого я не заказывал.

Когда я швырнул её чемодан на пол, я хотел лишь одного — чтобы она поняла: здесь ей не рады. Здесь нет места для её старого барахла. Но звук разбитого стекла прозвучал в тишине комнаты слишком громко. Слишком окончательно.

Я ждал, что она закричит. Начнет качать права, побежит жаловаться отцу. Но она просто рухнула на колени перед своим чемоданом.

— Вот же ты кретин... — прошипела она.

Голос у неё не дрожал, он был пропитан такой ненавистью, что я невольно замер в дверях. Она собирала осколки голыми руками, лихорадочно, словно пыталась спасти что-то жизненно важное. А потом я увидел это.

Ярко-красные капли сорвались с её пальцев и упали прямо на светлый ковер. А потом — на старую, треснувшую фотографию. Она быстро спрятала руку в рукав, но было поздно. Запах крови — едва уловимый, металлический — мгновенно заполнил пространство между нами.

В груди неприятно кольнуло. Знакомое жжение под ребрами. Я думал, что прикончил это чувство еще четыре года назад, когда в доме внезапно стало слишком тихо. Мамаша не просто ушла — она выжгла всё за собой. Помню звон разбитого фарфора и её крики о том, как мы ей осточертели. Она прыгнула в машину к очередному "принцу", оставив нас разгребать осколки. Терпеть не могу слезы. Презираю слабость в любом её проявлении. Но больше всего я ненавидел себя за возникшее на долю секунды желание: подойти и вырвать эти проклятые осколки из её пальцев, пока она не разделала ладонь окончательно.

Я тут же раздавил эту мысль. Перебьется. Ни помощи, ни утешения она от меня не получит — я не нанимался в спасатели. Она здесь чужая, и я не намерен разыгрывать спектакль про «*братика и сестренку*». Отец притащил их в наш дом, вот пусть сам и разгребает последствия своего выбора. Я резко развернулся и вышел, поставив жирную точку грохотом захлопнувшейся дверь.

Я замер в коридоре, прислонившись спиной к холодной стене. Из-за закрытой двери донесся едва слышный, надрывный всхлип. Она что, серьезно? Рыдает из-за какой-то дешевой рамки? Или ей действительно настолько больно? Я всегда питал органическую неприязнь к женским слезам — эти «истерички» всегда казались мне способом манипуляции, чем-то, что нарушает мой покой.

«Но ведь стекло разбилось из-за того, что ты швырнул

чемодан», — услужливо напомнил внутренний голос.

Ну и что? Я же не знал, что она везет там фамильный хрусталь.

— Зараза! — выругался я, тряхнув головой, чтобы выгнать из мыслей образ её окровавленной ладони.

Резко развернувшись, я зашел в свою комнату и рванул дверцу аптечки. Бинт, вата — я хватал всё это с какой-то злой поспешностью. Вернувшись к ней, я даже не постучал. Она всё так же сидела на полу, сгорбившись, и продолжала собирать проклятые осколки, размазывая слезы по лицу грязными пальцами. Я подошел вплотную и швырнул аптечку прямо ей под нос.

— На, — мой голос прозвучал как сухой треск. — Только попробуй тут всё заляпать своей кровью. Ковер дорогой.

Она подняла на меня взгляд, и я невольно затаил дыхание. *Почему у неё такие огромные глаза?* Мокрые, полные какой-то немой ярости и растерянности одновременно. Этот взгляд не просто обжигал — он выжигал всё внутри, добираясь до самых потайных углов моей души, куда я давно никого не пускал. Я не стал ждать благодарности или ответа. Просто развернулся и почти выбежал из комнаты, чувствуя, как сердце бьется о ребра в каком-то ненормальном ритме.

Идея спуститься на ужин казалась мне верхом мазохизма, и я уже был готов запереться изнутри, но отец превзошел сам себя. Обычно наше общение сводится к дежурным кивкам в коридоре — он даже не в курсе, на каком факультете я соби-

раюсь учиться. А тут он сам удостоил мою комнату визитом.

Я надеялся услышать что-то дельное, ну или хотя бы искреннее, но нет. В арсенале отца не осталось ничего, кроме угроз. На кону стояли моя карта и свобода передвижения. А самое главное футбол. Условие было простым до тошноты: я должен превратиться в *«услужливого сына»*, которого внезапно всё устраивает. Улыбаться мачехе, поддерживать светскую беседу и — самое дикое — помогать этой девчонке адаптироваться.

Внутри всё кипело. Я не собирался плясать под его дудку и играть роль в этом приторном спектакле. Однако на весах лежала вечеринка у Олега в эти выходные — единственное событие, которое могло спасти меня от удушающей атмосферы этого дома. Ради этого пропуска в нормальную жизнь я был готов на сделку с дьяволом.

Я нехотя сполз с кровати и поплелся вниз. Аппетит отсутствовал напрочь, в горле стоял ком, а перед глазами всё еще маячил образ Лики, рыдающей над осколками.

В столовой уже горели свечи — отец обожал этот дешевый пафос, превращая обычный прием пищи в театральную постановку. Мачеха о чем-то восторженно щебетала, а Лика сидела по левую руку от отца, мертвой хваткой вцепившись в стакан с водой. Вместо безразмерного худи на ней теперь было легкое платье, и я тут же заметил на её ладони белый край бинта. Она старательно прятала руку под стол, словно это была какая-то постыдная улика.

Я молча опустил на стул напротив. Тяжелое, почти осязаемое молчание повисло в воздухе, перебивая аромат изысканного жаркого, от которого у меня сводило челюсть.

— Ну, как дела, Лика? Комната тебя устраивает? — бодро поинтересовался отец. Он перевел взгляд с неё на меня, и в этом жесте читался четкий приказ: *«Включайся, изображай гостеприимство»*.

Она подняла глаза, и я снова почувствовал этот жгучий ожог.

— Да, спасибо, — тихо ответила она. — Всё просто чудесно. Правда, я ожидала, что комната будет... чуть меньше.

На её щеках проступил странный румянец — то ли смущение, то ли ей внезапно стало невыносимо жарко. Я мельком огляделся: на кухне было прохладно, кондиционеры работали исправно. Значит, дело не в температуре.

— Прости, Лика, но у нас в доме все комнаты такие, — усмехнулся отец, довольный своим размахом. — Ты привыкнешь, я уверен.

Она лишь неопределенно кивнула, стараясь не смотреть в мою сторону.

— О боже, что с твоей рукой? — внезапно воскликнула мачеха. Она подскочила со своего места, перегибаясь через стол, чтобы схватить Лику за запястье.

Девчонка отпрянула, как от огня, вырывая руку из хватки матери.

— Всё нормально. Просто рамка случайно разбилась, ко-

гда я разбираала вещи.

Она перевела взгляд на моего отца, и в её голосе послышалось искреннее сожаление:

— Прошу прощения, я немного испачкала ваш ковер... Но я уже всё отмыла.

Я замер с вилкой в руке. Она что... сейчас просто соврала? Сама подставилась под удар, прикрывая мою выходку? Она не сказала, что я ворвался и швырнул её вещи на пол. Эта девчонка в легком платье, с перебинтованной ладонью, решила поиграть в благородство на моей территории?

— Милая, я же просила не брать лишнего, — мягко упрекнула её мать.

Лица поставила стакан на стол с таким звоном, что по воде пошла рябь. Атмосфера светского ужина затрещала по швам.

— Я взяла всё нужное, — в её голосе внезапно прорезался металл. Она полоснула мать таким взглядом, что я невольно приподнял брови.

Ого. Оказывается, у нашей «тихони» есть зубки, и она умеет ими пользоваться. Это становилось всё интереснее.

— Что именно разбилось? — по-деловому осведомился отец, подливая себе вина. — Уверен, мы сможем купить замену. Завтра же pošлю кого-нибудь в магазин.

Я услышал, как Лица скрипнула зубами. Этот звук был почти физически болезненным. Кажется, отец только что наступил на самую крупную мину в её минном поле.

— К сожалению, это невозможно, — отчеканила она, медленно поднимая голову. — Я не думаю, что вы сможете выпить вещь, которую сделал мой отец.

Она сделала паузу, и воздух в столовой стал густым, как смола.

— Просто потому, что он мертв.

Лица вскочила так резко, что стул жалобно скрипнул по паркету.

— Извините, — бросила она и пулей вылетела из столовой, оставив нас в оглушительной тишине.

Отец растерянно переглянулся с мачехой. Та лишь бессильно пожала плечами, пряча глаза.

— Прости, Паш... — прошептала она. — Я не знаю, что с ней делать. Она стала совсем неуправляемой.

Я провожал Лику взглядом, и внутри всё болезненно зудело. Она не сдала меня отцу, не испепелила взглядом за столом, хотя я только что узнал, что своими руками разбил вещь её покойного отца.

Вот же я кретин.

Я подскочил, бросив салфетку прямо в тарелку с остывающим жарким.

— Прошу извинить, аппетита нет, — бросил я и, не дожидаясь их реакции, вылетел из столовой.

Догнал я её уже у самой двери комнаты, перехватив за запястье. Она тут же дернулась, яростно вырываясь из моей хватки.

— Я не хотел её ломать, — проговорил я, и мой голос прозвучал тише, чем я планировал.

— Знаешь что, — она замерла, глядя на меня в упор. — Я тоже не в восторге от этой смены обстановки. Но это не повод вести себя как дубина. Я не просила тебя помогать с чемоданом, но раз уж взял на себя роль помощника, можно было донести его по-нормальному.

— Знаешь ли, — я снова ошетинился, защищаясь привычной грубостью, — ты сама виновата. Нечего было притаскиваться в чужую семью.

— Это я-то притащилась?! — Лика задохнулась от возмущения. — Да я была бы счастлива оказаться сейчас где угодно, только не здесь! Это твой отец решил жениться на моей матери, а она...

Лика горько всплеснула руками, изображая восторженную радость матери:

— «О да, Павел, я так долго тебя ждала!» А я никого не ждала, ясно? Я хотела жить в своем доме, где росла с папой. Хотела учиться в своей школе и гулять со своими друзьями! Что поменялось у тебя? Просто появилась я? И всё? Так просто отвали от меня! А что у меня? У меня вся жизнь — в мусор!

Она резко развернулась и с силой хлопнула дверью прямо перед моим носом.

Я просто хотел по-человечески извиниться, а она в ответ выпустила все свои шипы. Ну и пожалуйста!

— Кому ты больно сдалась! — крикнул я ей прямо через закрытую дверь, чувствуя, как внутри закипает бессильная злость. — Посмотрите на неё, бедная и несчастная!

Я пулей влетел в свою комнату, не забыв напоследок так же громко хлопнуть дверью. Грохот эхом раскатился по коридору, ставя точку в этом безобразном обмене любезностями.

Я упал на кровать и уставился в потолок. Что со мной, черт возьми, не так? Она не прожила здесь и суток, а я уже превратился в какого-то законченного придурка. Я ведь действительно хотел сказать, что мне жаль. Хотел признать, что облажался с этим чемоданом. Но стоило ей открыть рот и вывалить на меня всю свою правду, как во мне включился режим защиты.

Утро выдалось ещё «веселее», чем вчерашний вечер. Отец ясно дал понять: я должен не просто довести свою новую «сестру» до школы, но и лично проследить, чтобы она там не потерялась.

Ночью я слышал их приглушенные голоса на кухне. Лика почти умоляла мать не ходить сегодня, дать себе время прийти в себя, но у наших родителей на всё один ответ: «Порядок есть порядок». Решили за нас — и точка.

Когда я вышел из комнаты, закидывая рюкзак на плечо, мы столкнулись в коридоре нос к носу. На ней уже была наша школьная форма, и, черт возьми, она умудрилась даже её превратить в вызов. Темный пиджак с эмблемой «Атласа»

сидел на ней идеально, волосы стянуты в высокий, дерзкий хвост. Но детали... Вместо форменного галстука она приколотла какую-то винтажную брошь, а гольфы, которые обязаны носить все девчонки, просто проигнорировала.

Я невольно сглотнул. Её ноги... стройные, открытые, они как-то слишком резко контрастировали с чопорным стилем нашей школы. На лбу тут же выступила предательская испарина.

«Так, Данил, соберись! Что ты как первоклассник на линейке?» — прикрикнул я на себя мысленно.

Лица даже не поздоровалась. Она лениво поправила лямку своего тяжелого рюкзака, в котором, кажется, лежала вся её прошлая жизнь, и, смерив меня сухим, безразличным взглядом, поплелась вниз по лестнице.

— Выглядишь убого, — буркнул я, сам не понимая, зачем вообще открыл рот.

Слова вылетели прежде, чем я успел их обдумать. Глупое желание уколоть, задеть, просто напомнить о себе. Но Лица даже ухом не повела. Она вообще научилась мастерски делать вид, что я — пустое место, кусок интерьера в этой новой, навязанной нам жизни.

Она шла впереди, уверенно спускаясь по лестнице, а её высокий хвост вызывающе маячила у меня перед самым носом. В каждом её движении, в каждом повороте головы читалось такое ледяное спокойствие, что меня это бесило еще больше. Она не оборачивалась, не оправдывалась и не зли-

лась в ответ. Просто шла мимо, оставляя меня наедине с моей собственной желчью.

Я смотрел ей в затылок и чувствовал себя идиотом. Зачем я это сказал? Ведь на самом деле выглядела она... нормально. Даже слишком. Но признать это — значило сдаться. Поэтому я лишь крепче сжал лямки рюкзака и прибавил шаг, стараясь не смотреть на то, как её волосы мерно покачиваются в такт шагам, прямо перед моими глазами.

Мачеха тут же выпорхнула из кухни с лопаткой в руках, буквально зазывая нас к столу. Передо мной раскинулся настоящий пир: золотистые блинчики, яичница с беконом и хрустящие тосты. Несмотря на то что в нашем доме была прислуга, готовили они до ужаса пресно и отвратно, так чтостряпня Мари выглядела как дар божий. Плюс, учитывая мой вчерашний сорванный ужин, я был голоден как волк. Я тут же принялся за еду, сметая полстола за считанные минуты.

Ли́ка же даже не прикоснулась к еде. Она лишь сделала крошечный глоток сока, демонстративно отодвинула от себя тарелку с блинами и, подхватив тяжелый рюкзак, молча направилась к выходу.

— Милая, а как же завтрак? — пролепетала Мари, глядя ей в спину с надеждой.

— Я не голодна, — буркнула Ли́ка, не оборачиваясь.

— Но ты и вчера почти не ела...

Но Ли́ка уже не слушала. Дверь за ней закрылась, оставив в столовой тяжелое облако недосказанности.

— Да что не так с этой девчонкой? — выдохнула Мари, и её плечи поникли от бессилия.

Я решил не влезать в их семейные драмы. У меня и своих проблем хватало, а впереди маячил первый школьный день в компании «ледяной принцессы». Быстро поблагодарив за еду, я схватил ключи и побежал к машине.

Лица уже стояла у ворот, глядя куда-то вдаль, и в её позе было столько одиночества и упрямства, что я на секунду замешкался, прежде чем нажать на кнопку разблокировки дверей.

Я выкатил тачку из гаража, резко затормозив прямо перед ней. Пыль еще не успела осесть, а я уже опустил пассажирское стекло, чувствуя, как внутри всё зудит от раздражения.

— Садись, — буркнул я, упрямо глядя прямо перед собой.

Я до боли сжал пальцами руль, стараясь не коситься в её сторону. Лица была в короткой школьной юбке, и её открытые ноги, мелькавшие в боковом зрении, бесили меня чуть ли не больше, чем её присутствие в нашем доме. Это сбивало с толку, злило, заставляло чувствовать себя не в своей тарелке.

— Но учти: это первый и последний раз, — бросил я, когда она забралась в салон. Голос звучал грубо, именно так, как было нужно. — С завтрашнего дня начинай осваивать маршруты автобусов. Я тебе не личное такси и таскаться с тобой повсюду не намерен. У меня своя жизнь, у тебя — твои проблемы. Поняла?

Не успела дверь захлопнуться, как она уже вставила наушники в уши, отрезая себя от реальности. Из рюкзака появился потрепанный блокнот, в котором она начала хаотично и яростно черкать что-то карандашом.

Я лишь закатил глаза, глядя на неё через зеркало заднего вида.

— Да я и не собирался с тобой разговаривать, — проговорил я сам себе, потому что она меня всё равно не слышала.

Я врубил музыку на всю громкость — тяжелый бит заполнил салон, вытесняя неловкость. Мы ехали в полном молчании, два абсолютно чужих человека в одной жестяной коробке. Я смотрел на дорогу, но боковым зрением видел, как быстро двигается её рука с карандашом.

Когда впереди показались шпили «Атласа», я почувствовал странный укол беспокойства.

— Приехали, — сказал я, припарковав машину на своем привычном месте.

Она продолжала остервенело черкать в своем блокноте, так сильно нажимая на карандаш, что грифель вот-вот должен был прорвать бумагу. Мои слова утонули в её музыке, и это игнорирование взбесило меня окончательно. Я почувствовал, как внутри закипает слепая ярость.

Резко развернувшись к заднему сиденью, я протянул руку и буквально вырвал наушники у неё из ушей. Лица вздрогнула и вскинула голову, глядя на меня с такой смесью шока и злости, будто я только что ударил её.

— Приехали, глухня! — рывкнул я, не заботясь о вежливости. — Выметайся из моей тачки.

Она не ответила ни слова. Лишь сжала губы в тонкую линию, подхватила свой рюкзак и пулей выскочила из машины, хлопнув дверью так, что салон задрожал. Но стоило ей сделать пару шагов, как она замерла, словно наткнулась на невидимую стену.

Я вышел вслед за ней и оперся локтями о крышу автомобиля. Перед нами возвышался «Атлас» — элитная крепость из стекла и серого гранита. Десятки дорогих машин, толпы учеников в безупречной форме и этот негласный дух превосходства, который сочился из каждого угла.

Лица стояла неподвижно, глядя на это пафосное здание, и её маленькая фигурка в форме без гольфов казалась здесь совершенно чужеродной. Она выглядела как человек, стоящий перед эшафотом. Вокруг нас уже начали затихать разговоры — парни из моей компании, стоявшие неподалеку, побросали сигареты и с интересом уставились на мою новую «спутницу».

— Это еще что за чудо природы, Дан? — голос Олега разрезал гул школьного двора.

Он отделился от нашей компании и направился к машине, на ходу нацепив свою самую паскудную ухмылку. Олег разглядывал Лику так, будто она была странным экспонатом в кунсткамере, выискивая повод для новой порции стёба.

Лица застыла, превратившись в соляной столп. Со сторо-

ны казалось — ей всё равно, но я-то видел, как побелели её костяшки, когда она мертвой хваткой вцепилась в лямки рюкзака. Черт, почему я вообще на это смотрю?

— Дочь мачехи, — бросил я через плечо, стараясь, чтобы голос звучал максимально безразлично. — Притащили на мою бедную голову.

Я не собирался возиться с ней ни секунды больше. Находиться рядом было душно — этот её запах, эти испуганные, но упрямые глаза... Нужно было избавиться от неё как можно скорее.

Заметив неподалеку парня из нашего класса — типичного «ботана», который, кажется, знал даже время прихода техник в школу, — я властно щелкнул пальцами.

— Эй, подойди сюда, — бросил я, когда тот испуганно замер, явно прикидывая пути отхода.

— Введи её в курс дела, — я кивнул на Лику, даже не называя её по имени. — Покажи, где тут что, где расписание, кабинеты. В общем, будь полезен. Короче, не мне тебя учить, разберешься.

Развернувшись к ней спиной, я направился с Олегом к остальным парням. Мне нужно было смыть это чувство вины или раздражения — я и сам не понимал, что это. Главное, что теперь она была не моей проблемой. По крайней мере, на ближайшие пару уроков.

Лица тут же перевела на меня взгляд. Её глаза, всё еще полные льда и ярости, буквально впились в меня. В этом го-

лубом огне читалось всё, что она о мне думает: *«Это твоя обязанность, подонок, а ты перекладываешь её на первого встречного?»*».

Я лишь равнодушно пожал плечами, глядя ей прямо в лицо.

— Не имею ни малейшего желания быть твоей нянькой,
— отрезал я, давая понять, что наш «семейный» подряд закончился на парковке.

Выжить в «Атласе»

Малика

Я смотрела в спину Данилу, и внутри меня всё клокотало от желания запустить в него чем-нибудь тяжелым. Например, моим рюкзаком.

«*Не имею желания быть нянькой*», — передразнила я его про себя. Как будто я просила его об этом!

Парень, которого Данил щелчком пальцев превратил в моего гида, выглядел так, будто его только что приговорили к расстрелу. Он нервно поправил очки на переносице и робко кашлянул, не решаясь встретиться со мной взглядом.

— П-привет. Я Артем, — выдавил он из себя. — Пойдем, я покажу, где канцелярия и... всё остальное.

Я лишь молча кивнула. Поправив тяжелую лямку рюкзака, я побрела вслед за ним. Мы шли через толпу, и я кожей чувствовала, как на нас оборачиваются: кто-то с нескрываемым интересом, кто-то — с брезгливым недоумением. Школьная форма без гольфов и мой вид «колючего ежа» явно не вписывались в местный пейзаж.

Уже через десять минут у меня начала закипать голова. Артем честно пытался быть полезным: мне показали мой шкафчик, нагрузили стопкой новеньких учебников и выдали расписание, пестрящее номерами кабинетов. Я даже успела заскочить в учебную часть, чтобы записаться на дополнительные занятия по профильным предметам — экзамены не

будут ждать, пока я разберусь со своей личной драмой.

Ровно в десять утра я уже сидела на уроке литературы. Класс был залит солнечным светом, пахло мелом и дорогим деревом. Я надеялась затеряться на задней парте, спрятаться за горой учебников и просто переждать этот день. Но едва я открыла тетрадь, как дверь распахнулась, и в кабинет, по-хозяйски закинув сумку на плечо, вошел Данил.

Данил обвел класс ленивым взглядом, и на секунду его глаза зацепились за меня. Он прошел мимо, едва не задев мое плечо своим, и по-хозяйски устроился на соседнем ряду, чуть сбоку от меня.

По классу тут же прошел шепоток. Я чувствовала на себе десятки оценивающих глаз, но упрямо смотрела в окно, считая пролетающих птиц. Все сорок пять минут я кожей ощущала его присутствие. Данил то и дело косился в мою сторону, сопровождая каждое движение учителя едва слышным, раздраженным фырканьем.

— И кто же поведает нам, что нового вы открыли для себя в **«Герое нашего времени»**? — голос учительницы вырвал меня из мыслей.

Она выглядела так, будто сама сошла со страниц романа позапрошлого века: безупречная блузка с рюшами, строгая юбка-карандаш и забавные, почти сказочные черевички. Зализанный в тугой пучок седой волос и очки, сползающие на кончик носа, довершали образ хранительницы литературы. Она ритмично постукивала указкой по столу, а я лихорадоч-

но листала учебник, пытаюсь выудить из памяти хоть что-то связанное.

Внезапно стук прекратился. Она перевела взгляд на меня и медленно спустила очки ниже, изучая мое лицо.

— Ой, совсем забыла... Простите старую женщину. — Она зашуршала страницами журнала. — Малика Романова. Наша новенькая.

Я почувствовала, как Данил замер, перестав крутить ручку в пальцах.

— Давай-ка послушаем тебя, Малика. Выходи к доске. Расскажи классу немного о себе, а заодно поделись мыслями о Печорине. Мы хотим знать, кто к нам присоединился.

— Малика... — выдохнул Данил. В его шепоте слышалось искреннее изумление, но оно длилось всего секунду.

Уже в следующую мгновение он разразился диким хохотом на весь класс, хлопая ладонью по парте.

— Малика? Это что за прозвище для породистой кошки? Или ты у нас из восточной сказки сбежала, «принцесса»?

Класс мгновенно подхватил его настрой, утопив меня в издевательском гоготе. Я чувствовала, как горячая волна стыда заливает шею. Мое имя, которое я так берегла, теперь валялось на грязном полу этого класса, растоптанное его смехом.

Я лишь полоснула его коротким взглядом и вышла к доске. Стоять перед этим классом было всё равно что стоять перед судом инквизиции.

— Меня зовут Лика Романова. Я приехала из небольшого города, потому что моя мама выходит замуж. Это всё, что вам стоит знать, — я намеренно сделала голос сухим и бесцветным. — Что касается Печорина...

— Прости, дорогая, — перебила учительница, хмурясь над журналом. — Мне неверно подали данные? Здесь написано «Малика». Так как всё-таки правильно?

— Просто ей стыдно называть полное имя, звучит же смешно! — тут же ввернул Данил, подливая масла в огонь.

Класс снова взорвался гоготом. Я чувствовала, как десятки взглядов впиваются в меня, выискивая признаки слабости. Щеки полыхали, но я заставила себя не опускать голову. Данил сидел, развалившись на стуле, и выглядел как победитель в этой жалкой схватке. Для него моё имя было просто очередным поводом для травли, а для меня оно было единственным, что связывало меня с прошлой жизнью, где меня любили.

— А ну, успокоились! — учительница с силой постучала ладонью по столу, перекрывая шум.

Данил лишь самодовольно хмыкнул и откинулся на спинку стула, бросив на меня торжествующий взгляд. Гул затих, но я знала: теперь «Малика» станет новым клеймом, которое он будет использовать при каждом удобном случае.

Я на секунду прикрыла глаза.

— Написано верно, — ответила я, глядя прямо на женщину. — Но я предпочитаю «Лика».

Она кивнула с доброй улыбкой, и я, выдохнув, вернулась к теме урока.

— Что касается Печорина... Знаете, читая Лермонтова, я вижу не героя, а человека, который отчаянно пытается почувствовать себя живым за счет других. Он называет это «скукой», но на самом деле это просто огромная пустота внутри. Он разрушает чужие жизни — жизнь Бэлы, княжны Мери, — просто потому, что ему нравится смотреть, как другие мучаются. Это дает ему иллюзию власти.

Я невольно перевела взгляд на Данила. Он сидел, подперев подбородок рукой, и его ледяные глаза теперь не выражали насмешки. Он слушал.

— Самое страшное в Печорине не то, что он злодей, — продолжала я, и мой голос окреп. — А то, что он прекрасно понимает, какую боль причиняет, но не может остановиться. Он прячется за маской цинизма, чтобы никто не увидел, насколько он сам одинок и несчастен. Такие люди считают, что мир — это их личная шахматная доска, но в итоге они всегда остаются в пустой комнате с разбитыми фигурами.

В классе повисла такая тишина, что было слышно, как гудят лампы под потолком. Я видела, как Данил медленно сжал челюсти. Кажется, мой «литературный анализ» попал точно в цель.

— Очень... глубоко, Лика, — тихо произнесла учительница. — Садись.

Я шла к своей парте, чувствуя, как лицо пылает. Проходя

мимо Данила, я услышала его язвительный шепот:

— Ботаничка, — бросил он, и в его голосе сквозила явная насмешка.

— Дурак, — так же тихо ответила я, не удостоив его взглядом, и опустила на стул.

Парень, сидевший впереди, тут же обернулся. Его улыбка была широкой и слишком самоуверенной.

— Красивое у тебя имя, — проговорил он, рассматривая меня с нескрываемым интересом. — Я еще не встречал таких.

— Благодарю, — сухо ответила я, открывая тетрадь.

— Я, кстати, Олег, — он протянул мне руку, явно намереваясь продолжить знакомство.

Но не успела я и глазом моргнуть, как Данил буквально подскочил со своего места. С какой-то дикой агрессией он спихнул меня на соседний стул, бесцеремонно вклиниваясь между нами, и с силой хлопнул Олега по протянутой руке.

— Иди учи Печорина, тупица, — прорычал он.

— Эй, тебе-то че? — Олег нахмурился, в его голосе прорезалось ответное раздражение. — Какая муха тебя укусила?

Я не стала дожидаться продолжения этой сцены. Просто пересела еще дальше, вперив пустой взгляд в учебник. Внутри всё дрожало от возмущения: он ведет себя так, будто я его собственность или, наоборот, какая-то заразная вещь, к которой нельзя прикасаться.

Весь оставшийся урок я просто пялилась в окно, считая

минуты до звонка. Данил сидел под боком, и я кожей чувствовала, как он пыхтит от злости. Его тяжелое дыхание и напряженная поза выдавали его с потрохами. Какое ему дело, кто со мной знакомится? Он ведь сам сказал, что не собирается быть моей нянькой.

Обед обещал быть тихим, но Артем решил иначе. Он притащил с собой подружку Лену — его женскую копию: те же очки, аккуратные косички. Настоящий заповедник ботаников. Они засыпали меня историями о школе и настойчиво звали в театральный кружок.

— Простите, — прервала я их поток энтузиазма, — но всё, что я умею в плане театра, — это профессионально закатывать глаза.

Как раз в этот момент мимо нашего столика шествовала «королевская свита». Данил возглавлял процессию, а на его плече буквально висла какая-то яркая брюнетка. Она смотрела на него так, будто он был единственным источником кислорода в этой столовой.

— Уверен, за такие таланты тебе сразу дадут главную роль, — бросил Данил, картинно затормозив у моего стола. Его «свита» тут же отозвалась подобострастным гоготом, готовая поддержать любой его выпад.

Я не стала вжиматься в стул. Напротив — медленно, подчеркнуто спокойно поднялась, глядя ему прямо в глаза. Воздух в столовой будто загустел.

— Не собираюсь забирать твоё место, — отчеканила я,

закидывая рюкзак на плечо. Голос звучал на удивление твердо. — Ведь главная роль придурка в этой школе уже плотно занята тобой.

Улыбка сползла с его лица так быстро, будто её стерли наждачкой. Дружки Данила замерли, переглядываясь в замешательстве, а стоящая рядом с ним брюнетка даже перестала жевать свою жвачку, вытаращив на меня глаза.

Данил на секунду потерял дар речи, но быстро взял себя в руки. Его лицо исказилось от бешенства.

— Эй, народ! — выкрикнул он на всю столовую, стараясь перекрыть шепот за соседними столами. — Объявляю нового кандидата на роль самой главной неудачницы года! Прошу любить и жаловать! Малика Романова!

Зал взорвался хохотом. Десятки глоток подхватили его издевательский клич, превращая столовую в балаган. Я мельком заметила, как Артем и Лена поспешно отвели глаза, уставившись в свои обеды — в их молчании читалось трусливое сочувствие, но мне оно было не нужно.

После уроков я обосновалась у школьного фонтана, подальше от шума и лишних глаз. В одной вкладке телефона я судорожно изучала маршруты автобусов — завтра я ни за что не сяду в машину Данила, — а в другой переписывалась с Дашкой.

#«Ли, я уже скучаю», — высветилось на экране сообщение с фотографией моей пустой парты.

Я почувствовала, как горло перехватило.

«И я», — отправила я в ответ вместе с плачущим смайлом.

Дашка тут же перезвонила по видеосвязи. Её широкая, родная улыбка на весь экран заставила меня впервые за день по-настоящему расслабиться. До моих допов оставался еще час, и этот разговор был моим единственным спасением.

— Знаешь, Гришка — полный козел, — с ходу заявила она, возмущенно размахивая руками. — Как только ты уехала, он сразу переключился на Анжелку.

Я не сдержалась и привычно закатила глаза.

— Зачем ты мне вообще про него говоришь? Я и так знала, что так будет.

— Ну, я-то была уверена, что ты ему нравишься!

— Упаси Господи, — рассмеялась я. — У него в голове, кроме железа, только пара лишних опилок.

Я настолько погрузилась в разговор, что не сразу заметила тень, упавшую на меня. Когда я подняла голову, то увидела Данила. Он стоял неподалеку, прислонившись к колонне, и с каким-то странным выражением лица наблюдал за тем, как я смеюсь в экран телефона.

Его взгляд заставил меня мгновенно выпрямиться и нажать на сброс вызова.

— Долго еще планируешь здесь сидеть? — бросил он, не подходя ближе. — Мать звонила, спрашивала, где ты.

— У меня занятия, — отрезала я, не глядя в его сторону.

— Какие еще занятия? Уроки закончились. Закрывай

свой рот сплетен и живо в тачку, — Данил явно терял терпение. — Я обещал отцу привезти тебя домой вовремя. Не смей создавать мне проблемы на ровном месте.

Я медленно поднялась с лавки, закидывая рюкзак на плечо. Внутри всё закипало от его командного тона.

— У. Меня. Еще. Занятия, — проговорила я по слогам, глядя ему прямо в глаза.

Не дожидаясь ответа, я направилась обратно к дверям школы, намеренно задев его плечом при столкновении. Данил пошатнулся и бросил мне в спину:

— Тогда будешь объясняться перед родителями сама! И попрешься домой на автобусе, ждать я не нанимался!

— Я и не просила, — бросила я, даже не обернувшись.

Его ярость волнами расходилась по воздуху, я ощущала её почти физически, кожей, но мне было плевать. Пусть задыхается в своем гневе. Я толкнула тяжелые двери и вошла в прохладный холл школы, чувствуя странное, почти забытое удовлетворение.

В голове мелькнула картинка: вот он запрыгивает в свою дорогую тачку и один едет в свой пустой особняк, кипя от бешенства. А я остаюсь здесь. Мой день в «Атласе» еще не был закончен, у меня были свои дела, свои планы, и подчиняться его дурацкому расписанию я не собиралась ни секунды. Хватит с меня его подачек в виде поездок.

Данил что-то злобно бурчал мне в спину, выкрикивая очередные угрозы или оскорбления, но слова тонули в шуме

школьного коридора. Мне было всё равно. Он до сих пор не понял одной простой вещи: я умею терпеть. Я выросла в этом умении, как в броне. И если он думал, что пара злых шуток и захлопнутая дверь заставят меня бежать за ним следом — он крупно ошибся.

Для поступления в архитектурный мне позарез нужно было черчение, поэтому я и вписалась в эти дополнительные часы. Учитель оказался неожиданно молодым — на вид он сам едва успел окончить школу и пару лет вуза, а уже всюду раздавал указания.

— Малика? — произнес он, не поднимая глаз от журнала, когда я вошла в пустой класс. — Проходи, присаживайся. Приятно видеть, что в этой школе хоть кто-то еще выбирает такой сложный предмет.

— Лика, — тут же поправила я, опускаясь за первую парту.

Я разложила свои инструменты: карандаши, линейки, ватман. Запах графита и чистой бумаги на мгновение вернул меня в старый дом. Отец всегда говорил, что у меня твердая рука и точный глаз.

Работа над проектом стала моим спасением. Когда я чертила выверенные, идеально ровные линии, реальность с её обидами и Данилом растворялась в графите и бумаге. Мир переставал казаться враждебным, пока я была во власти чертежа.

Я набралась смелости и показала учителю свой план для

поступления. Мой голос звучал на удивление твердо, когда я объясняла, что обязана завершить этот проект, но мне нужна помощь, чтобы подтянуть техническую часть. Выбор темы был рискованным и невероятно сложным — я знала, что за такие задачи никто из абитуриентов еще не брался, это был мой вызов самой себе.

Учитель долго всматривался в эскизы, и в кабинете стояла оглушительная тишина. Но стоило мне закончить объяснение и мельком глянуть на часы, как внутри всё похолодело.

За огромными окнами класса уже не просто темнело — там сгустились глубокие, тяжелые сумерки. Время, которое я так старательно игнорировала, предательски пролетело мимо. Школа почти опустела, автобусы ходили всё реже, а перспектива возвращаться в дом, где меня ждет взбешенный моим исчезновением Данил, внезапно стала пугающе реальной.

Скомкав вещи в рюкзаке и бросив учителю дежурное "до свидания", я почти выбежала из школы. На улице было промозгло; я сильнее вжалась в воротник куртки, ускоряя шаг к остановке. Сзади раздался резкий, требовательный сигнал. Я машинально отскочила на обочину, решив, что мешаю проезду, но машина не пронеслась мимо, а затормозила вровень со мной.

— Из-за тебя отец мне сейчас бошку оторвет! — рявкнул Данил, опустив стекло. — Живо садись, иначе за шкуру запихну.

Я даже не замедлила шаг, глядя только вперед.

— Обойдусь. Мой автобус будет через десять минут, — бросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал от холода.

Но Данил, видимо, перешел ту грань, когда его еще можно было игнорировать. Дверь внедорожника хлопнула, и в следующую секунду я почувствовала, как чья-то сильная рука действительно хватает меня за шкурку, как нашкодившего котенка.

— Эй! Отвали! Совсем больной?! — я начала яростно брыкаться, размахивая тубусом, словно дубинкой. Один из ударов пришелся ему по плечу, но он даже не поморщился.

— Сутки в этом городе, а уже бесишь до посинения, — прошипел он, буквально заталкивая меня на переднее пассажирское сиденье.

Он заблокировал двери раньше, чем я успела нащупать ручку. Салон мгновенно наполнился теплом и запахом его парфюма, который теперь казался мне запахом моей капитуляции. Данил обошел машину, сел за руль и с силой ударил по педали газа, срывая автомобиль с места.

— Из-за тебя мне запретили идти на вечеринку в выходные! — выпалил он, и я буквально кожей почувствовала, как его взгляд сверлит во мне дыру.

— С чего это вдруг из-за меня? — я не осталась в долгу и вызывающе помахала тубусом перед его лицом. — У меня были занятия. Или в вашей элитной дыре запрещено учиться дольше положенного?

Данил резко крутанул руль, и машину занесло на поворо-

те. Шины взвизгнули по мокрому асфальту, но он, кажется, даже не заметил опасной скорости — его трясло от ярости.

— Ты не предупредила мать! — рявкнул он, сорвавшись на крик. — Она подняла панику и обзвонила всех, включая отца. Когда я зашел в дом, он тут же вставил мне по первое число за то, что тебя нет. Ты телефоном только для сплетен со своей подружкой пользоваться умеешь? Сообразить, что нужно отписаться, мозгов не хватило?

Я чувствовала, как внутри закипает ответный протест. Усталость после занятий и этот его бесконечный ор слились в одну жгучую точку.

— Разрядился он, чё ты орешь на меня? — я вскинула голову, наплевав на осторожность. — Сама с матерью разберусь, без твоих сопливых нравоучений.

— Вот только меня в это не впутывай, ясно?! — прошипел он, вцепившись в руль так, что костяшки пальцев опасно побелели. Казалось, еще немного, и пластик просто треснет под его напором. — Ты просто раздражаешь меня своим присутствием. Каждый твой шаг, каждый вздох — это грёбаная проблема для меня. Ты — ходячая катастрофа, которая разрушила мой покой!

Когда мы влетели в ворота особняка, Данил ударил по тормозам так резко, что я едва не влетела в лобовое стекло, спас только ремень. Машина замерла, тяжело покачиваясь.

— Выметайся, — бросил он, глядя прямо перед собой невидящим взглядом. — И не забудь надеть свою маску «па-

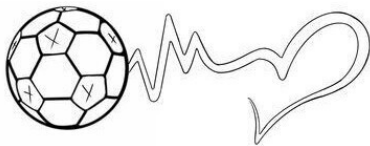
иньки» перед входом. Тебе ведь так идет роль жертвы перед родителями.

Я рванула ручку двери, мечтая лишь об одном — оказаться подальше от этого салона, пропитанного его ненавистью.

— А ты не забудь как следует размять мышцы языка, — бросила я через плечо, уже открывая дверцу. — Тебе ведь еще долго придется лизать зад своему папочке, вымаливая прощение чтобы он отпустил тебя на тусовку.

Я вышла из машины, с наслаждением хлопнув дверью так, чтобы этот звук поставил жирную точку в нашем разговоре. Мне было плевать, что он сейчас чувствует. Пусть его ярость захлебнется в салоне этого дорожного внедорожника.

Война под одной крышей

Данил

Всю ночь я не мог сомкнуть глаз. Имя «Малика» крутилось в голове, как заезженная пластинка. Почему отец ни разу не назвал её полностью? Может, он и сам не знает? Анжелика, Лидия, Эвридика — как её там по паспорту? Почему она так отчаянно цепляется за этот сокращенный вариант?

«Малика. Боже, серьёзно?»

Когда учительница произнесла это имя, меня едва не разорвало от хохота. Это звучало так нелепо и экзотично для нашей школы, что я просто не мог промолчать. Я подкинул дров в огонь, и уже через секунду весь класс дружно загоготал, подхватывая мою волну.

Я ждал чего угодно: что она покраснеет, расплачется, начнёт заикаться или спрячется под парту. Но она... она просто стояла. Ни один мускул не дрогнул на её лице.

И вот это бесило больше всего. Обиделась она или ей реально было плевать? Я всматривался в её лицо, пытаюсь найти хоть крошечную трещину в этой ледяной броне, но Малика (черт, даже про себя это имя звучит странно) держалась так, будто этот гогот её вообще не касался.

Это было похоже на удар в пустоту. Я вроде как победил, выставил её на посмешище, но триумфа не чувствовал. Наоборот, появилось паршивое ощущение, что это она здесь главная, а мы все — просто шум на заднем плане.

Ещё и Олег, скотина, со своими сальными ухмылками. Весь день лез ко мне с этой «ботаничкой», прощупывал почву. С одной стороны, мне должно быть плевать — пусть хоть в порошок её сотрут. С другой... если этот урод её реально обидит, отец мне голову открутит за то, что недоглядел. «*Я что, нянька вам?*» — злился я про себя.

А она ещё? Торчала в школе до самого вечера. Специально ведь. Даже Артём, наш местный очкарик-задрот, столько времени над учебниками не проводит. Высидит там, лишь бы со мной в одном доме лишний час не находиться.

Утро началось паршиво. Я проснулся свинцово-тяжелой головой и полным отсутствием настроения. Снизу уже доносился бодрящий аромат кофе — верный признак того, что «идеальная семья» в сборе.

Мари — мать Лики — буквально светилась, когда я зашел на кухню. Её можно было понять: впереди маячили два выходных, которые мы, по её версии, должны были провести как в рекламе майонеза — все вместе, под одной крышей, наслаждаясь обществом друг друга. От этой мысли меня едва не передернуло.

Я попытался выбить себе «свободу», в сотый раз уговаривая отца отпустить меня на тусовку к парням. Там намечалось что-то стоящее, и это был мой единственный шанс не сойти с ума в этом доме. Но отец даже слушать не хотел. Один его взгляд ясно давал понять: я остаюсь здесь, изображать радушного хозяина для нашей новой «сестренки».

— Мы проводим выходные семьёй, Данил. Это не обсуждается, — отрезал он, даже не отрываясь от газеты.

Я зло звякнул ложкой о край чашки. Взгляд невольно упал на пустое место за столом. «Дикарка» еще не спустилась, но я уже чувствовал, как эти два дня превращаются в одну сплошную пытку.

Когда Лика сползла на завтрак, потирая заспанные глаза, я едва не подавился.

На ней был какой-то запредельно нелепый комплект: футболка и до боли короткие шорты, усыпанные дурацкими зелеными лягушками. А на голове — апогей этого безумия — огромная, пушистая лягушачья резинка, которая удерживал её лохматый пучок.

Я не выдержал. Громко, по-идиотски заржал, прыснув кофе прямо изо рта. Темная лужа расплылась ровно по центру отцовской газеты. Он брезгливо одернул лист, сверкнув на меня глазами так, что я сразу понял — еще один звук, и я труп. Но потом он перевел взгляд на это «земноводное недоразумение» и... расплылся в улыбке.

— Доброе утро, Лика. Как спалось? — проворковал он таким тоном, будто перед ним сидела не девчонка в пижаме для детсадовцев, а британская королева.

Ни слова про её вид. Никаких замечаний про шорты. Мой отец, который всегда требовал от меня идеального вида за столом, сейчас просто светился добротой.

— Спасибо, хорошо, — отозвалась она, сонно моргая, и

плюхнулась на стул.

Мари тут же, как по команде, сунула ей чашку кофе, преданно заглядывая в глаза. Я смотрел на эту идиллию и чувствовал, как внутри всё закипает. Они серьезно?

Я снова глянул на её шорты. Короткие. Слишком короткие для семейного завтрака, по моему скромному мнению. Но раз папочка молчит, значит, сегодня у нас день вседозволенности для принцессы Лягушки.

— Приятного аппетита, «Ваше болотное величество», — прошептал я так, чтобы слышала только она, и демонстративно уткнулся в свой телефон, игнорируя кислый взгляд Мари.

Лица замерла, переводя взгляд с моего перекошенного от смеха лица на свои голые ноги и нелепых лягушек. Кажется, только сейчас до неё дошло, что она вышла не в свою старую кухню, а в «стерильную» зону моего отца.

— Простите... — выдохнула она, и её щеки мгновенно вспыхнули пунцовым. — Я не подумала.

Она подскочила со стула так резко, что чашка с кофе едва не перевернулась. Она почти бежала к лестнице, вжимая голову в плечи.

— Лица, всё нормально, вернись! Можешь завтракать так, — крикнул ей вслед отец, и в его голосе было столько непривычной мягкости, что меня передернуло.

Но её и след простыл. Сверху только хлопнула дверь.

— Простите, Павел, — виновато проговорила Мари, при-

жимая ладони к лицу. — Она привыкнет к вашим правилам, ей просто нужно время...

Я молча сжал зубы, ковыряя вилкой в тарелке. Внутри всё перемешалось. В одну секунду мне было абсолютно плевать на неё и её чувства — сама виновата, что приперлась сюда. Но в следующую... в груди кольнуло что-то похожее на жалость. Было тошно смотреть, как она ломает себя, пытаясь соответствовать этому дому, где даже за завтраком нужно выглядеть как на приеме у посла.

Лица вернулась быстро — всего через пять минут. Лягушки исчезли. Теперь на ней было какое-то простое легкое платье-сарафан и гетры. Волосы она стянула в строгий хвост, открыв лицо, на котором отчетливо читалась та же разбитость, что и у меня. Она выглядела так, будто полночи сражалась с какими-то своими демонами, так и не сумев уснуть.

Она молча присела на край стула, залпом выпила уже остывший кофе и даже не взглянула на тарелку с едой. Аппетит у неё, видимо, отшибло напрочь.

В этот момент в кухню вернулся отец — он отходил, чтобы ответить на звонок. Вид у него был деловой и сосредоточенный.

— Нам с Мари нужно уехать на важную встречу с партнерами, — проговорил он, убирая телефон в карман. — Вернемся поздно. А вы оставайтесь дома.

Он перевел взгляд с меня на Лику, и в его глазах блеснула эта его фирменная «педагогическая» надежда.

— Придумайте что-нибудь интересное. Займитесь чем-то общим. В общем, подружитесь наконец. Это отличный шанс.

Я едва сдержал стон. «Подружиться». Отец серьезно думал, что если запереть в одной клетке кошку и собаку на десять часов, они начнут играть в шахматы?

Ли́ка никак не отреагировала, только еще плотнее сжала пустую чашку. Мари виновато улыбнулась ей, погладив по плечу, но я видел, что мысли мачехи уже далеко — на этой самой встрече.

####

Когда входная дверь наконец захлопнулась за отцом и Мари, я выдохнул. Они уехали на встречу с партнерами, оставив нас вдвоем на целые сутки. Тишина в доме была обманчивой — я кожей чувствовал, как на втором этаже в своей «крепости» затаилась Ли́ка.

Она явно решила провести эти выходные в режиме невидимки, надеясь, что я о ней забуду. Наивная.

Во мне проснулся какой-то мелкий, пакостливый бес. Я чувствовал себя как мальчишка, которому оставили в распоряжение муравейник. Первым делом я врубил музыку на полную мощность — тяжелые басы должны были выкуривать её из комнаты не хуже дыма.

Спустя полчаса она спустилась на кухню — бледная, с наушниками на шее, стараясь не смотреть в мою сторону. Она

хотела просто налить воды, но я уже был там.

— Ой, а я как раз решил прибраться, — оскалился я, демонстративно перегораживая ей путь к холодильнику и рассыпая на пол целую пачку хлопьев. — Ой, рассыпалось. Подметёшь? Ты же у нас такая хозяйственная, Ма-ли-ка.

Она только стиснула челюсти и молча попыталась обойти меня. Но я не унимался. Когда она вернулась к себе, я нашел в гараже старый мяч и начал методично лупить им в стену её комнаты с обратной стороны, прерывая её хваленые чертежи.

Потом я «случайно» перекрыл вай-фай, когда услышал, что она созванивается со своей Дашкой. Из-за двери слышался её возмущенный вздох, а я стоял в коридоре и едва сдерживал смех. Это было тупо, по-детски, но видеть, как её ледяное спокойствие трещит по швам, было высшим наслаждением.

— Скучно? — я с силой пнул её дверь, чувствуя, как внутри закипает дурацкий азарт. — Привыкай. Это мой дом, и правила тут устанавливаю я!

Я кожей чувствовал её ненависть, просачивающуюся сквозь щели дверного проема. Но это было куда лучше, чем её ледяное безразличие. Я хотел вытравить из неё эту спокойную мину, хотел, чтобы моё присутствие жгло её, как кислота. Весь день превратился в нелепую войну: мы бились за последнюю порцию хлопьев, отбирали друг у друга пульт в гостиной и наперегонки бежали к шезлонгу у бассейна.

Финальным аккордом стала лужа молока, которую я коварно разлил у её порога. Когда она вляпалась в неё и вскрикнула, я, заходясь от хохота, бросился вниз по лестнице. Победа!

Но торжество длилось ровно три секунды. Холодный поток обрушился на меня сверху, забивая дыхание. Я замер, обтекая ледяной водой прямо посреди холла. Лика стояла у перил второго этажа с пустым ковшом в руках. Она смотрела на меня сверху вниз — без тени улыбки, без злобы, с каким-то пугающим, мертвым спокойствием.

Я вытер лицо ладонью, отбрасывая мокрые волосы назад. Ярость вспыхнула мгновенно, вытесняя остатки смеха.

— Ты что творишь, пришибленная?! — рявкнул я, вскидывая голову. — Совсем берега попутала?

Лика даже не шелохнулась. В её взгляде не было ни капли страха — только ледяное спокойствие, которое бесило больше любого оскорбления. Она медленно, почти картинно разжала пальцы. Пластиковый ковш полетел вниз, описывая в воздухе кривую траекторию, и с гулким, позорным «бум» приземлился мне прямо в лоб. Глухой звук удара разлетелся по холлу издевательским эхом.

— Ой... Упало, — произнесла она тихим, абсолютно бесцветным голосом.

— Тебе конец! — взревел я. В глазах потемнело от ярости. Я рванул вверх, перепрыгивая через две ступени, чувствуя, как внутри всё закипает.

Она коротко запищала — то ли от испуга, то ли от азарта — и рванула по коридору. На повороте у своей комнаты она едва не растянулась, поскользываясь на той самой луже молока, которую я сам же и разлил. Мы неслись по всему дому, огибая оторопевших дворецкого и горничную. Слуги вжимались в стены, глядя на этот безумный марафон, а я всё никак не мог её поймать.

Я метал в её сторону испепеляющие взгляды, а она каждый раз взвизгивала, когда мои пальцы почти касались края её платья. Лика петляла, как заяц, перепрыгивая через пуфики и огибая дорогие вазы.

— Попалась! — выкрикнул я, когда мы вылетели через террасу на задний двор.

Я нагнал её у самого края бассейна. Не раздумывая, я обхватил её за талию и, не сбавляя скорости, прыгнул вместе с ней в воду. Ледяные брызги веером разлетелись во все стороны. Холод обжег кожу, выбивая из легких остатки воздуха. Лика тут же затрепыхалась под водой, и через секунду мы оба всплыли на поверхность, жадно хватая ртом воздух.

Она вынырнула рядом, отплевываясь от воды. Мокрые волосы облепили её лицо, а платье неприятно липло к телу. Я ждал, что она сейчас начнет орать, брызгаться или расплачется, но Лика просто смотрела на меня, пытаясь восстановить дыхание.

— Идиот, — выдохнула она, вытирая глаза ладонью.

Я зачесал мокрые волосы назад и внезапно для самого се-

б я рассмеялся. Злость куда-то улетучилась, оставив после себя странную легкость.

— Зато освежает. Будешь знать, как ковшами кидаться.

Она замолчала, опираясь руками о бортик бассейна. В свете садовых фонарей капли воды на её ресницах блестели, как крошечные искры.

— Я просто хотела, чтобы ты перестал, — тихо проговорила она, глядя на темную воду. — Весь день ведешь себя как пятилетний ребенок, которому не купили машинку.

— А ты ведешь себя так, будто ты здесь хозяйка, — парировал я, но уже без прежней ярости.

Мы сидели в холодной воде в полной тишине, нарушаемой только плеском фильтра. Мои зубы начали выбивать дробь.

— Вылезай, «русалка», — я подтолкнул её к лесенке. — А то еще разболеешься, и мне снова прилетит от отца за то, что не уследил за ценным грузом.

— Иди первый! — выдохнула она, отчаянно прикрываясь руками. Вода стекала с её волос, а взгляд метался по бортику.

Ну уж нет. Я подхватил её за талию, пытаюсь вытянуть на плитку, и почувствовал, как она мгновенно напряглась под моими руками. Лица оказалась неожиданно сильной: стоило мне вытащить её на половину, как она вывернулась, скрестила руки на груди и с громким всплеском прыгнула обратно в ледяную глубину.

— Ты безумная, что ли? — я вытер брызги с лица, глядя

на неё сверху вниз. — Замерзнешь же насмерть.

— Иди... первый... — проскрежетала она побелевшими губами.

Только сейчас, глядя на неё в упор, я понял, в чем дело. Мокрая ткань её сарафана прилипла к телу, став почти прозрачной в свете уличных фонарей. Наглая усмешка застряла у меня в горле.

— Ладно, — я поднял руки в примирительном жесте и отвернулся. — Я не смотрю. Выходи.

Позади раздался быстрый плеск воды и дробный стук босых ног по кафелю. Когда я обернулся через минуту, её уже не было — только мокрая дорожка следов тянулась через террасу вглубь дома.

Я зашел в холл спустя несколько минут, хлюпая мокрыми ногами. Дом, который весь день содрогался от нашего топота и криков, вдруг стал пугающе тихим. Я поднялся на второй этаж, стараясь не развести еще больше сырости. Из-под двери Лики пробивался слабый свет и доносился шум фена.

Я зашел в свою ванную, скинул мокрую одежду и встал под горячий душ. Пар заполнил комнату, а мысли наконец начали выстраиваться в каком-то логичном порядке. Наше «сражение» за бассейн смыло весь тот яд, который я копил в себе с самого её приезда. Впервые за всё время я не чувствовал желания её уколоть.

Переодевшись в сухое, я спустился на кухню. На полу всё еще белело пятно от разлитого молока — немое напомина-

ние о моей глупой выходке. Я взял тряпку и молча вытер пол. Стало как-то не по себе.

На плите стоял чайник. Я включил его, достал две кружки и нашел в шкафу коробку с дорогим печеньем, которое Мари купила. Когда чайник засвистел, на лестнице слышались шаги. Лика вошла на кухню, кутаясь в огромный махровый халат. Она выглядела маленькой и какой-то совсем не колючей.

— Чай будешь? — буркнул я, не оборачиваясь, и поставил перед ней кружку. — Там... печенье есть.

Она замерла, глядя то на меня, то на чай. Видимо, ждала подвоха: соли вместо сахара или какой-нибудь новой пако-сти.

— Без сюрпризов? — тихо спросила она, присаживаясь на край стула.

— Лимит идиотизма на сегодня исчерпан, — я опустил на стул напротив неё и неловко пододвинул вазочку с печеньем. — Но учти: это только на вечер. Я всё ещё не рад твоему присутствию здесь, просто... на сегодня войны хватит.

Лика долго молчала, не поднимая глаз. Она смотрела на пар, поднимающийся от чашки, словно пыталась прочитать в нем свое будущее в этом доме. Наконец, она едва заметно кивнула и сделала первый глоток. В эту минуту я кожей почувствовал, что эти сумасшедшие выходные что-то безвозвратно изменили. Мы всё еще не были друзьями, и вряд ли ими станем в ближайшее время, но та глухая, монолит-

ная стена ненависти, которую я так старательно строил, дала первую серьезную трещину.

####

Воскресенье пошло наперекосяк. Лика всё-таки свалилась: температура под сорок, лицо бледное, глаза лихорадочно блестят. Мари металась вокруг неё, заламывая руки и не понимая, где дочь умудрилась так простыть, а Лика лишь вяло отмахивалась — мол, молока холодного из холодильника глотнула.

Про наш вчерашний заплыв и «водную войну» — ни слова.

Она вообще поражала меня своей способностью держать язык за зубами. Я был уверен, что при первом же удобном случае она сдаст меня отцу со всеми потрохами, вывалив список моих издевательств. Но она молчала. И это её молчание давило на меня сильнее любого скандала.

Отец, как ни странно, сменил гнев на милость и отпустил меня на тусовку к парням. Но вечер не клеился. Музыка была по ушам, пацаны ржали над какими-то тупыми шутками, а у меня перед глазами стояла эта «лягушка» в мокром сарафане, дрожащая от холода у бассейна.

Укол совести — гадкое, забытое чувство — заставил меня уйти в самый разгар веселья. По дороге домой я заскочил в кофейню и купил её любимый медовик.

В голове, как назло, всплыл разговор, который я случайно подслушал. Тогда Мари с отцом сидели в гостиной, заваленные каталогами и образцами свадебного меню.

— Медовик, — тихо сказала тогда Мари, улыбаясь своим мыслям. — Лика обожает домашний медовик. Пусть это будет её маленьким утешением на нашей свадьбе.

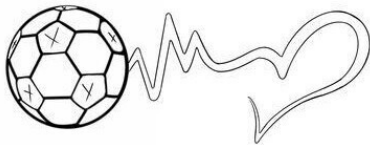
Я тогда лишь хмыкнул, проходя мимо, а сейчас эти слова жгли мне память. Черт.

Вернувшись, я не решился зайти к ней сам. Подозвал горничную, сунул ей коробку с пирожным и прошипел:

— Передай это Малике. И скажи... скажи, что это мать купила. Поняла? Только не вздумай ляпнуть про меня.

Я стоял в темном коридоре, глядя, как прислуга заходит в её комнату. Чувствовал себя последним идиотом. Но почему-то мысль о том, что она съест этот чертов медовик и ей станет хоть на каплю легче, была единственным, что позволило мне в ту ночь спокойно уснуть.

Под кожей

Данил

Новая неделя началась так, будто тех выходных — с прыжком в бассейн и чаем на кухне — никогда не существовало. Малика снова забаррикадировалась в своей комнате, выходя только в школу. Я же старательно вытравливал из памяти её бледное лицо. Не хочу помнить, что она может быть настоящей.

Утром я спустился к завтраку, чувствуя себя так, словно не спал вовсе. На кухне уже вовсю хозяйничала Мари: в воздухе плыл аромат оладий, а она сама, напевая что-то под нос, порхала у плиты.

— Ладно, признаю, — буркнул я, принимая чашку. — Хоть я вам и не рад, но готовите вы чертовски вкусно.

Её, кажется, даже не задели мои слова. Она под села напротив, глядя на меня с какой-то спокойной мудростью.

— Знаешь, Данил, — начала она тихо. — Я не собираюсь набиваться тебе в матери или затыкать собой ту пустоту, что у тебя внутри. Твоя мама жива, и это важно. Я просто хочу, чтобы ты понимал: жизнь — сложная штука. Я очень люблю твоего отца, и именно он настоял на этом переезде. У меня просто не осталось выбора.

Этот разговор с Мари стал первым за всё время, когда мне захотелось не огрызнуться, а просто промолчать и выслушать.

— С моим отцом выбора никогда и ни у кого нет, — я едва заметно кивнул, глядя на пар над чашкой. — Правда, моей матери это не помешало... сбежать и бросить меня.

Слова вылетели прежде, чем я успел их запереть внутри. Я никогда не говорил об этом вслух, тем более ей.

— Это точно, — Мари неловко рассмеялась, пытаясь разрядить обстановку, но быстро посерьезнела. В её взгляде не было жалости, только какое-то тихое понимание. — Мне жаль, что с твоей мамой так произошло, Данил. Но я здесь не для того, чтобы занять чьё-то место. Я просто хочу нормального общения. Пожалуйста, не называй меня мачехой, не делай вид, что я враг. Я просто Мари. Твой друг.

Она на мгновение замялась, а потом улыбнулась — на этот раз искренне и тепло.

— И мне правда приятно, что тебе нравится еда. От Лики комплимента вовек не дождешься.

Я тут же глянул на часы.

— Она что, опаздывает? — проговорил я, надеясь подколоть "сестру" за непунктуальность.

— Ох, не жди её. Она ушла полчаса назад.

— Правда? — я быстро запихал в себя остатки блинчиков, схватил ключи и выскочил к машине.

Приехав в школу, я первым делом обыскал глазами парковку и холл — Лики нигде не было. Уроки вот-вот начнутся, а её место пустует. Если отец из-за неё оторвёт мне голову, я потом достану её из-под земли и лично устрою вто-

рую казнь. Ну что за проблемная девчонка?

Она вошла в класс ровно со звонком. Спокойная, как танк. Села на соседний ряд, даже не взглянув в мою сторону, и принялась методично выкладывать учебники. Весь урок она была в ударе: тянула руку, что-то строчила в тетради, отвечала на самые каверзные вопросы. Меня аж перекосило от всей этой душевной правильности. Ну чистая всезнайка.

Но на черчении она превзошла саму себя. Уселась прямо под нос к учителю и всё занятие о чем-то оживленно с ним болтала. Девчонки в классе начали переглядываться и злиться — ещё бы, новая выскочка заграбастала всё внимание Андрея Владимировича, местного «красавчика». Да что там девчонки... меня самого начало потряхивать от того, как он ей улыбался.

— Андрей Владимирович, отношения между учителем и ученицей вообще-то запрещены, — подал я голос, лениво крутя в руках циркуль и сощурившись. — Вы бы хоть зашифровались. А до поздна в школе один на один «занимались», а теперь уже и при всех мило воркуете.

Класс тут же взорвался хохотом и свистом. Учитель потемнел лицом, а Лика мгновенно залилась краской. Неужели я попал в цель? Неужели этот хлыщ в костюме ей реально нравится? Внутри что-то больно кольнуло. Я с грохотом опустил циркуль на парту — парни рядом даже подпрыгнули.

Что это за тупое чувство в груди? Как будто мне не хватает воздуха. Не думая, я сгрёб свои вещи, встал и в два шага

преодолеет расстояние до первой парты. Бесцеремонно спихнув её сумку на соседний стул, я плюхнулся рядом с ней.

— Ну, давайте, рассказывайте, о чем болтаете? — я выдал самую наглую свою улыбку, хотя зубы сводило от напряжения. — Мне тоже интересно послушать.

Кабинет снова затрясся от смеха.

— Королёв, ты в кабинет к директору захотел? — голос Андрея Владимировича стал ледяным.

Лица, наконец, посмотрела на меня. Но не со страхом и не с любовью. В её глазах застыло такое презрение, что моя дежурная улыбка чуть не сползла. Она медленно наклонилась и подняла свою сумку.

— С чего бы это? — я выдавил самую самоуверенную ухмылку, на которую был способен. — Просто хочу научиться черчению. Знаете, оценки не очень, пора бы подтянуться.

Андрей Владимирович посмотрел на меня как на душевнобольного.

— Увы, Королев, — отозвался он.. — Вам это уже вряд ли поможет. Выпускной класс как-никак, а базы у вас — ноль.

Лица рядом со мной буквально вибрировала от ярости. Она сжимала карандаш так сильно, что костяшки пальцев побелели. Я уже открыл рот, чтобы отпустить какую-нибудь едкую шуточку в адрес его «профессионализма», но звонок бесцеремонно прервал мой триумф.

Класс опустел в считанные секунды. Я замер в дверях, ожидая, что она вот-вот выйдет следом, но Лица даже не ше-

лохнулась. Она снова склонилась над столом учителя, что-то активно обсуждая и делая пометки прямо в его журнале.

«Ну уж нет, дорогая, этот номер не пройдет», — вспыхнуло у меня в голове.

Я вернулся к ним широким шагом. Не говоря ни слова, сгреб её учебники, тетради и рюкзак в одну охапку и быстрым шагом направился к выходу.

— Эй! Отдай сейчас же! — подскочила она, едва не перевернув стул. — Простите, Андрей Владимирович! — крикнула она учителю уже на бегу, вылетая за мной в коридор.

Я остановился у ближайшего подоконника и начал демонстративно запихивать её вещи в рюкзак, сминая листы тетрадей. Лика подлетела ко мне и с силой выхватила рюкзак из рук.

— Кто тебя просит лезть не в свои дела?! — прошипела она, тяжело дыша.

— Домой пора, — отрезал я, чувствуя, как внутри всё клочет. — Опять собралась глазки строить учителю до самого вечера?

— Этовообще-то твоя работа. Иди своей девушке глазки строй!

— А ты что... ревнуешь?

Я замер. А потом, не отдавая себе отчета, резко шагнул к ней, сокращая дистанцию до минимума. Склонился к самому её лицу, так что наши носы почти соприкоснулись.

Она тут же онемела. Её дыхание перехватило, а в расши-

ренных зрачках я увидел свое отражение — растерянное и злое. В этот момент в коридоре как назло стало мертвенно тихо. Я чувствовал тепло её кожи, видел крошечную родинку над губой и понимал: еще секунда — и я либо сойду с ума, либо сделаю то, о чем пожалею.

— Сдался ты мне, как собаке пятая лапа! — она с силой толкнула меня в грудь, разрывая ту опасную близость, что возникла секундой ранее.

Я лишь рассмеялся ей прямо в лицо, чувствуя, как адреналин бьет в голову.

— Признай, что я тебе нравлюсь! — бросил я, не скрывая самодовольства. — Иначе не прожигала бы во мне дыры своим взглядом каждый раз, когда я вхожу в комнату.

Лица замерла, а потом подошла вплотную, задирая нос, чтобы смотреть мне в глаза снизу вверх. В её взгляде было столько яда, что хватило бы на целую кобру.

— Послушай меня, — прошипела она. — Ты — самовлюбленный индюк. Мне нравятся парни спортивные, умные, добрые и порядочные. А не такие, как ты.

— Ну... я спортивный! — я тут же расплылся в улыбке, поправляя воротник. — Я в футбол играю, чтобы ты знала. Капитан нашей школьной сборной, между прочим.

Я ждал чего угодно: восхищения, смущения, ну хотя бы легкого интереса. Я был уверен, что этот козырь сработает безотказно. Но она ударила прямо в сердце, даже не поморщившись.

— Терпеть не могу футбол, — отчеканила она. — Самая убогая игра в мире. Бессмысленно гонять кусок кожи по полю...

Отпихнув меня с дороги, она решительно направилась обратно в класс.

— Да все любят футболистов! — крикнул я ей в спину, чувствуя, как уязвленное эго требует реванша.

Она замерла в дверях и обернулась, одарив меня скептическим взглядом.

— «Все» — это кто? Ты и твоя команда? Твои фанатки из группы поддержки? — Она фыркнула и скрылась в кабинете.

Я лишь прищурился. Нет, она явно играет со мной. Ладно, «сестренка», я покажу тебе настоящую игру.

Я подобрал её рюкзак, который она в пылу спора снова чуть не забыла, и вошел следом в класс. Игнорируя удивленные взгляды, я по-хозяйски уселся за соседний стол.

— Данил, у тебя сейчас нет занятий со мной, — резонно заметил Андрей Владимирович, отрываясь от чертежа.

— Теперь есть, — отрезал я, закидывая ноги на перекладину парты. — Давайте быстрее, рисуйте свои треугольники или чем вы тут еще страдаете. Мне домой надо. Отец ясно дал понять, что я не должен возвращаться без своей... *сестры*.

Последнее слово я выделил максимально противным, тягучим голосом, глядя прямо на Лику. Она даже не обернулась, но я заметил, как напряглись её плечи.

Учитель вздохнул, понимая, что выставить меня будет сложнее, чем достроить проекцию конуса, и вернулся к объяснениям. Я же сидел и, вместо того чтобы смотреть на доску, рассматривал её затылок.

«Не любит футбол, значит?» — думал я, крутя в пальцах карандаш. — «Ничего, завтра у нас важная игра. И ты на ней будешь сидеть на первом ряду, даже если мне придется притащить тебя туда на руках».

Целый час я буквально изнывал на этом жестком стуле, издавая многозначительные стоны, но Лика будто оглохла. Она почти лежала на учительском столе, склонившись над огромным разложенным ватманом. Ее юбка при этом опасно задралась, едва не открывая всё то, что мне видеть точно не полагалось. Я сжал кулаки и демонстративно задрал голову к потолку, делая вид, что изучаю трещины на штукатурке, хотя внутри всё просто полыхало от ярости и... чего-то еще.

Они бесконечно терли про какие-то параллели, штриховку и прочую чертежную муть, в которой я за все годы учебы не смыслил ни черта. На кой ей всё это сдалось? Она что, мосты строить собралась? Ладно, можно было бы просто спросить, но сейчас я был слишком заведен.

— Так, всё, мне надоело! — я громко хлопнул ладонями по коленям, отчего звук эхом разлетелся по пустому классу. — Пора сматываться.

Я подскочил со стула и сделал шаг к столу.

— А ну, покажите, чего вы там намудрили за час?

Ли́ка среагировала мгновенно. С какой-то кошачьей грацией она перехватила ватман и в одно движение скрутила его, пряча в тубус. Секретность уровня КГБ, не меньше.

— Встретимся через три дня, Малика, — спокойно проговорил учитель, глядя на неё с какой-то особенной теплотой.

Ли́ка довольно кивнула, а у меня внутри будто что-то оборвалось.

— Ли́ка её зовут, — отрезал я, намеренно делая акцент на сокращении. Я же знал, как её бесит полное имя, хотел поддеть, уколоть, вернуть её в нашу реальность. Но она даже ухом не повела. Ноль реакции.

— Уверен, Малика звучит куда лучше, — отозвался Андрей Владимирович, поправляя манжеты.

И тут она ему улыбнулась. Не той сухой, вымученной улыбкой, которой одаривала всех, а по-настоящему. Искренне.

«Ну нет, это уже треш полнейший», — пронеслось в голове. Малика? Значит, ему она позволила называть себя так? Имя звучало на его губах как-то слишком... интимно. Породисто. А я для неё остался «самовлюбленным индюком», который даже имени её нормального не заслужил.

— Заканчивай свои дополнительные с этим придурком, — прорычал я, не выпуская её локоть. — Или я скажу твоей матери, что ты тут шашни крутишь. Уверен, она не обрадуется «карьере» своей дочери.

Ли́ка едва успевала перебирать ногами, почти семена за

мной, но вдруг резко затормозила у стеллажа с кубками. Она буквально прилипла к стеклу, вглядываясь в старые фотографии. Её рот изумленно приоткрылся.

— Это... — выдохнула она, не отрывая взгляда.

— Да, это я, — я самодовольно усмехнулся и поправил волосы, кивая на свежее фото нашей команды в центре. — Красавчик, знаю.

— Да на кой ты мне сдался! — она раздраженно махнула рукой, и прежде чем я успел сообразить, открыла стеклянную дверцу и схватила рамку, стоявшую на полку ниже моей.

— Эй! Ты что творишь? — я попытался перехватить её руку. — Так нельзя, это школьное имущество!

Но Лика проявила неожиданную прыть — она увернулась от моего захвата так ловко, будто мы были на футбольном поле, и я был всего лишь неуклюжим защитником. Она быстро щелкнула рамку на камеру мобильного и так же аккуратно вернула её на место.

— Чокнутая, — выдохнул я, захлопывая дверцу стеллажа и озираясь по сторонам. — Хочешь, чтобы нас к директору потащили за порчу витрины? Сдалась тебе эта старая рухлядь?

— Почему эта фотка здесь? — тихо спросила она, и в её голосе впервые не было ни льда, ни иронии.

— Ты серьезно не знаешь? Ах да, ты же у нас футбол «презираешь», — я сложил руки на груди. — Это легендарная команда. Они выиграли столько кубков для этой школы, сколь-

ко тебе и не снилось. Последний финал был здесь же. Самое странное, что парни были не местные, вроде как по обмену или типа того, но играли за нас. Настоящие короли. Наша команда «Короли ФК» названа в их честь. Мы их наследники, если хочешь знать.

Ли́ка стояла неподвижно, глядя на экран телефона, будто увидела там привидение. А потом, не сказав ни слова, развернулась и пошла к выходу, обгоняя меня. Весь её боевой запал куда-то испарился, оставив после себя странную задумчивость.

— Зачем тебе фотка-то? — спросил я, выруливая со школьной парковки. — Всё-таки футболом заинтересовалась?

Она сидела, уткнувшись в экран телефона, и пальцами увеличивала изображение на снимке.

— Прикинь, — буркнула она, даже не глядя на меня. — Внезапно проснулся спортивный интерес.

Я почувствовал, как по телу разливается привычное тепло самоуверенности. Внутри всё так и пело: я же говорил, ни одна девчонка не устоит перед капитаном команды, даже эта ледяная леди.

— Так и знал, что я тебе нравлюсь, — я вальяжно откинулся на спинку сиденья, крутя руль одной рукой. — Но знаешь, Малика, мне не нравятся такие, как ты. Слишком много колючек, слишком мало... послушания.

Ли́ка медленно убрала телефон в карман и повернулась ко

мне. На её лице не было и тени обиды — только сарказм.

— Ой, какая досада! — театрально воскликнула она, приложив руку к груди и закатив глаза так, будто её сейчас стошнит. — Как же я теперь буду спать по ночам, зная, что великий Королёв не оценил мою скромную персону? Мой мир рухнул, Данил. Просто в щепки.

Она снова отвернулась к окну, и я увидел в отражении стекла её едва заметную, торжествующую усмешку.

«*Смеется надо мной*», — понял я, и вместо того чтобы разозлиться, поймал себя на мысли, что хочу видеть эту её дерзкую улыбку почаще. Это было куда лучше, чем её безразличие.

За закрытыми дверями

Малика

Утро началось не с будильника, а с тихого света, пробивающегося сквозь тяжелые шторы особняка, который я до сих пор не могла назвать домом. Я потянулась к тумбочке и взяла телефон. Палец привычно скользнул по экрану, открывая вчерашний снимок.

На старой, чуть пожелтевшей фотографии папа стоял в центре — молодой, вихры торчат в разные стороны, а на лице такая шальная и гордая улыбка, что у меня перехватило дыхание. В руках он сжимал тот самый кубок, который все моё детство занимал почетное место на нашей полке в старой квартире.

«Значит, здесь...» — прошептала я, и губы сами собой растянулись в ответной улыбке. Было что-то магическое в осознании того, что я хожу по тем же коридорам, где он когда-то забивал свои лучшие голы. Мой суровый, немногословный отец был легендой этой школы. И сегодня его новая команда — теперь под предводительством этого индюка Данила — выходит на поле.

Я обязана быть там. Но Данил... О, если этот самовлюбленный капитан узнает, что я не просто «не терплю» футбол, а знаю правила офсайда лучше него, он живой с меня не слезет. Его это раздуется до размеров стадиона. Нет, я буду смотреть, но так, чтобы он меня не вычислил.

Весь учебный день превратился в один сплошной аттракцион под названием «Унизь новенькую». Данил был в ударе. Видимо, вчерашняя сцена у шкафчиков и мой отпор не давали ему покоя, и он решил отыгаться перед «своей публикой».

На литературе, когда я вышла отвечать, он громко, на весь класс, прошептал Олегу:

— Слышь, а «принцессы из гостевых» вообще умеют читать что-то, кроме меню на завтрак?

Класс послушно взорвался хохотом. Я даже не повела бровью, продолжая анализировать образ Катерины, хотя внутри всё кипело.

На большой перемене, когда я проходила мимо их компании в столовой, Данил демонстративно выставил ногу. Я едва не полетела на пол, чудом удержав равновесие.

— Осторожнее, Малика, — он намеренно растянул моё имя, подмигивая парням. — В этой школе пол слишком скользкий для таких... возвышенных натур. Ты же у нас только по облакам летать умеешь, да чертежи с учителями обсуждать.

— Данил, угомонись, — хмыкнул Олег, оглядывая меня с ног до головы. — Она же сейчас расплачется.

— Такие не плачут, — бросил Данил, и в его голосе на секунду прорезалось что-то острое, злое. — У них вместо сердца — кусок ватмана. Сухая, скучная, правильная. Даже футбол ей не мил. Как ты вообще живешь, сестренка? Неужели

тебе никогда не хотелось просто... сорваться?

Я посмотрела на него в упор. Прямо в эти голубые глаза, которые сейчас светились фальшивым превосходством. Он так старался казаться мерзавцем, так активно выставлял меня на посмешище, что это становилось даже жалко. Все смеялись — девчонки-чирлидерши, его друзья-футболисты, — а я видела только его. Он вел себя как идиот, но я чувствовала, как его взгляд буквально ощупывает моё лицо, ища хоть какую-то трещину в моей броне.

Я ничего не сказала, лишь поправила рюкзак и направилась прочь. Его насмешки всё еще звенели в ушах, но сейчас меня волновало другое. Игра должна была начаться через полчаса, и у меня как раз было время на звонок Дашке. Я ушла в самый дальний угол школьного сада, где старые яблони надежно скрывали меня от любопытных глаз, и набрала номер.

На том конце тут же раздался восторженный писк. Дашка, в своем репертуаре, начала заваливать меня сплетнями из нашей старой школы, но я прервала её поток слов.

— Даш, подожди. Я нашла фото отца. Здесь, в этой школе.

— Да ладно?! — ахнула она, и я прямо представила, как она округлила глаза. — Почему ты мне его еще не скинула? Вот же я слепая, пришло! — затараторила она, шурша чем-то на фоне. — Ого... Малика, он тут такой... красивый. И этот кубок! Слушай, так вот в кого ты такая футбольная фанатка. Теперь понятно, почему ты до сих пор хранишь ту его старую

кепку.

— Да, — тихо отозвалась я, ковыряя носком кроссовка влажную землю. Я просто хочу, чтобы меня оставили в покое, — прошептала я в трубку, чувствуя, как к горлу подкапывает комок. — Мне и так тошно от этого переезда, Даш. Всё чужое: дом, люди, этот пафосный особняк... А тут ещё и Данил.

Я вспомнила, как сегодня в столовой на меня смотрели другие девчонки — с насмешкой, подзуживаемые его едкими комментариями. Всего несколько дней в новой школе, а я уже стала местным аттракционом для битья. Если они узнают, что я торчу на стадионе, это станет последней каплей. Скажут, что я бегаю за их «золотым мальчиком».

####

Я сидела на самом последнем ряду трибун, вжавшись в холодную скамью. На мне была старая безразмерная толстовка отца и та самая кепка, козырек которой я натянула почти до носа. Успела переодеться перед матчем. Здесь, в тени навеса, я была просто еще одной бесформенной фигурой в толпе. Внизу, на ярко-зеленом поле, кипела жизнь, которую я знала изнутри, но от которой была вынуждена отречься ради собственного спокойствия.

Это была обычная предтурнирная игра, но для меня она значила больше, чем любой финал. Если бы Данил или кто-

то из его компании узнал, что «зануда-падчерица» живет футболом, мой мир в этой школе окончательно бы превратился в ад. Они бы смеялись, тыкали пальцами, превратили бы мою страсть в очередную шутку.

Но сейчас мне было всё равно.

Когда мяч со звонким стуком ударился в штангу после мощного удара Олега, я почувствовала, как пальцы сами собой сжались в кулаки. «Угол! Бери угол, идиот!» — кричало всё внутри, но губы были плотно сжаты. Я видела каждую тактическую ошибку, каждый недоигранный пас.

А потом Данил совершил невероятное. Он принял мяч на грудь, обвел двоих защитников и в падении отправил снаряд точно в девятку. Весь стадион взлетел в едином порыве. Рев трибун оглушал. Я чувствовала, как мои ноги пружинят, как всё тело рвется вверх — подпрыгнуть, закричать от восторга вместе со всеми... Но я вовремя вцепилась в край скамьи. Мое лицо горело, а сердце колотилось где-то в горле.

«Признаю, черт возьми... играют они супер», — пронеслось в голове, когда я смотрела на сияющего Данила, которого партнеры хлопали по плечам.

Но как только судья дал финальный свисток, эйфория сменилась холодным расчетом. Толпа начала медленно стекать с трибун, и я поняла: пора. Если Данил выйдет с поля и начнет свой обычный обход «владений», он может заметить меня. А его издевательств на сегодня с меня хватит.

Я вскочила и, не дожидаясь, пока игроки покинут поле,

бросилась к боковому выходу. Спускаясь по лестнице, я едва не сбила какую-то девчонку из чирлидинга, но даже не извинилась. Пульс зашкаливал.

Выскочив за ворота стадиона, я не пошла к стоянке, где обычно ждал внедорожник с Данилом. Вместо этого я почти бегом направилась к автобусной остановке за углом школы. Мне было плевать на комфорт и на то, что мать будет волноваться. Главное — исчезнуть.

Когда старый автобус со скрипом открыл двери, я буквально ввалилась внутрь и забилась на самое последнее сиденье, глядя в окно. Мимо проносились школьные стены, стадион, и где-то там, в центре внимания, оставался Данил со своей короной.

Я ворвалась в дом, надеясь незамеченной проскочить на второй этаж, но мама будто поджидала меня в холле. Она замерла, пристально вглядываясь в моё покрасневшее лицо и лихорадочный блеск в глазах. От неё не укрылось моё состояние — она слишком хорошо знала, что заставляет моё сердце биться так часто.

— Я купила билеты, как ты и просила, — тихо сказала она, и в её голосе прозвучало сожаление. — Но прости, детка, сама пойти не смогу. У нас ужин с Павлом у кого-то из его деловых партнеров.

— Всё нормально, мам, я схожу одна, — быстро ответила я, пытаясь унять дрожь в руках. — Скинь билет на почту, ладно?

Я подошла и быстро чмокнула её в щеку, уже заноса ногу на первую ступеньку, но вдруг замерла. Обернувшись, я перехватила её руку и посмотрела прямо в глаза.

— И, мам... не говори никому о футболе, ладно? Пожалуйста. Пусть это останется моей маленькой тайной.

Мама понимающе улыбнулась, её взгляд потеплел.

— Конечно, малышка. Твой секрет в безопасности.

Она притянула меня к себе, нежно поцеловала в лоб и ласково потрепала по волосам. Этот жест был таким «нашим», из той, прошлой жизни, что у меня предательски защипало в глазах. Одна одинокая слеза скатилась по щеке.

— Я очень скучаю по нему, — прошептала я, уткнувшись ей в плечо.

— Знаю, милая. И я тоже, — выдохнула она, крепче сжимая меня в объятиях.

В этот момент тяжелая дверь с грохотом распахнулась. На пороге стоял Данил. Он еще не остыл после игры: волосы были влажными от пота, на скуле красовалась свежая ссадина, а в руках он держал спортивную сумку. Он замер, переводя взгляд с наших объятий на моё заплаканное лицо.

Его брови тут же сошлись на переносице, а лицо окаменело. В его глазах читалась смесь подозрения и странного, неоправданного раздражения. Наверное, он решил, что я снова на что-то жалуюсь или строю из себя жертву перед матерью.

— Ладно, я пойду, — буркнула я, резко отстранившись

от мамы.

Я буквально взлетела по лестнице, чувствуя, как его тяжелый, жгучий взгляд сверлит мне спину до самой двери комнаты. Заклопнув замок, я сползла по стене.

В соседней комнате с грохотом хлопнула дверь — Данил явно был не в духе. Я еще не успела сбросить рюкзак, как телефон в руке завибрировал. Сообщение с незнакомого номера.

«Жалуешься мамаше, что я тебя обижаю в школе? Решила слезу пустить для верности?»

Я нахмурилась. Пальцы быстро застучали по экрану:

«Откуда у тебя мой номер?»

Ответ прилетел мгновенно, я почти слышала его издевательскую ухмылку через стенку:

«Мы же теперь родня, сестренка. Нашел в списках отца. И что вообще на тебе было надето? Ты что, тайно играешь на гитаре в подворотне, чтобы заработать на карманные расходы? Выглядишь как бездомный рэпер».

Я замерла.

«Ха-ха»,— набрала я, чувствуя, как внутри закипает привычное раздражение, смешанное с азартом.

«Не угадал. Я тайно расклеиваю листовки с рожей самовлюбленных дураков и подписываю: "Индюк года". Ты, кстати, лидируешь в голосовании. Готовься к славе».

Я отбросила телефон на кровать и подошла к зеркалу. Глаза всё ещё были чуть красными после маминых объятий, но губы невольно дернулись в улыбке.

За стеной послышался какой-то шум — кажется, Данил со злостью пнул стул.

«Смотри не обклейся ими сама, Ма-ли-ка», — пришло очередное сообщение. **«Вечером отец ждет всех внизу. Будь добра, надень что-то приличное, а не этот чехол от танка, в котором ты приехала».**

— Извини, индюк года, но у меня другие планы, — пробормотала я под нос, отбрасывая телефон. — И поверь, оденусь я так, как того требует моё желание. Сам со своим папой ужинай.

Я быстро проверила электронный билет. Адрес стадиона, время начала — всё сходилось. У меня было ровно два часа, чтобы доехать и морально настроиться. Это был не просто матч. Сегодня — годовщина смерти отца, и последние три года в этот день у нас была негласная традиция: я шла на стадион болеть за нашу любимую команду ЦСКА. Это был мой способ поговорить с ним, почувствовать, что он всё ещё рядом, где-то там, в шуме трибун и криках болельщиков.

Я схватила небольшую спортивную сумку и начала быстро закидывать в неё свой «боевой комплект»: поношенную, пахнущую домом папину футболку, старую кепку, фанатский шарф с эмблемой клуба. Последними в сумку полетели краски для лица — красно-синие штрихи на щеках были обяза-

тельной частью ритуала. Переоденусь уже там, в туалете стадиона.

Для «прикрытия» я выбрала короткую юбку, футболку с принтом кота в наушниках и накинула сверху кожаную куртку — сентябрь радовал теплом, но к вечеру точно похолодает.

Взяв деньги и телефон, я вихрем вылетела из комнаты. На кухне как раз собрались все. Я на ходу ловко перехватила яблоко из рук мамы, которая едва успела ахнуть. Она проводила меня мягким взглядом и только и успела крикнуть вслед:

— Лика, пожалуйста, не задерживайся допоздна, ладно?

— Да, мам, люблю тебя! — крикнула я уже из прихожей, на секунду задержав презрительный взгляд на Даниле.

Он стоял, прислонившись к косяку, и в его глазах читалось явное недоумение. Мой наряд и внезапная спешка явно не вязались с образом «домашней тихони». Я видела, как он открыл рот, чтобы вставить очередную колкость, но я не дала ему этого шанса — хлопнула дверь и рванула к воротам.

Когда я добежала до остановки, в голове пульсировала только одна мысль: «Лишь бы успеть».

Я проскользнула в кабинку общественного туалета на стадионе и за считанные минуты сбросила образ «правильной девочки». Кожанка и юбка полетели в сумку, а их место заняла старая, пахнущая домом футболка отца. Я распустила волосы, позволяя им беспорядочно упасть на плечи, и натя-

нула кепку до самых бровей. Теперь я была на своем месте.

Когда я вышла на трибуну, гул многотысячной толпы ударил в грудь, заставляя сердце биться в ритме фанатских барабанов. Игра была просто сумасшедшей. Смотря на поле, я невольно чувствовала, как на глаза наворачиваются слезы — горькие и сладкие одновременно. Перед глазами всплывали картинки из детства: папа, такой большой и сильный, держит меня за руку и ведет на трибуны.

— Смотри, Ли, это подкат, — слышала я его глуховатый голос, когда очередной игрок эффектно летел по газону, выбивая мяч. — А вот это — желтая карточка, штрафной. Запоминай, это игра для сильных.

Я тогда буквально пыхтела от усердия, стараясь не пропустить ни одного его слова, впитывая правила футбола как высшую математику. И вот сейчас я здесь, одна, но будто чувствую его ладонь на своем плече.

Момент истины настал во втором тайме. Наши провели молниеносную атаку, и мяч со свистом вонзился в сетку ворот соперника. Я подскочила как ужаленная, напрочь забыв о своей конспирации. Голос сорвался на крик, сливаясь в едином экстазе с толпой. Я выхватила из сумки флаг ЦСКА и начала неистово размахивать им над головой, чувствуя себя абсолютно свободной.

Едва я опустилась на сиденье, пытаясь отдышаться, как весь сектор вокруг меня зашумел еще громче. Я подняла взгляд на огромный медиакуб под крышей стадиона и замер-

ла: с экрана на меня смотрела я сама. Растрепанная, с размазанной по щекам красно-синей краской, сияющая от счастья. Оператор задержал камеру на моем лице, и я, подавшись импульсу, со смехом помахала в объектив.

Эмоции переполняли так, что казалось — я сейчас просто взлечу.

Я добралась до дома только к полуночи. Автобусы в это время уже не ходили, а такси пришлось ждать целую вечность. Еще по дороге я отправила маме короткое «всё хорошо», на что она ответила длинным сообщением с извинениями — ей явно было не по себе, что в такой важный для меня день она пропадала на ужине с Павлом.

Я вошла в дом на цыпочках, надеясь проскользнуть к себе, но у самой двери в комнату путь мне преградил Данил. Он стоял, прислонившись к косяку, со скрещенными на груди руками, и в полумраке коридора его взгляд казался особенно тяжелым.

Я не собиралась вступать в дискуссии. Молча подойдя к нему, я просто взяла его за плечи и, приложив немного силы, отодвинула с дороги, заходя в свою комнату. Но Данил не собирался отступать — он бесцеремонно шагнул следом за мной, даже не подумав спросить разрешения.

— Эй, а ну выходи! — возмутилась я, оборачиваясь к нему. — Ты что себе позволяешь?

Вместо ответа он резко подался вперед и дернул меня за локоть на себя. Я замерла, оказавшись в опасной близости

от него. Данил не сводил глаз с моего лица, а потом медленно поднял руку и с силой провел большим пальцем по моей скуле.

— Что это? — пробормотал он, разглядывая свой палец, на котором остались красно-синие следы краски. Я так спешила, что, видимо, плохо смыла свой «боевой раскрас». — Ты что, в художницы записалась, Малика? Или решила стены в подворотнях красить?

Его голос звучал низко, с какой-то странной хрипотцой. Он смотрел на меня в упор, и я видела, как в его глазах борется желание съязвить и какое-то новое, непонятное мне любопытство.

— Не твое дело, Королёв, — я попыталась высвободить руку, но он сжал пальцы крепче. — Уйди из моей комнаты. Сейчас же.

Данил даже не шелохнулся. Вместо того чтобы уйти, он разжал пальцы и принялся медленно сканировать взглядом мою комнату. Я почувствовала, как внутри всё похолодело — на полке всё ещё стояли рамки и тот самый папин кубок.

Я сорвалась с места, в несколько шагов преодолела расстояние до стеллажа, сгребла всё в охапку и буквально зашвырнула под одеяло, тут же плюхнувшись сверху.

— Прячешь женские секреты? — он усмехнулся, приподняв бровь. Его явно забавляла моя паника.

— Именно, — отрезала я, стараясь дышать ровнее. — В обморок упадешь, если увидишь пачку прокладок. Провали-

вай.

Данил на секунду вытаращил глаза, а потом просто заржал, запрокинув голову. Смех у него был чистый, громкий, совсем не такой, как та ядовитая ухмылка в школе.

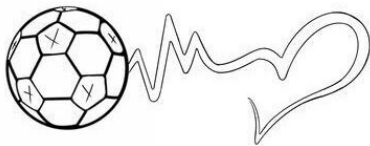
— Мне что, десять лет? — выдавил он сквозь смех. — Я знаю, что такое месячные, Лика. Поверь, это не то, от чего нормальный парень падает в обморок. Ты меня за дебила совсем держишь?

— Время видел? — я проигнорировала его выпад, указывая на дверь. — Уходи давай. Не ты ли орал в школе, как я тебя бешу и как тебе противно жить со мной под одной крышей? Будь любезен, следуй своим же словам и вали из моей комнаты.

Данил мгновенно перестал смеяться. Улыбка сползла с его лица, и он снова стал тем холодным парнем, которого я видела в коридорах. Он сделал шаг к двери, но на самом пороге обернулся. Его взгляд упал на край одеяла, из-под которого предательски торчал угол золотистой подставки кубка.

Данил лишь слегка ухмыльнулся, бросил на меня последний, какой-то непривычно долгий взгляд и вышел, плотно закрыв за собой дверь.

Вне игры

Данил

После того как Лика вылетела из дома, я места себе не находил. В голове крутился этот её вызывающий взгляд и фраза про «индюка года». Какая-то ненормальная энергия. Я закрылся в комнате, врубил ноутбук и вывел на экран прямую трансляцию матча ЦСКА. Футбол всегда помогал мне выпустить пар.

— Да куда ты пасуешь, косой?! — орал я на весь пустой дом, когда очередной нападающий мазал по воротам.

Дом был полностью в моем распоряжении — отец с Мари уехали, и я мог хоть на голове стоять. Но даже во время самых острых моментов я невольно поглядывал на часы. Полночь скоро, а этой девчонки всё нет. В чужом городе, без связей, без друзей... И мачеха её отпустила с таким спокойствием, будто Лика пошла за хлебом в соседний магазин, а не сорвалась куда-то на ночь глядя. Что-то тут было не так.

На экране армейцы наконец-то забили. Я подскочил, выкрикивая ругательства вперемешку с радостным победным воплем. Камера, как это обычно бывает после гола, пошла гулять по трибунам, выхватывая самых ярких фанатов.

И тут я замер. Дыхание перехватило, а стакан с водой едва не выскользнул из рук.

На огромном экране, в свете прожекторов стадиона, я увидел Лику. Она была... другой. Расфуфыренная — если мож-

но так сказать про девчонку в огромной, явно мужской футболке «Королей ФК» старой модели. На голове — кепка, волосы рассыпаны по плечам, лицо горит огнем. Она была воплощением красоты и какой-то дикой, первобытной радости.

Она не просто смотрела — она жила этой игрой. Махала флагом ЦСКА, что-то кричала, а потом, когда камера замерла на ней, улыбнулась и помахала в объектив. На мгновение мне показалось, что своими красивыми голубыми глазами она смотрит прямо на меня, сквозь километры и экран ноутбука.

— *«Не любишь футбол»*, значит? — проговорил я себе под нос, чувствуя, как внутри всё переворачивается. — Ну ты и актриса, Малика...

По тому, как она держалась, как реагировала на каждый подкат, было ясно: она на стадионе не в первый раз. Она знает эту игру лучше многих моих парней из команды. Все её сухие взгляды и притворное безразличие в школе — это была просто чертова маска. Но зачем?

Эта мысль жгла меня изнутри, не давая покоя. Я мерил комнату шагами, пытаюсь состыковать два образа: колючую, холодную отличницу, которая в лицо мне заявила, что футбол — «убогая игра», и ту безумную фанатку с экрана, чьи глаза светились таким знакомым азартом. Зачем ей эта ложь? Зачем скрывать то, что у неё в крови?

Я резко сел за стол и открыл школьный архив на офици-

альном сайте. Пальцы быстро вбивали запросы, пока я не нашел тот самый снимок из зала славы, который она так судорожно фотографировала на телефон.

На пожелтевшем фото была запечатлена «золотая команда». В самом центре, возвышаясь над остальными, стоял парень с такой широкой и открытой улыбкой, что от неё, казалось, становилось светлее даже через экран. Высокий, атлетично сложенный, настоящий лидер. И на нем была та самая футболка — с тем же характерным воротником и эмблемой.

— Черт... — выдохнул я, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

Подпись под фото гласила: *«Кирилл Романов, капитан и основатель ФК "Короли"»*.

Я лихорадочно вбивал его имя в поисковую строку, и экран тут же запестрел ссылками: архивные статьи спортивных изданий, записи знаковых матчей, старые интервью. Мой палец замер над заголовком, от которого в груди всё болезненно сжалось:

«Ушел из жизни легендарный капитан: Кирилл Романов скончался три года назад от рака мозга».

Я вспомнил тот день. Он просто исчез с радаров большого спорта, сделав на одном из матчей короткое, сухое заявление о том, что уходит и уступает дорогу молодым. Тогда никто не понимал истинной причины. Я и сам давно о нем ничего не слышал, думал, что он просто выбрал тихую жизнь где-нибудь за границей. А он... он просто уходил умирать.

Я откинулся на спинку стула, невидящим взором уставившись в потолок. Внутри всё перевернулось и завязалось в тугой узел.

Это получается... он её отец? Человек, из-за которого я когда-то вообще взял в руки мяч? Тот самый Романов, чьи финты я часами, до седьмого пота, разучивал на заднем дворе, мечтая стать хотя бы бледной тенью великого мастера?

Малика — дочь моего кумира. Дочь человека, который создал всё то, чем я сейчас так кичусь: нашу команду, наши традиции, само наше название «Короли». А я... я всё это время вел себя как последний подонок. Я издевался над ней в тех самых школьных коридорах, где когда-то её отец ковал историю этого клуба.

В горле встал горький ком. В памяти всплыл её тихий, надрывный плач за закрытой дверью и тот её пустой, выжигающий взгляд. Она никогда не ненавидела футбол. Ей просто было невыносимо больно смотреть на то, как я — напыщенный и самовлюбленный придурок — пытаюсь носить корону, которая по праву принадлежала её отцу. Я щеголял в капитанской повязке, не осознавая, что для неё это не просто символ власти в школе, а живая рана.

Я не смыкал глаз почти до часу ночи, вслушиваясь в каждый шорох и ожидая, когда же она вернется. Когда внизу наконец хлопнула входная дверь, я тут же вышел в коридор и подпер плечом косяк её комнаты.

Она кралась так тихо, словно тень, спрятав лицо за распу-

ценными волосами, и едва не врезалась в меня в полумраке. Я уже приготовился к очередной порции яда или едкой колкости, но Лика удивила меня: она просто молча, почти механически, отодвинула меня со своего пути и зашла внутрь.

Когда я шагнул следом, мой взгляд первым делом зацепился за полку над кроватью. Там, в свете уличного фонаря, блеснул кубок нашего клуба, а рядом стояли фоторамки с дипломами и снимками. В ту секунду я еще не придал этому особого значения, но когда она с какой-то отчаянной поспешностью сгребла всё это и запрятала под одеяло, я невольно усмехнулся.

«Почему она так это прячет?» — пронеслось у меня в голове. Что в этом такого ужасного? Ну, любит девчонка футбол, разбирается в нем — в нашей школе её бы за это на руках носили. Но я промолчал. Не стал лезть с расспросами. Раз она так старательно возводит эти баррикады, значит, у неё есть на то веская причина.

Я смотрел на неё, сидящую на кровати поверх спрятанных сокровищ, и чувствовал, как внутри меня что-то ломается. Весь этот вечер — от экрана ноутбука до её комнаты — превратился в один сплошной урок. Я пришел сюда, чтобы позлорадствовать, а ушел с тяжелым осознанием: за её холодным игнором скрывается целая вселенная боли, связанная с тем самым человеком, на которого я молился всё детство.

На протяжении всей недели Лика словно играла со мной в «кошки-мышки». Она уезжала на первом же автобусе, задол-

го до того, как я успевал спуститься к завтраку. Мари лишь пожимала плечами, мол, девочка просто очень прилежная.

Когда я попытался прощупать почву и заговорил о футболе, Мари искусно переводила тему, делая вид, что вообще не понимает связи между спортом и её дочерью. Но стоило мне прямо сказать, что я всё знаю, мачеха сдулась. Она тяжело выдохнула и отставила чашку.

— Не нужно в этом копаться, Данил, — тихо, но твердо сказала она. — Это её самая глубокая рана. Не трогай её. Я вижу, что вы и так не ладите, а футбол только всё усугубит.

Она посмотрела на меня с такой непривычной грустью, что мне стало не по себе.

— Я надеялась, что ты pomoжешь ей освоиться, станешь старшим братом... Но теперь вижу, что это была глупая затея. Я подумываю вернуть её обратно в родной город. Мне не нравится её состояние, она гаснет на глазах. И оценки поползли вниз.

Внутри меня будто всё похолодело. Каждое слово Мари било наотмашь. Оценки, состояние, одиночество... Черт, ведь это всё я. Это я заварил эту кашу, я сделал её мишенью для всей школы, я перекрыл ей кислород своим идиотским «авторитетом». Из-за меня у дочери Романова здесь нет ни одного друга, только враги и насмешки.

— Вы что, хотите, чтобы она жила там одна? — я едва узнал собственный голос, в нем сквозило неприкрытое напряжение. — Отец этого не допустит.

— Я уже всё продумала, — Мари отвела взгляд. — Договорилась с семьей её подруги Даши, они любезно согласились взять Лику к себе. Там ей будет лучше. Там её любят.

Я сжал кулаки под столом так, что ногти впились в ладони. Она уедет. Исчезнет из этого дома, из этой школы, из моей жизни. И она уедет, ненавидя меня, считая ничтожеством, которое растоптало память о её отце.

— Нет! — вырвалось у меня резче, чем я планировал. Мари даже вздрогнула от неожиданности. — Не надо её никуда отправлять. Я помогу.

Я постарался взять себя в руки и придать голосу привычную долю пофигизма, хотя внутри всё вибрировало от страха, что она реально исчезнет.

— Да, у нас не заладилось сначала, признаю. Но просто мало времени прошло. Она девчонка, со своими закидонами, а я, знаете ли, не экстрасенс, чтобы ваши капризы угадывать. Оценки она исправит — я видел, как она в школе пашет, она же ходячая энциклопедия.

Я схватил рюкзак и, машинально прихватив со стола яблоко, почти бегом рванул к машине. Мозг работал на пределе. *«Тупица, Данил! Каким надо быть кретином, чтобы втюриться в девчонку за пару недель? Да еще в сводную сестру! Отец точно уши открутит, если узнает»*. Но мысль о том, что её комната будет пустовать, а на её месте за обеденным столом будет сидеть тишина, пугала меня до чертиков.

Прилетев в школу, я не пошел к парням. Плевать на их

шуточки. Я носился по коридорам, сканируя каждый угол. Мне нужно было найти её раньше, чем прозвенит звонок.

Я нашел её в самом дальнем углу библиотеки. Она сидела, спрятавшись за высокой стопкой книг, и что-то быстро писала, низко наклонив голову. Бледная, осунувшаяся. Вина кольнула меня в самое сердце.

— Мама твоя передала, сказала, ты не завтракала, — соврал я, бесцеремонно выкатив яблоко прямо на её тетрадь.

Лица лишь одарила меня таким взглядом, будто я подкинул ей дохлую мышь, и продолжила что-то лихорадочно строчить. Я попытался заглянуть в её записи, но она тут же с треском захлопнула тетрадь и начала сгребать вещи в рюкзак.

— Что тебе опять надо? Придумал новую издевку? — процедила она сквозь зубы.

— Ну да, планировал вообще-то, — отозвался я, напуская на себя привычный вид «короля школы», хотя внутри всё сжималось. *Почему я веду себя как законченный идиот?*

Я кашлянул и выдал главное:

— Мама твоя недовольна твоими оценками. Сказала, если не исправишь, отправит тебя обратно в город, к какой-то там Дашке.

Я ждал, что она испугается, начнет оправдываться или хотя бы расстроится. Но Лица вдруг замерла и резко вскинула на меня взгляд. В её глазах не было ни капли смятения. Наоборот — они вспыхнули какой-то странной, пугающей на-

деждой. Она что, реально рада?!

— Правда? — выдохнула она, и на её губах впервые за всё время появилась слабая, но настоящая улыбка. — Почаще бы из твоего рта выходили приятные новости, а не убогие подколы.

Она подхватила рюкзак и почти вприпрыжку направилась к выходу из библиотеки, оставив меня сидеть с открытым ртом.

— Чего? Приятные новости?! — крикнул я ей вдогонку, но она даже не обернулась.

Черт. Я-то думал припугнуть её, заставить остаться, а в итоге, кажется, сам указал ей путь к отступлению. Она хочет уехать. Она настолько меня ненавидит, что готова бросить мать и этот дом, лишь бы не видеть мою физиономию.

Я вскочил и рванул за ней.

— Стой! Лика, подожди! — я перехватил её за плечо уже в коридоре, где вовсю гремела перемена. — Ты серьезно хочешь свалить? А как же Мари? Как же... ну, вообще всё? Ты просто сдашься и убежишь?

— С чего ты взял, что я бегу? Я просто возвращаюсь домой, — она пожала плечами с таким видом, будто мы обсуждали погоду, а не крушение моей жизни. — Уверена, ребята в старой школе будут рады моему возвращению.

— И что, ты теперь специально скатишься по всем предметам, чтобы поскорее свалить? — я шел за ней по пятам, закипая от её спокойствия.

— Конечно нет. Я что, идиотка — портить себе аттестат? Просто попрошу маму вернуть меня, и всё.

— Но сейчас выпускной класс! Ты и так моталась туда-сюда, это же стресс, — я пытался найти хоть какой-то логичный повод, чтобы она передумала.

Лица резко остановилась и обернулась.

— А почему тебя это вообще так заботит, Данил? — выпалила она, глядя мне прямо в глаза.

Я не успел ответить. Мимо с диким хохотом пронеслась толпа десятиклассников, и один из них чуть не снес Лику с ног. Я среагировал быстрее, чем успел подумать: резко дернул её за локоть на себя, прижимая к своей груди. Она буквально вписалась в меня, уткнувшись носом в мою рубашку.

— Куда прете, придурки?! — рявкнул я на пацанов так, что они на ходу подавились смехом и прибавили газу.

В коридоре на секунду стало тише. Я чувствовал, как бешено колотится её сердце через тонкую ткань, а она, задрвав подбородок, смотрела на меня в упор — то ли от шока, то ли от возмущения.

Половина коридора замерла, наблюдая за этой сценой. Капитан футбольной команды обнимает «сводную сестру», которую сам же неделю травил? Это был скандал года.

Лица, осознав, что на нас смотрят десятки глаз, резко вырвалась из моих рук. Её щеки вспыхнули пунцовым цветом.

— Не трогай меня больше, — прошипела она, поправляя рюкзак. — И не лезь в мою жизнь. Ты уже достаточно сделал.

Она развернулась и почти бегом скрылась в кабинете математики. Я остался стоять посреди коридора, чувствуя, как на ладонях еще осталось тепло её тела. Черт. Если она уедет, я сам сожгу эту школу к чертям собачьим.

Весь урок я не мог оторвать от неё взгляда. Малика сидела идеально ровно, полностью погрузившись в решение задач. Парни, подогретые моими же прошлыми выходками, то и дело кидали в неё бумажные шарики и противно ржали, но она даже не вздрагивала — полный игнор. Девчонки тоже не отставали: их так и распирало от злости, что «красавчик» Андрей Владимирович хвалит её за чертежи, пока они в своих коротких юбках и с тонной макияжа остаются в тени. Малика же была в строгой форме, с простым темным хвостом и абсолютно чистым лицом, но почему-то это цепляло меня сильнее любого глянца.

Я сам не заметил, как замер, подперев голову рукой, и просто любовался тем, как она хмурится над тетрадью.

— Королёв! Может, ответишь уже на вопрос? — голос учителя вырвал меня из транса. — Я понимаю, что Малика — девушка выдающегося ума, но ответа в её голове ты точно не прочитаешь.

Класс затих. Лика резко обернулась и посмотрела на меня в упор. Я подскочил, чувствуя, как уши заливают жаром.

— Да я не на неё смотрел! — выпалил я первое, что пришло в голову. — В окно глядел. Погода отличная, чтобы в футбол поиграть после школы.

Класс тут же взорвался хохотом. Лица лишь презрительно скривила губы и отвернулась, а Олег смерил меня таким тяжёлым, злым взглядом, что всё стало ясно без слов. Он явно запал на неё, хотя я по-хорошему запретил ему даже смотреть в её сторону. Но ирония была в том, что я и сам пускал на неё слюни, совершенно того не осознавая.

— Чё пялишься? Учи давай математику, — огрызнулся я Олегу.

— Так что с ответом, Данил? — голос учителя вырвал меня из мыслей. — Если косинус угла равен единице, то чему будет равно значение синуса в этой же точке?

Я завис. Какой, к черту, синус? Я лихорадочно соображал, а потом, не придумав ничего лучше, наклонился через проход к Лике. Она тут же попыталась прикрыть тетрадь, но я навис над её партой, мертвой хваткой вцепившись в край листа.

— Эй, сестренка, не хочешь брату помочь, а? — усмехнулся я, нагло подтягивая её записи к себе.

— Королёв, заканчивай строить из себя клоуна, — отрезал учитель. — Говори ответ, иначе два в журнал.

Лица лишь закатила глаза и, видя мою безысходность, внезапно отпустила тетрадь. Я впился глазами в её каллиграфический, идеально ровный почерк.

— Э-э-э... а где тут ответ? — прошептал я.

— Там его нет, — спокойно проговорила она, даже не глядя на меня.

— Тогда зачем ты мне её отдала?!

— Так ты же сам тянул, — отозвалась она, едва заметно хихикая.

Я смирил её яростным взглядом и швырнул тетрадь обратно. Сидел, тупо уставившись в доску, понимая, что «пара» неизбежна. Но тут мне на парту прилетела крошечная скомканная бумажка. Лица в это время уже снова уткнулась в свои дела, будто ничего не произошло.

— Равно нулю! — выкрикнул я, едва развернув записку. Учитель одобрительно кивнул.

— Верно. Ответ лежал прямо на поверхности, Данил. Думал так долго, словно я тебе квантовую физику задал.

Я выдохнул, чувствуя, как в груди разливается странное тепло. Эта девчонка только что спасла мою шкуру, хотя минуту назад откровенно надо мной издевалась.

На черчении всё окончательно полетело к чертям. Лица, как обычно, собиралась занять место поближе к учителю, но Лиза со своей свитой решили устроить шоу. Лиза — капитан группы поддержки, длинноногая кукла, которая почему-то решила, что имеет на меня эксклюзивные права. Раньше меня это не парило, её компания была статусным дополнением к моему имиджу, но сейчас её выходки вызывали у меня только глухое раздражение.

Когда Лица проходила мимо, кто-то подставил ей подножку. Она едва не пропахала носом пол, в последний момент ухватившись за Олега. Тот придержал её, зыркнув на девчо-

нок, но те уже вошли в раж.

— Проваливай на задворки, пустое место, — выплюнула Лиза, победно вскинув на меня взгляд в ожидании одобрения. Она снова что-то ядовито прошипела ей на ухо, так тихо, что слова растворились в шуме класса, оставшись только между ними.

Лика ответила — негромко, но настолько хлётко и ёмко, что Лиза буквально задохнулась от возмущения. Её глаза округлились, наполнившись яростью. В следующее мгновение она мертвой хваткой вцепилась в воротник Ликиной рубашки, смятая ткань в кулаках.

— Повтори, мышь, что ты сейчас вякнула?! — провизжала она, теряя остатки самообладания.

И тут Лика взорвалась. Я никогда не видел её такой. Она не плакала, не сжималась — она бросилась в бой. Они сцепились как разъяренные кошки. Пока я продирался через парты, чтобы их растащить, Лиза уже отлетела и повалилась прямо к моим ногам.

В этот момент в класс зашел Андрей Владимирович. Лиза на полу изображает умирающего лебедя, а Лика стоит над ней с тяжело вздымающейся грудью и разбитой в кровь губой.

— В чём дело?! — рывкнул учитель, подбегая к Лизе и помогая ей встать.

— Она психопатка! Набросилась на меня! — взвизгнула Лиза, тут же включив режим жертвы.

Ли́ка не стала оправдываться. Она вообще ничего не сказала. Просто молча подняла с пола свой рюкзак, смахнула кровь с губы тыльной стороной ладони и, резко оттолкнув Олега, который пытался что-то заботливо пробормотать, ушла на самый последний ряд.

Я стоял и смотрел на её спину, чувствуя, как внутри закипает ярость. На Лизу, которая всё ещё ныла у моих ног, на учителя, который видел только то, что хотел видеть, и на себя — за то, что позволил этому дойти до драки.

— Королёв, сядь на место! — приказал учитель.

Я сел, но не за свою парту. Я демонстративно прошёл в самый конец класса и грохнулся на стул рядом с Ликой. Она даже не повернула головы, продолжая доставать карандаши дрожащими руками.

— Не хотите объясниться? — вкрадчиво спросил «красавчик» Андрей Владимирович, переводя взгляд с одной девчонки на другую.

Ли́ка даже головы не повернула в его сторону. Она сидела, сосредоточенно размазывая краем белоснежной рубашки кровь из разбитой губы. Ткань мгновенно пропиталась красным, но Лике, казалось, было плевать и на рубашку, и на учителя.

— Помаду не поделили, — бросила она равнодушно, пожав плечами.

Лиза, услышав это, издала какой-то придушенный звук, похожий на свист закипающего чайника. Она смерила Лику

испепеляющим взглядом, но я заметил кое-что поинтереснее: на её идеальном кукольном носу начал отчетливо проступать сине-багровый след. Похоже, «мышь» приложила её знатно.

Я не выдержал и приснул от смеха, но тут же прикрыл рот рукой под строгим взглядом учителя.

— Лика, тебе стоит сходить к медсестре, — мягко произнес Андрей Владимирович, делая шаг к её парте. Его беспокойство кольнуло меня изнутри — слишком уж много внимания он ей уделял.

— Всё нормально, — отрезала она, открывая учебник так резко, что бумага хрустнула. — Давайте уже урок проводить.

Она сидела с гордо поднятой головой, игнорируя шепотки и жгучий взгляд Лизы.

— Ладно, — выдохнул учитель, возвращаясь к доске. — Открываем рабочие тетради. Тема — сопряжение окружностей.

Я достал циркуль, но рука не слушалась. На соседнем ряду Олег прожигал Лику взглядом, полным восхищения, а я чувствовал, как внутри закипает собственнический инстинкт. Она — Романова. Она — наследница легенды. И она ни за что не уедет из этой школы, пока я здесь.

Точка кипения

Малика

Я сидела, вжавшись в край парты, и старалась отодвинуться от Данила как можно дальше. Какого черта он вообще сюда приперся? В классе полно свободных мест, пусть валил бы к своей Лизе, утешал её разбитый нос. Его присутствие ощущалось кожей, как статическое электричество, и это бесило меня больше, чем саднившая губа.

Из-за него вся моя жизнь в этой школе превратилась в полосу препятствий. Мама, если узнает о драке, голову мне открутит. Она и так на взводе, а тут я со своим «поведением». Но как я могла промолчать? Как я могла оставить без ответа слова этой гадины?

Её шёпот до сих пор стоял в ушах, ядовитый и липкий: *«Что, папочка не научил тебя не прыгать в постель к учителю? Ах, да... он же помер, не успел донести до дочурки правила приличия».*

В тот момент в глазах потемнело. Всё, что я копила в себе — боль от потери, злость на этот чужой дом, на этого самовлюбленного Королёва — вырвалось наружу одним коротким ударом. Если она думала, что я буду плакать и забиваться в угол, она сильно ошиблась. Мой отец учил меня держать удар. И не только на поле.

Урок тянулся бесконечно. Я чувствовала на себе взгляд Данила. Он не издевался, не подкалывал, он просто... смот-

рел. И это было странно. Я видела краем глаза, как он крутит в руках какую-то бумажку.

— Чего тебе? — не выдержала я, когда учитель отвернулся к доске. — Иди к своей группе поддержки, Лиза там явно нуждается в твоём плече.

— Она сама виновата, — внезапно тихо ответил он.

Я замерла. Это было последнее, что я ожидала услышать от него. Никаких насмешек? Никакого «ты влипла, сестренка».

Данил молча достал из кармана идеально чистый белый платок и придвинул его к моему краю парты. Я даже не взглянула в его сторону, продолжая сверлить глазами чертеж. Неужели он думает, что я возьму что-то из его рук после того, как он неделю вытирал об меня ноги?

Как только прозвенел звонок, я сорвалась с места, мечтая только об одном — оказаться как можно дальше от этого класса. Но Андрей Владимирович перегородил путь, мягко, но настойчиво перехватив меня за локоть.

— Лика, подожди, нам нужно обработать рану и поговорить о...

Он не успел договорить. Данил, возникший словно из ниоткуда, бесцеремонно положил руки мне на плечи и буквально выдернул меня из хватки учителя, толкая вперед к выходу.

— Она сегодня без дополнительных занятий, красавчик, — бросил он через плечо с такой неприкрытой угрозой в го-

лосе, что учитель замер на месте.

— Да отвалите вы оба! — вырвалась я, сбрасывая его руки, и зашагала по коридору.

Путь к воротам лежал через школьное поле. Там как раз разминались пацаны из параллели. Мяч со свистом пролетел по траве и ударился о мой кроссовок.

— Эй, чудачка, подай мяч! — крикнул кто-то из них, самодовольно ухмыляясь.

Я замерла. Внутри всё еще клокотала ярость на Лизу, на Данила, на весь этот чертов день. Я медленно наклонилась, взяла мяч в руки. Он был приятно тяжелым, знакомым. Подбросила его в воздух и, прежде чем мозг успел включить тормоза, вложила в удар всю свою злость.

Мяч по идеальной дуге, со свистом рассекая воздух, улетел в самый дальний конец поля, за трибуны. Пацаны просто застыли с открытыми ртами.

— Ни хрена себе... — донеслось до меня чье-то пришибленное ругательство.

Я даже не обернулась. Просто поправила рюкзак и пошла дальше к остановке. Я кожей чувствовала, как Данил стоит у кромки поля и смотрит мне в спину. Этот удар сказал ему больше, чем любые мои оправдания.

Дома меня ждал настоящий трибунал. Видимо, Андрей Владимирович всё-таки доложил директору, а Лиза успела разыграть перед всеми спектакль *«невинная жертва и сумасшедшая новенькая»*.

Мама стояла на кухне, нервно постукивая идеальным маникюром по каменной столешнице. Стоило мне переступить порог, как её взгляд хищно прошелся по моему лицу: разбитая, припухшая губа, пятна крови на воротнике некогда белой рубашки... Она так сильно сжала челюсти, что на лице проступили желваки.

Следом за мной, словно по расписанию, в дом ввалился Данил. И как он умудряется парковаться так быстро, если я уехала на автобусе раньше?

— Малика, нам предстоит очень серьезный разговор, — произнесла мама ледяным тоном.

Всё, приплыли. Раз она назвала меня полным именем, значит, в доме объявлено положение «катастрофа». Последний раз такое было в детстве, когда я вдребезги разбила её любимую антикварную вазу, хотя мне было четко приказано не чеканить мяч в гостиной. Тогда взбучку получили оба: и я, и папа, который меня покрывал. Потом были прогулы уроков ради матчей, плохие оценки... и вот теперь — драка.

— Я просто тебя не узнаю, — мама начала мерить гостиную шагами.

А Данил тем временем застыл на втором этаже, опершись на перила. Он вовсю пялился на наш разбор полетов, наивно полагая, что я его не замечаю.

— Сплетник, — зло прошипела я в его сторону.

— Ты это делаешь специально, чтобы я отправила тебя обратно, да? — мама резко остановилась. — Сначала запусти-

ла учебу, теперь кулаками машешь. Я пошла тебе навстречу, отпустила тебя на этот стадион... — она понизила голос почти до шепота, надеясь, что нас никто не слышит, но у «слушателя» сверху явно был отличный слух. — И вот твоя благодарность? Почему ты так отчаянно не хочешь принять мою новую жизнь? Что я тебе сделала, Ли? То, что я снова выхожу замуж? Да, я вырвала тебя из привычного мира, но через год ты всё равно уехала бы в колледж!

— Это не из-за твоего замужества, — сухо бросила я, отводя взгляд.

— А из-за чего тогда? Я не понимаю, что должно было произойти, чтобы ты превратилась в уличного бойца. Скажи мне!

Я молчала, чувствуя, как внутри всё клокочет. Как я объясню ей, что эта стерва Лиза полоскала имя моего отца? Что она назвала его смерть моим пропуском в кровать учителя?

— Я бы не стала распускать кулаки без веской причины, — отчеканила я, чувствуя, как внутри всё закипает. — Я не лезу в твои дела, мама, так что и ты оставь мою жизнь в покое, ясно?

Мама опешила, глядя на меня широко раскрытыми глазами.

— Я просто смертельно устала! — взорвалась я. — В этой школе у меня ничего не клеится, меня все ненавидят. Ты хоть понимаешь, каково это — прийти в одиннадцатом классе в коллектив, который спелся за одиннадцать лет? Да, я

хочу уехать, и я умоляла тебя оставить меня дома с самого начала! Но имеем то, что имеем. Я не собираюсь лебезить перед твоими новыми знакомыми и строить из себя пай-девочку. О моем воспитании нужно было беспокоиться раньше, когда ты пропадала с Павлом по ресторанам. А теперь просто дай мне доучиться этот год, и я исчезну.

Я резко поднялась с дивана и направилась к лестнице.

— Малика, я тебя не отпускала! — крикнула мама мне в спину.

— А я сама ушла, — бросила я через плечо, даже не обернувшись. — Поговорим, когда ты остынешь.

Я взлетела на второй этаж, едва не задев Данила, который всё это время стоял у перил. Я чувствовала его взгляд — тяжелый, изучающий, лишенный привычного ехидства. Захлопнув дверь своей комнаты, я первым делом повернула ключ в замке.

Тишина ударила по ушам. Я прислонилась спиной к двери и медленно сползла на пол, обхватив колени руками. Губа нещадно ныла, но душевная боль была куда сильнее.

Я дала волю чувствам, и всхлипы сами собой вырвались наружу. В соседней комнате что-то подозрительно скрипнуло. Я знала этот звук — Данил опять прилип к стене. Один раз он так увлекся прослушкой, что завалился вместе со стулом и громко выругался, а я тогда смеялась до колик. Но сейчас мне было не до смеха. Его незримое присутствие только подливало масла в огонь.

Разозлившись, я выудила из-под кровати старый теннисный мячик и со всей дури запустила им в общую стену.

— Ай! Мои нежные уши! — донесся оттуда приглушенный, нарочито грубый возглас. Сумашедшая.

— Вот и страдай, — буркнула я себе под нос.

Сидеть в четырех стенах было невыносимо. Я быстро скинула школьную форму, натянула спортивные штаны и худы. Запихала в рюкзак полупустую бутылку воды, оставшуюся с обеда, и взяла свой настоящий футбольный мяч. Мне нужно было выплеснуть эту ярость на поле, пока я окончательно не сорвалась.

Когда я спустилась вниз, мама всё еще была на кухне. Она замерла у плиты, провожая меня тяжелым взглядом.

— И куда ты собралась в таком виде? — спросила она, когда я уже взялась за ручку входной двери.

— На тренировку.

— Ли! — вскрикнула она, и в её голосе послышалось отчаяние. — Опять? Мы же договаривались, что ты займешься учебой и...

— Нет, мам, — я резко обернулась. — Это *ты* договаривалась сама с собой. А меня ты не спрашивала. Это моя жизнь, ясно? Твое дело — маникюр и званые ужины, а моё — мяч. Хватит перекрывать мне кислород. Папа бы меня понял.

Я вышла, хлопнув дверью так, что в прихожей звякнули ключи. Воздух на улице был прохладным, и я жадно глотала его, стараясь успокоить пульс.

Я знала, что за старым парком есть заброшенная площадка с ржавыми воротами. Там меня никто не найдет. Там я смогу быть собой, а не «проблемной падчерицей Королёвых.

Старое поле встретило меня тишиной и запахом скошенной травы. Я не пошла на главную арену — мне не нужны были зрители. Я выбрала дальнюю площадку с облезлыми воротами, где сетка давно превратилась в рваные лохмотья.

Я бросила сумку на землю и выкатила мяч. Внутри всё клокотало. Слова Лизы, мамин непонимающий взгляд, присутствие Данила — всё это спрессовалось в один тяжелый ком в груди.

Первый удар был почти инстинктивным. Я не целилась, я просто вложила в него всю ту ярость, что копила неделю. Глухой удар по коже мяча отозвался вибрацией в самой кости. Мяч вонзился в правую «девятку» с такой силой, что штанга зазвенела на всё поле.

Я не остановилась. Я бежала за мячом, выхватывала его из сетки и снова била. С разворота, с левой, с правой. Каждый гол был мстью.

— Это за Лизу! — мяч прошел воздух, ударившись точно в центр ворот.

— Это за меня! — следующий снаряд впечатался в верхнюю перекладину и отскочил в сетку.

Я не промахнулась ни разу. Мои ноги помнили каждое движение отца, его наставления, его технику. Я чувствовала себя машиной. Когда дыхание начало сбиваться, я перешла

на чеканку.

Раз, два, десять, пятьдесят... Мяч словно приклеился к моему кроссовку. Колено, стопа, плечо, голова. Я наращивала темп, не давая ему даже шанса коснуться земли. Это был мой личный ритм, мой способ медитации. В этом танце с мячом не было места боли — была только чистая физика и контроль.

А потом я просто сорвалась на бег. Я неслась по полю, обходя воображаемых защитников. Ветер бил в лицо, высушивая слезы, которые я даже не заметила. Я бежала до тех пор, пока легкие не начало жечь, а мышцы не задрожали от усталости.

Я остановилась только тогда, когда силы окончательно иссякли. Тяжело дыша, я прижала мяч к животу и рухнула прямо на траву, глядя в темнеющее небо. Кислород наконец-то начал поступать в кровь, вытесняя яд обиды.

Я лежала на траве, пытаюсь унять колотящееся сердце, и на мгновение прикрыла глаза. Но тишину нарушил шорох шагов. Когда я их открыла, прямо надо мной, заслоняя вечернее небо, нависал Данил.

— Думал, ты тут сознание потеряла, — усмехнулся он, рассматривая моё запыхавшееся лицо.

— Чего тебе? — выдохнула я, даже не шелохнувшись. Сил на колкости просто не осталось.

Данил присел на корточки и потянулся к моему мячу — потрепанному, который папа подарил мне еще в старом го-

роде. Я тут же, словно почуяв угрозу, стальной хваткой обняла его, прижимая к груди.

— Да дай посмотреть, вредина, — он дернул за край, пытаясь вырвать его.

— Иди свой бери, — буркнула я, сжимаясь в комок. Этот мяч был моей последней крепостью.

Он вцепился сильнее, но я не давала ему ни единого шанса. Мы пару секунд боролись, как дети, пока Данил не применил запрещенный прием. Он вдруг начал меня нещадно щекотать. Я дернулась, заходясь в невольном смехе, и хватка ослабла. Мяч предательски выскользнул из рук.

Данил тут же подхватил его и, смеясь, рванул в центр поля, на ходу начиная профессионально крутить его на пальце.

— А техника-то у тебя отцовская! — крикнул он, оборачиваясь и ловко подбрасывая мой мяч ногой. — Романовский почерк не пропьешь, а, Малика?

Я подскочила с травы, отряхивая штаны. Гнев куда-то испарился, оставив только странное чувство азарта.

— Отдай сейчас же! Это не твой уровень, Королёв!

— А ты приди и отбери! — он нагло подмигнул мне и сорвался с места, ведя мой мяч к воротам так технично, что я невольно залюбовалась.

Но это длилось лишь секунду. Я сорвалась за ним. Сейчас мне было плевать, что он капитан команды и что он видел, как я плачу. На этом поле мы были просто двумя игроками.

Я неслась за ним, чувствуя, как адреналин вытесняет всю

дневную горечь. Данил уже заносил ногу для мощного удара, уверенный в своем триумфе, но в последнюю секунду я сделала ему чистую подсечку. Мяч позорно, словно издеваясь, укатился далеко в сторону от штанги.

— М-да, и как тебя только в капитаны взяли? — пропела я, заливаясь смехом. — Не позорил бы фамилию, Королёв!

Я рванула за своим мячом, но не успела коснуться его и кончиком кроссовка — Данил, тяжело дыша, нагнал меня и просто сшиб всем весом, перекрывая траекторию. Мы едва не кувыркнулись на траве.

— Тебе штраф! Запрещенный прием! — выдохнул он, пытаясь перехватить контроль.

— Ничего не запрещено, следи за ногами, дурень! — я ловко увернулась, снова подхватывая мяч, но он нагло вытолкнул его за пределы моей досягаемости корпусом.

— Эй! Ты уже переходишь в атаку! — возмутилась я, пытаясь обойти его слева.

— Ой, и что? Красную карточку мне покажешь? — он задорно завертел головой по сторонам, изображая поиски судьи. — Ну-ка, где она?

Воспользовавшись его секундным притворством, я легонько ткнула его локтем под дых, вырвала мяч прямо из-под его ног и, громко смеясь, рванула прочь с поля прямо на трибуны. Я прыгала через ступеньки, чувствуя себя такой живой, какой не была все эти три года.

Данил замер посреди поля, согнувшись и делая вид, что

ему очень больно, но его глаза сияли. Он смотрел на меня сверху вниз — на девчонку в поношенной форме, которая только что «сделала» лучшего игрока школы.

— Это была диверсия, Романова! — крикнул он мне вслед, выпрямляясь. — Ты играешь грязно!

Я обернулась на верхнем ряду, победно вскидывая мяч над головой.

— Я играю так, как меня учили! Привыкай, «Король»!

— Поэтому ты и не в команде! — выкрикнул он, и эти слова ударили меня под дых сильнее, чем любой подкат.

Я замерла на верхней ступеньке, и весь азарт моментально испарился. Челюсть сжалась так, что зубы заныли. Данил, заметив перемену в моем лице, тут же осекся и неловко замер на месте.

— Я... что-то не то сказал, да? — его голос прозвучал уже совсем по-другому, без тени насмешки.

— Зачем ты вообще сюда пришел? — глухо спросила я, опускаясь на грязные, облезлые трибуны и глядя куда-то в сторону заката, лишь бы не на него.

— Мари попросила проверить, — он пожал плечами и медленно поднялся ко мне. — Беспокоится.

— Всё нормально, можешь уходить, — отрезала я.

Но он не ушел. Данил сел рядом, сохраняя дистанцию, и снова осторожно забрал мой мяч. В этот раз я не стала драться — сил на сопротивление не осталось. Он начал крутить его в руках, разглядывая в сумерках потертую кожу, и вдруг

замер.

— Это что... автографы? — он придвинул мяч ближе к глазам, почти касаясь его носом. — Да ладно? Здесь же все команды премьер-лиги! И ЦСКА, и «Спартак»...

— Завидуй тише, — усмехнулась я, почувствовав мимо-летный укол гордости.

— Подаришь? — он посмотрел на меня с таким искрен-ним восторгом, каким обычно смотрят первоклашки на но-вый велик.

— Еще чего! Сам собирай.

— Ой, да ладно тебе, ты же их сама не собирала, — он хитро прищурился, пытаясь меня поддеть. — Это твой папа небось по раздевалкам ходил.

— Чего?! — я аж подпрыгнула на месте от такой наглости. — Я их собираю с десяти лет! Сама! После каждого матча у входа караулила, пока ты дома в приставку дулся. Кто вино-ват, что ты дальше школьного поля ничего не видишь?

Данил замолчал, потирая пальцем росчерк маркера на мя-че.

— Значит, ты реально фанатка... — тихо произнес он. — Не просто «дочь легенды», а сама по себе.

Он протянул мне мяч обратно, но его пальцы на секунду задержались на моих, когда я забирала его.

— Папа приучил к футболу. Что тебя удивляет? — я горько усмехнулась, глядя, как последние лучи солнца золо-тят облезлую краску трибун. — Ты думал, дочь знаменитого

футболиста будет танцевать в пачке? Или в шашки по углам играть?

Данил молчал, задумчиво перебирая шнурки на своих кроссовках.

— Почему нет? Но зачем тогда врать?

— Так проще, — я пожала плечами, чувствуя, как вечерняя прохлада пробирается под кофту. — Никто не задает тупых вопросов, никто не лезет в душу. А если в этой школе узнают, что я дочь *того самого* Романова... уверена, найдутся злые языки вроде твоей Лизы.

Я замолчала на мгновение, и в голове всплыли лица моих девчонок из старой школы.

— У меня ведь была команда, Данил. Настоящая. Мы вместе с детского сада мяч гоняли. А потом меня просто вырвали из той жизни, как сорняк с корнем. А у вас тут... — я обвела рукой пустое поле, — у вас даже женской сборной в школе нет. Только вы, «короли» недоделанные.

Слова Данила об отце не вызвали у меня прилива нежности — наоборот, они полоснули по живому. Слишком поздно для раскаяния, слишком приторно для того, кто ещё вчера смаковал мои слёзы.

— Ладно, забудь, — отрезала я, вставая с холодной скамьи и прижимая мяч к боку. — Оставь свой мир при себе, а мой — при мне. И не корчи из себя заботливого брата, у тебя плохо получается.

Я посмотрела на него сверху вниз, и в сумерках моё лицо,

должно быть, казалось каменным.

— Я не люблю лживых людей, Данил. Я же вижу, как тебе ненавистна моя персона рядом, как ты морщишься каждый раз, когда нам приходится сталкиваться в коридоре. Обещаю: этот год я проблем создавать не буду, отца твоего не разочарую — буду тихой и незаметной. А потом свалю, и ты забудешь об этом «недоразумении» в гостевой спальне.

Данил тоже поднялся, его лицо застыло, а кулаки в карманах куртки заметно сжались.

— Просто отвали от меня в школе, ладно? — добавила я, уже разворачиваясь, чтобы уйти. — Мне и без твоих «подачек» тошно.

Я пошла прочь по трибунам, слыша, как мои шаги гулко отдаются в пустоте стадиона. Я ждала, что он крикнет что-то колкое вслед, вернет себе маску привычного задиры, но за спиной стояла мёртвая тишина.

Домой я шла пешком, игнорируя гудки проезжающих машин. Перед глазами стояло лицо отца с того самого фото. «Короли», — горько усмехнулась я про себя. Настоящий король никогда бы не позволил своей свите травить того, кто слабее.

Когда я вошла в дом, там было тихо. Мама, видимо, ушла спать или закрылась в кабинете. Я проскользнула в свою комнату и, не включая свет, легла на кровать прямо в одежде. Через полчаса в коридоре послышались тяжелые шаги Данила. Он остановился у моей двери. Я задержала дыхание,

глядя на полоску света под порогом.

Он простоял там целую минуту, а потом я услышала, как что-то тихо шуршит, соприкасаясь с деревом двери. Шаги удалились.

Я выждала, пока шаги в коридоре окончательно стихнут, и только тогда осторожно повернула ключ. На полу лежал тот самый белый платок, который он пытался всучить мне в классе. В него был бережно завернут пакет со льдом, а сверху лежал клочок бумаги. Размашистые, чуть небрежные буквы складывались в короткие фразы: *«Я не отвалою. Обещаю, в школе всё исправлю. Прости»*.

Слово «Прости» выглядело на бумаге неровным, выстраданным, будто он долго не решался его вывести, раз за разом занося ручку. Я прижала холодный компресс к разбитой губе. Пульсирующая боль в теле понемногу затихала, но в мыслях был полный хаос. Одно короткое слово не могло перечеркнуть неделю издевательств, и всё же этот жест заставил меня на мгновение замереть и просто выдохнуть, отпуская напряжение.

В груди что-то странно ёкнуло. Я рухнула на кровать, и в памяти сам собой всплыл его образ. Не тот Данил, который изводил меня в школе, а другой — тот, что смеялся вместе со мной на поле. Я видела, как горели его глаза, когда он рассматривал автографы, как искренне он, словно ребенок, хотел забрать этот мяч себе.

Без своей привычной маски он казался совсем иным. Я

поймала себя на том, что вспоминаю его улыбку с едва заметной ямочкой на щеке — она была чертовски обаятельной. Темные, вечно взъерошенные волосы, голубые глаза, затуманенные азартом. Он был по-настоящему красивым.

«*Забудь, Малика*», — одернула я сама себя, утыкаясь лицом в подушку. Он ненавидит тебя. Всё это — просто игра. Его заставляют таскаться за мной, изображать заботу перед родителями, вот он и старается. Не стоит верить этой внезапной доброте.

Смена тактики

Малика

Перед первым уроком я по привычке замерла у стеклянной витрины. Мой личный ритуал: найти глазами знакомую улыбку отца, вдохнуть поглубже и настроиться на очередной день выживания.

— Что,мышь, втюрилась в нашего Королёва? — Лиза возникла за спиной, обдавая меня запахом приторных духов. Она приклеила на нос телесный пластырь, но припухлость всё равно выдавала мой вчерашний «привет».

— Сдался мне твой дубина, — бросила я, даже не оборачиваясь, и зашагала в класс.

Урок уже начался, когда дверь распахнулась и в кабинет влетел Данил. Опоздал на целых пятнадцать минут — рекорд даже для него. Он бросил сумку на пол и рухнул на стул на соседнем ряду. Я приготовилась к какому-нибудь едкому замечанию, но он даже не посмотрел в мою сторону. Уставился в окно с таким видом, будто его мысли были где-то очень далеко. Ну и отлично. Пусть игнорирует, так мы проживем этот день без скандалов.

Но спокойствие длилось недолго. Олег, который обычно сидел в конце класса, вдруг пересел за парту прямо передо мной. Каждые пять минут он оборачивался и молча сверлил меня взглядом.

— Хочешь что-то спросить? — не выдержала я, отклады-

вая ручку. Это внимание начинало раздражать.

— Нет, — он расплылся в какой-то слишком сладкой улыбке. — Просто смотрю. Болит? — он указал на мою разбитую губу.

— Нет.

— Слушай, Малика... не хочешь сходить в кино сегодня?

— Нет, — сухо отрезала я.

— Ну, может, просто погуляем после уроков?

— Нет.

Олег нахмурился, не привыкший к такому отпору.

— Почему? Зачем ты так сразу?

— Зачем? — я наклонилась ближе к нему, понизив голос.

— Придумали очередную издевку? Хотите проверить, как быстро «мышь» поведется на подкаты друга капитана? Я пас.

— Я не... — начал он, но я перебила.

— Неужели? Не ты ли вчера в коридоре трепался с парнями, что если я соглашусь на свидание, ты получишь выигрыш в споре?

Олег мгновенно покраснел. Пятна пошли по шее, выдавая его с потрохами.

— Это не то, что ты подумала...

— Конечно, Олег. Именно то. Мой ответ — «нет» на всё, что бы ты ни предложил. И сейчас, и через год.

Я снова взялась за ручку, чувствуя на себе чей-то пристальный взгляд. Повернув голову, я столкнулась глазами с Данилом. Он больше не смотрел в окно. Он внимательно

слушал наш разговор, и его челюсть была так плотно сжата, что, казалось, сейчас треснет. Он резко вырвал листок из тетради, что-то быстро написал и, скомкав, метко запустил в затылок Олега.

— Отвернись и учись, Ромео недоделанный, — негромко, но веско произнес Данил. — Пока я тебе сам «кино» не устроил.

Олег развернул записку, и его лицо перекосило от злости. Он бросил на Данила тяжелый, полный недовольства взгляд, но тот даже не шелохнулся. Данил сидел неподвижно, уткнувшись в учебник с таким усердием, будто от этого зависела его жизнь. Он больше не смотрел на меня, но я чувствовала, как от его парты исходит волна напряжения.

На середине урока дверь кабинета распахнулась. В класс буквально ворвался Андрей Владимирович. Он выглядел взволнованным, его глаза лихорадочно искали кого-то в рядах парт, пока не остановились на мне. Он быстро подошел к нашему учителю и что-то зашептал ему на ухо, активно жестикулируя.

Наш математик лишь понимающе кивнул.

— Конечно, она мне сегодня уже не особо нужна, оценки у неё и так отличные. Малика Романова, собирай вещи и отправляйся с Андреем Владимировичем.

Я замерла с ручкой в руке. Весь класс уставился на меня. Девчонки за спиной тут же зашипели: «*Опять она*», «*Привилегированная какая выискалась*».

— А зачем? — я наконец обрела дар речи, начиная медленно складывать тетради. — Что случилось?

— Живее, Малика, время поджигает! — Андрей Владимирович нетерпеливо притоптывал у порога, размахивая руками. Он светился от возбуждения, словно наткнулся на бесценный артефакт, который вот-вот ускользнет.

Я подхватила рюкзак и пошла к выходу. Проходя мимо Данила, я невольно затормозила. Он сидел неподвижно, но в тишине класса отчетливо хрустнул карандаш, который он сжимал в кулаке. Его колючий, темный взгляд буквально жег мне спину, пока я не скрылась за дверью.

В кабинете черчения учитель выхватил из тубуса ватман и резко развернул его на столе, параллельно загружая ноутбук.

— Я изучил сайт архитектурного училища, куда ты метишь, и нашел кое-что важное, — затараторил он. — Твоя концепция уникальна, никто еще не заявлял подобную работу. Но есть проблема: ты должна загрузить проект на портал до завтра, иначе всё пойдет прахом. Другого шанса не будет.

— Как это до завтра? — у меня похолодело внутри. — Но там еще четверть работы! Я не успею закончить за вечер.

— Именно поэтому я тебя и выдернул с урока. Я помогу.

— Нет, так не пойдет, — я замотала головой. — Я должна сделать это сама.

— Малика, — учитель тяжело вздохнул, — при обычном темпе тебе нужна неделя. У нас её нет.

Я обреченно выдохнула и склонилась над чертежом, вы-

искивая точку, на которой остановилась.

— Ладно. Доделаем здесь. Но мне кое-что нужно... я сейчас!

Я пулей вылетела из кабинета и рванула обратно в класс математики.

— Роберт Петрович, простите, можно на секунду отвлечь одного ученика? Вопрос жизни и смерти! — выпалила я, не дожидаясь ответа.

Я подлетела к парте Данила и присела на корточки, чтобы наши лица оказались на одном уровне. Он вжался в спинку стула от неожиданности. Весь класс уставился на нас, и я почувствовала, как по шее ползет жар.

— Послушай, помоги мне, — прошептала я, глядя ему в глаза. — Я видела у тебя на заставке фото... Оно мне нужно прямо сейчас.

— Чего? — он словно впал в ступор, не понимая, что происходит.

— Телефон, Данил! Дай мне свой телефон. Верну через десять минут, обещаю.

Он на автомате разблокировал экран и протянул мне мобильник.

— Прочитаешь хоть одно сообщение — прибью, — бросил он вслед, но я уже не слышала, несясь по коридору с его телефоном в руке.

Вернувшись в кабинет, я быстро нашла в галерее нужное изображение. Это была сложная схема узловых соединений,

которую я мельком видела у Данила.

— Нам нужен именно такой расчет, — я ткнула пальцем в экран.

Андрей Владимирович взгляделся в мелкие детали.

— Малика, это высший пилотаж. Ты хоть понимаешь, насколько это сложно?

— Знаю. Но либо мы делаем так, либо проект не стоит отправлять вовсе.

Он тяжело вздохнул, но спорить не стал. Я лихорадочно перенесла данные на черновик, сверяясь с каждым миллиметром на экране. Как только последняя деталь была записана, я рванула обратно. Влетела в класс математики уже без стука, на глазах у ошарашенного Роберта Петровича проскочила к Данилу и почти швырнула телефон ему на парту.

— Простите! Спасибо! — крикнула я, уже исчезая в дверном проеме.

Конечно, можно было попросить скинуть фото, но в тот момент я не была уверена, что Данил не решит поиздеваться или просто не проигнорирует сообщение.

Весь оставшийся день мир для меня перестал существовать. Мы забаррикадировались в кабинете черчения. Часы пролетали как минуты: запах туши, скрип рейсфедера и бесконечные правки. Когда мы наконец отсняли каждый лист и загрузили файлы на портал, я почувствовала, как по телу разливается свинцовая усталость. На экране ноутбука высветилось заветное: «Работа принята на рассмотрение».

Я потянулась к своему телефону, чтобы вызвать такси или написать маме, но экран оставался черным. Разрядился в самый неподходящий момент.

— Телефон сдох, — глухо проговорила я, глядя в окно, где уже сгустились сумерки. Школа давно опустела.

— Не переживай, я довезу тебя до дома, — Андрей Владимирович начал собирать свои вещи. — И если Мари или твой отчим будут ворчать, я лично объясню им, какую колоссальную работу мы сегодня сделали.

Я лишь кивнула, чувствуя, как закрываются глаза. Мы вышли на пустую парковку. Учитель уже открывал дверцу своей машины, как вдруг из тени деревьев медленно выкатился знакомый внедорожник и мигнул фарами, ослепив нас на секунду.

Данил не уехал домой. Он ждал. И судя по тому, как он резко вышел из машины, захлопнув дверь, «объясняться» учителю придется совсем не с моими родителями.

— Издеваешься, что ли?! — рявкнул Данил, сокращая расстояние между нами в два широких шага. Его глаза в свете парковочных фонарей казались почти черными от ярости. — Я тебя предупреждал: никаких шашней с учителем! Я не собираюсь изображать придурка перед отцом и покрывать твои прогулки!

— Да что ты вообще мелешь? — выдохнула я, пытаюсь высвободить локоть, но он только злее дернул меня на себя.

Данил даже не слушал. Он перевел бешеный взгляд на Ан-

доря Владимировича и ткнул в него пальцем, словно обвинял в преступлении века.

— А вы... Это позор — заглядываться на учениц! Ей всего семнадцать! А вам...

— Мне двадцать три, — спокойно, но с заметным металлом в голосе перебил его учитель, поправляя сумку на плече. — И мы никакие не «шашни» крутим. Угомони свой детский пыл, Данил. Мы занимались проектом, который может решить её будущее.

— Рассказывай сказки кому-нибудь другому, — прошипел Данил, буквально втаскивая меня в зону своей личной территории. — Пошли! Из-за тебя мне опять влетело!

Он потащил меня к своему внедорожнику, не давая даже попрощаться. Я едва успевала перебирать ногами.

— Данил, отпусти, мне больно! — я попыталась вырваться, когда мы подошли к пассажирской двери. — И что значит «влетело»? При чем тут ты?

— При том, что Мари весь вечер обрывает мне телефон, потому что ты «вне зоны доступа»! — он почти зашвырнул мой рюкзак на заднее сиденье. — Она думает, что я за тобой не присмотрел! Садись в машину, быстро!

Я залезла в салон, чувствуя, как внутри всё дрожит — то ли от усталости, то ли от его внезапного напора. Данил обошел машину, сел за руль и с такой силой хлопнул дверью, что я вздрогнула.

— Ты хоть понимаешь, как это выглядит со стороны? —

он резко завел мотор, и машина сорвалась с места, оставляя Андрея Владимировича на пустой парковке. — Сидишь до ночи один на один с молодым мужиком... У тебя вообще мозги есть, Романова? Или футбол окончательно все извилины выбил?

— Просто телефон сел, — бросила я, отворачиваясь к окну. — Маме всё объясню, уверена, она поймёт.

— Конечно, поймёт! — Данил резко крутанул руль, входя в поворот на грани фолла. — Вот только я сегодня от отца такого наслушался, что уши вянут. Я, видите ли, следить за тобой должен, как брат! Ответственность за тебя нести!

— Да какой ты мне брат?! — вспыхнула я, окончательно теряя терпение. — Что ты пристал ко мне с этим родством? Мы чужие люди, Данил! Хватит разыгрывать эту семейную драму!

— Вот и я о том же! — прорычал он, с силой ударив ладонью по рулю. Машина дернулась, но он тут же выровнял курс. — Я никакой тебе не брат и не собираюсь им быть, поняла?! Я не нанимался следить за тобой 24 на 7, у меня своя жизнь есть, свои дела!

Его голос дрожал от какой-то странной смеси ярости и чего-то ещё, чего я не могла разобрать. Он дышал тяжело, вцепившись в руль так, что костяшки пальцев побелели.

— Объяснись перед родителями, — уже тише, но так же жестко добавил он. — Сделай так, чтобы они от меня отвалили. Сама решай свои проблемы с учителями и прогулами.

— Я не просила тебя меня ждать! — буркнула я, не оборачиваясь, хотя внутри всё клокотало.

Данил заглушил мотор, но не дал мне выйти. Он резко перехватил мою руку, сжимая пальцы чуть сильнее, чем нужно.

— Чтобы больше я не видел тебя наедине с этим учителем, ясно? — прошипел он, вглядываясь в мои глаза. — Хочешь, чтобы школа тебе новое прозвище придумала? Чтобы по коридорам поползли слухи, от которых ты вовек не отмоешься?

Я почувствовала, как внутри закипает ярость. Его внезапная забота о моей репутации выглядела как издевательство после всего, что он устроил.

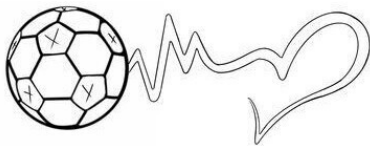
— Тебе-то чё? — я со свистом выдохнула, глядя ему прямо в лицо. — Не ты ли был первым, кто превратил мою жизнь в ад в этой школе? Сначала сам втаптываешь меня в грязь, а теперь строишь из себя защитника чести?

Я с силой вырвала руку, едва не ударив его по лицу, и рванула дверь на себя.

— Поздновато ты спохватился, Королёв! — бросила я через плечо и, не дожидаясь ответа, зашагала к дому.

Я видела, как в окнах горит свет — нас ждали. Но сейчас мне было плевать на нотации Павла или слезы мамы. Я чувствовала на своей спине тяжелый, обжигающий взгляд Данила.

Свои тайны

Данил

Я зашел в дом следом за Ликой, чувствуя спиной холод ночного воздуха и кожей — её бешеное раздражение. Мари и отец сидели на диване, как на иголках. Стоило дверному замку щелкнуть, они подскочили одновременно.

— Все нормально, вот ваша пропажа, — бросил я, стараясь, чтобы голос звучал максимально обыденно. — Как всегда: училась до поздна.

Мари тут же подлетела к ней, заглядывая в лицо, будто искала следы похищения или чего похуже.

— Лика, почему телефон недоступен? Мы чуть с ума не сошли!

— Сел телефон, не заметила, — Лика ответила сухо, не глядя на мать. Она стояла посреди холла — маленькая, взъерошенная, но колючая, как еж.

— И что же ты такого делала в школе так долго? — подал голос отец. В его тоне не было злости, скорее то самое «правильное» любопытство идеального отчима.

— Проект, — отозвалась она.

— И какой же? — отец сделал шаг к ней, пытаясь сократить дистанцию. — Мне было бы приятно послушать, чем занимается дочь моей невесты. Мы же теперь семья.

Я заметил, как Лика знатно напряглась. Плечи пошли вверх, пальцы вцепились в лямку рюкзака. Эта фраза про се-

мью явно ударила её под дых.

— Я не хочу вам говорить. Это моё дело, — отрезала она.

— Малика! — пригрозила Мари. Я видел, как ей неловко перед моим отцом за «невоспитанность» дочери.

— Мама, если ты хочешь поговорить — жду тебя в комнате. Другим я ничего объяснять не буду, — Лика стояла на своем.

Отец слегка напрягся. По его лицу пробежала тень — он не привык, чтобы в его доме были закрытые двери. Но он быстро взял себя в руки, надевая маску понимания.

— Ладно. Если не хочешь или не доверяешь — не говори. Просто не заставляй нас так волноваться.

— Простите, — она на секунду опустила голову, и в этом жесте было столько настоящей, не наигранной усталости, что у меня самого что-то шевельнулось в груди. — Это правда важно.

Отец сделал то, чего я совсем не ожидал. Он подошел к ней и обнял так крепко и по-отцовски, что Лика поначалу буквально окаменела. Я видел, как она напряглась, готовая выставить колючки, но потом он что-то прошептал ей на ухо.

Лика резко вздернула голову, вглядываясь в его лицо с нескрываемым удивлением. Отец лишь загадочно улыбнулся, и — клянусь своими бутсами — я готов был поклясться, что мир перевернулся: она обняла его в ответ. Искренне.

— Это что еще за драма? — я скривился, чувствуя, как внутри закипает какая-то дурацкая ревность. — Я могу идти

или мне еще послушать нотации? А то я, кажется, лишний на этом празднике семейного единения.

— Да иди уже, — бросил отец, даже не оборачиваясь в мою сторону. Всё его внимание было приковано к ней.

Он снова что-то прошептал ей, едва касаясь губами волос, и Лика кивнула, на её лице промелькнула слабая, но теплая улыбка.

— Прости, мам, — бросила она Мари и, чмокнув её в щеку, вихрем сорвалась с места.

Она пролетела мимо меня, едва не сбив с ног своим рюкзаком.

— Пожалуйста! — крикнул я ей вслед, когда дверь её комнаты с грохотом захлопнулась. — Не за что! Обращайся, если еще раз понадобится личный водитель и прикрытие!

Я стоял на лестнице, глядя на закрытую дверь, и внутри всё свербило. Что он ей сказал? Отец умел подбирать ключики к людям, но чтобы так быстро взломать оборону этой ледяной принцессы...

Я зашел в свою комнату и упал на кровать. За стеной было тихо. Тишина, которая бесила меня больше, чем её крики.

Телефон в кармане коротко отозвался вибрацией. Я вытащил его, ожидая очередного спама или сообщения от Олега, но, увидев имя отправителя, невольно вскинул брови.

«Спасибо», — всего одно слово от неё.

И тут меня накрыло. Я поймал себя на том, что улыбаюсь в экран как последний идиот, будто мне не сухую благодар-

ность прислали, а в любви признались. В груди стало непривычно тесно.

Я перевернулся на бок и трижды отчетливо постучал кулаком в стену, отделяющую мою комнату от её. Секундное ожидание — и один глухой удар в ответ. Есть контакт.

Тут же набрал сообщение:

«Что тебе сказал отец?»

Ответ прилетел почти мгновенно, разрушая всю романтику момента:

«Не твоё дело».

Я фыркнул, отбрасывая телефон на подушку. Ну конечно, Лика в своём репертуаре. Стоило на секунду подумать, что лёд тронулся, как она снова выстроила стену. Но эта её короткая улыбка внизу и «спасибо» в мессенджере не давали мне покоя.

«Он что, подарил тебе еще один автограф знаменитого футболиста?» — быстро напечатал я.

«Почти», — прилетел короткий ответ.

Внутри всё перевернулось от любопытства. Старик явно зашел с козырей.

«Скажи же, я всё равно не отвалю. Иначе вышибу тебе дверь в комнату, будешь жить вообще без неё. Мне не привыкать».

Я замер, глядя на индикатор набора текста. Точки прыгали, исчезали и появлялись снова. Наконец, экран мигнул:

«Я еду играть в футбол. Больше ничего не скажу.

Отвали!»

Я подскочил с кровати, едва не выронив телефон. Играть? Сейчас? В одиннадцать вечера? Куда? С кем? Мать ее точно не отпустит одну в такое время, значит... Значит, отец не просто нашептал ей приятности, он ей что-то разрешил. Или куда-то её везет.

«Сейчас?»— быстро настрочил я, прилепив самый ошарашенный смайл, который только нашел.

«Вот же ты тупой. Конечно, не сейчас. Через неделю. Всё, я сплю!»

Я не стал ждать ни секунды. Адреналин подбросил меня с кровати, и я в два шага оказался у её двери. Забарабанил так, что дерево жалобно застонало, а эхо разлетелось по всему второму этажу.

— Лика! Открывай! — шепотом, но настойчиво потребовал я.

Дверь резко распахнулась, едва не задев меня по носу. Я замер, и весь мой боевой запал испарился, сменившись истерическим смехом. Передо мной стояла «ледяная принцесса» в смешной пижаме с овечками. Волосы были закручены в какой-то нелепый пучок, а лоб украшала мягкая повязка с огромными лягушачьими глазами.

Я согнулся пополам, задыхаясь от хохота.

— Это... это что, твой секретный агентский прикид? — выдавил я сквозь смех.

Лика стояла с зубной щеткой во рту, в одной руке сжимая

тубик пасты, и прожигала меня таким взглядом, что лягушачьи глаза на повязке казались в разы опаснее.

Я бесцеремонно ввалился в её комнату и с размаху рухнул на кровать, закинув руки за голову. Всем своим видом показывал: я здесь надолго, и пока не получу ответы, не сдвинусь с места.

Лица лишь закатила глаза и с тихим щелчком закрыла дверь.

— Так где ты будешь играть? Какие золотые горы тебе наобещал отец, что ты вдруг решила с ним обниматься? — я пытливо смотрел на неё, пытаюсь поймать хоть какую-то эмоцию.

Она проигнорировала меня и ушагала в ванную. Пять минут я слушал шум воды, а потом она вышла обратно, вытирая лицо полотенцем. Лягушачьи глаза на повязке всё ещё смотрели на меня с немим укором.

— Я же сказала: ничего говорить не буду. Уходи отсюда, завтра в школу рано вставать, — она стояла посреди комнаты, скрестив руки на груди.

— Ложись, — я вальяжно похлопал ладонью по покрывалу рядом с собой. — Расскажи всё, и я уйду. Обещаю.

Она окинула меня хмурым, подозрительным взглядом, взвешивая, что хуже: выдать тайну или терпеть моё присутствие на своей подушке.

— Вот всё тебе надо знать, Королёв. Хочешь заранее испортить мне день? Или поглумиться перед своей командой?

— Просто интересно, почему ты колючая такая вечно? — я произнес это тише, и мой тон из издевательского стал почти серьезным. — Как будто весь мир тебе задолжал.

— А ты болван, но я же не кричу об этом на каждом углу, — парировала она, присаживаясь на край кресла напротив кровати.

— Через неделю я возвращаюсь домой, — проговорила она, и эти слова прозвучали как приговор.

— Что?! — я подскочил на кровати, чувствуя, как внутри всё обрывается. — Тебя всё-таки ссылают? Поэтому ты такая довольная?

Голос сорвался почти на крик. Мысль о том, что через семь дней её комната снова станет пустой, а в коридорах школы не будет этого колючего взгляда, отозвалась в груди тупой болью.

— А тебе что? Чего взвинтился? — она сверлила меня взглядом, в котором читалось искреннее недоумение.

Я понял, что выдал себя с потрохами, и с напускным безразличием плюхнулся обратно на подушки, глядя в потолок.

— Просто... неожиданно. Только привыкать начали к твоим «овечкам».

— Я еду играть со своей командой, — пояснила она, и её голос потеплел. — Девчонки участвуют в городском турнире, в котором должна была играть и я. Твой отец договорился с организаторами и мамой. Так что поеду, поучаствую, поиграю и... вернусь.

— Вернешься? — я снова приподнялся на локтях, стараясь скрыть облегчение. — То есть это не навсегда?

— На три дня, Данил. Всего на три дня, — она фыркнула и подошла к кровати, указывая на дверь. — А теперь — марш отсюда. Мне нужно выспаться, чтобы завтра на физре не сдохнуть, пока ты будешь мяч по полю катать.

Я развалился на её кровати, не сводя с неё довольного взгляда. Она выглядела такой забавной в этой своей повязке с глазами-лягушками, что я невольно заулыбался.

— Чего уставился? Уходи! — возмутилась она, но в этом виде её гнев казался донельзя милым.

Я кашлянул, отгоняя лишние мысли. Хватит на неё так смотреть.

— У меня завтра игра. Придешь?

— Нет, — отрезала она.

— Это еще почему?

— А зачем? Что я там не видела? — бросила Лика и тут же осеклась, поняв, что сболтнула лишнего.

— В каком смысле «не видела»? — Я резко приподнялся на локтях.

Она засуетилась и попыталась незаметно спрятать кепку, лежавшую на столе. Но поздно. Я подскочил и выхватил вещь у неё из-под рук. Командная кепка.

— Так это была ты! Ты сидела на трибунах!

— Ничего я не сидела! — Она попыталась отобрать кепку, краснея на глазах.

— Точно ты. И сбежала сразу, как только прозвучал финальный свисток.

— Никуда я не сбежала! Отдай сейчас же!

Я со смехом поднял руку выше, пятась назад, а она смешно прыгала вокруг, пытаясь дотянуться. В какой-то момент я зацепился ногой за край кровати, и мы оба рухнули на матрас.

Ли́ка вцепилась в мою футболку, зажмурившись от неожиданности, а я чисто на инстинктах прижал её за талию к себе. Секунду она лежала неподвижно, тяжело дыша, а потом рывком вырвала кепку.

— Дурак какой, — буркнула она, пытаясь встать.

— Ай! — я сжал её крепче, не давая шевелиться. — Осторожнее коленями, ты мне сейчас всё «будущее» раздавишь.

Она замерла и вспыхнула так ярко, что, казалось, в комнате стало теплее. Я рассмеялся и перекатился, нависая над ней сверху. Ли́ка снова зажмурилась, вжимаясь в подушку.

— Не бойся, лягушка, — я легонько щелкнул её по дурацкой повязке и аккуратно поднялся. — Мои мячи в порядке.

Я подмигнул ей, а она спрятала лицо в ладонях.

— Дубина!

— Это я дубина? Ты мне чуть карьеру коленкой не испортила!

— Уходи, просто уходи! — Ли́ка вскочила и начала выталкивать меня из комнаты, упираясь ладонями в грудь.

Я чувствовал, как дрожат её пальцы и как бешено коло-

тится её сердце под моими ладонями. Но внезапно её телефон на столе зажужжал. Лика мгновенно забыла про меня, подошла к экрану и нахмурилась, вчитываясь в сообщение.

Я бесшумно вырос у неё за спиной, заглядывая в экран. Андрей Владимирович строчил сообщения одно за другим: **## «Всё супер, фото загружены. Первую проверку прошли, ждём итоги через три дня».**

— Он что, по ночам тебе пишет? Совсем одурел? — внутри мгновенно вспыхнула злость. — Тебя что, на стариков потянуло?

— Почему ты всё ещё здесь? — Лика резко обернулась.

— Так ты же не прогнала, — усмехнулся я, сложив руки на груди.

— Я русским языком сказала: уходи! «Уходи» — это значит нужно выйти за дверь, а не ждать, пока я дам тебе пинка!

Она бросила телефон на стол, даже не потрудившись ответить на сообщение, и снова принялась выталкивать меня из комнаты.

— Так ты придешь на игру или нет? — я уперся ногами в пол, не двигаясь с места.

— Нет!

— Тогда не уйду, — я демонстративно развернулся и зашагал обратно к её кровати.

Лика застонала, закатив глаза к потолку:

— Ты специально мотаешь мне нервы, да? Собираешь их в один большой клубок?

— Мне нравится тебя бесить, — я лукаво прищурился. — В этом есть своя изюминка.

— Ты... ты... прохиндей, вот кто!

— Кто? Что это за слово-то такое доисторическое?

— Ладно! — она всплеснула руками. — Я приду на твою игру. Посмотрю, как ты там облажаешься. Доволен?

Радость накрыла так внезапно, что я, не соображая, что делаю, сгреб её в охапку и крепко прижал к себе. На секунду в комнате стало очень тихо. Опомнившись, я неловко оттолкнул её за плечи.

— Ой, извини... — я кашлянул, пытаюсь скрыть смущение. — Чего ты такая костлявая?

Лица от такой наглости вытаращила глаза, не находя слов.

— Ладно, я спать, — бросил я, направляясь к выходу. — Надоело слушать, как ты тут жужжишь над ухом.

— Я?! Это я жужжу? Это ты не выходишь! Я тебя битый час выпроваживаю, а ты стоишь как памятник!

— Да я уже раз десять пытался уйти, — я усмехнулся и кивнул вниз, — да только ты не пускаешь.

Она проследила за моим взглядом. Её пальцы мертвой хваткой вцепились в край моей футболки. Лица вспыхнула так, что, казалось, сейчас самовоспламенится, и тут же отдернула руки.

— Ну... я...

— А я виноват, да? — я подмигнул ей на прощание. — Вцепилась в меня, как коршун в добычу.

Я лежал на кровати, уставившись в потолок, и глупо улыбался. Кожа на груди до сих пор горела — я всё ещё чувствовал фантомное прикосновение её тонких пальцев.

Достав телефон, я быстро напечатал:

«Добрых снов, колючка».

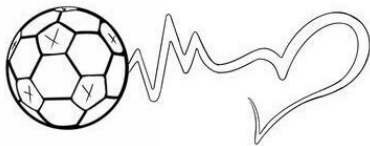
Лика прочитала мгновенно, но долго молчала. Я уже думал, что ответа не будет, как вдруг на экране запрыгали точки — пишет...

«Добрых, липучка», — высветилось на дисплее.

Я не выдержал и коротко заржал в подушку. Приподнявшись, я трижды ударил кулаком по стене, отделявшей мою комнату от её. Ответ пришел незамедлительно — один четкий стук, уже ставший нашей маленькой традицией.

Я закрыл глаза, чувствуя, как внутри разливается странное тепло. За этой стеной, совсем рядом, ложилась спать девушка, которую я поклялся ненавидеть с первого дня знакомства. И в которую — теперь я знал это точно — безнадежно влюбился в ту же самую секунду.

Игра на провал

Данил

Я уехал из дома пораньше, договорившись с отцом, что он сам отвезёт Лику. Сегодня мне нужно было выплеснуть энергию на поле еще до начала официального матча — мысли о «колючке» слишком сильно отвлекали.

В раздевалке было душно от запаха пота и адреналина. Олег перехватил меня у шкафчиков, и по его лицу я понял: разговор будет дрянным.

— Долго ты еще будешь мне жизнь портить? — процедил он, преграждая путь.

— О чем ты? — я лениво усмехнулся, хотя внутри всё напряглось. — Какую еще жизнь?

— Хватит соваться, когда я общаюсь с Ликой. Ты же сам говорил, что тебе на неё плевать.

— Говорил. И что?

— А то! Отвали от неё, ясно? — он грубо толкнул меня в плечо. — Она мне нравится.

Я почувствовал, как в груди закипает глухая ярость.

— И поэтому ты на неё спорил?

— Я не спорил! — вспыхнул Олег.

— Ну да, конечно, — я пренебрежительно махнул рукой. — Кончай мне мозг трепать. Твоя задача на поле — мячи забивать, а не о девчонках страдать. Работай.

На тренировку мы вышли взвинченными. Олег буквально

прожигал мне спину взглядом, а я старался не думать о том, насколько сильно хочу врезать ему за каждое слово о Лике. Несмотря на стычку, разминка прошла неплохо — тактику обсудили, мышцы разогрели.

На трибунах я заметил Лизу. Она махала мне и улыбалась так активно, будто мы были в дешевом кино о любви. «*Пора открывать ей глаза*», — подумал я. Она меня больше не интересовала. Совсем.

Я замер у кромки поля, наблюдая за парнями. Солнце начинало припекать. В руках я сжимал потрёпанную тетрадь с планом игры, которую составлял полночи. Всё должно было пройти идеально. Но предчувствие шептало: этот матч станет либо моим триумфом, либо полным провалом.

— Ну что, парни, в строй! — мой голос эхом разнесся над полем. — Сегодня работаем на износ: скорость и точность. Сначала разминка, без неё на поле даже не выпускаю!

Мы начали тренировку: челночный бег, пасы, отработка ударов по воротам. Но, если честно, я делал всё на автомате. Перед самым началом матча я замер в центре поля, машинально перекачивая мяч носком бутсы. В ушах пульсировала кровь — и вовсе не от физической нагрузки. В голове стучал один и тот же вопрос:

«*Придёт или нет?*»

Вокруг кипела привычная предматчевая суета: тренер срывал голос, раздавая последние указания, трибуны гудели, заполняясь людьми. Девчонки из группы поддержки разво-

рачивали плакаты с яркими буквами «ВПЕРЁД!», а мелкота из младших классов крутилась у ворот, надеясь на автограф.

Но для меня всё это было лишь размытым фоном. Я видел мир словно через туннель, и в конце этого туннеля были только ряды сидений, по которым я судорожно скользил взглядом в поисках одной-единственной фигуры.

«Если не придёт, — зло подумал я, — вернись домой и вынесу дверь в её комнату. Лично».

От этой мысли на губах промелькнула нервная усмешка. — Данилыч, ты чего улыбишься? — Макс, наш вратарь, хлопнул меня по плечу, заставив вздрогнуть. — Нервишки пошаливают?

— Да нет, — я мотнул головой, стараясь вернуть себе самообладание. — Всё путем. Давай на ворота, разминайся.

Я снова поднял взгляд на трибуны — и сердце вдруг пропустило удар, а потом забилось с удвоенной силой.

Она появилась.

Лица.

Она забилась в самую глубь дальних трибун — выбрала место потемнее, чтобы слиться с толпой. На ней было огромное черное худи, а на лоб она натянула ту самую кепку, из-за которой мы вчера едва не разнесли её комнату. Я узнал её мгновенно. По позе, по тому, как она прятала лицо.

В груди потеплело. *«Пришла»*, — эта мысль подействовала лучше любого допинга. Я на секунду прикрыл глаза, делая

глубокий вдох. Нужно было взять себя в руки, ведь сегодня на кону стояло всё: престиж, лидерство в школе и право называть себя лучшими.

Формальные рукопожатия с противником — сухие, колючие ладони, дерзкие взгляды в упор. Мы разошлись по позициям. Резкий свисток судьи разрезал воздух, и мир сузился до размеров футбольного поля.

Жара становилась невыносимой. Пот заливал глаза, футболка прилипла к спине, но я не замечал этого. Мы вели игру красиво: мяч летал между нашими парнями, как привязанный, мы уверенно теснили соперника к их воротам. Ритм был идеальным, драйв зашкаливал.

— Давай, вперед! — заорал я, на предельной скорости пролетая по флангу.

Я ждал точного паса вразрез, чтобы завершить атаку, но в долю секунды всё рассыпалось. Олег совершил нелепую ошибку, споткнулся на ровном месте и буквально подарил мяч противнику. Контратака началась мгновенно.

— Олег! — мой рык, кажется, услышали даже на дальних трибунах. — Ты что творишь, придурок?!

Олег играл так, будто купил билет в команду соперников: он опаздывал с открытием, отдавал пасы точно в ноги чужим и гасил наши атаки в зародыше. Я чувствовал, как желчь подступает к горлу. Он делал это намеренно.

Но на злости мы всё же выгрызли мяч обратно. Снова бешеный темп, рывки, финты. Соперники быстро смекнули,

кто здесь мозг команды: на меня тут же «сели» двое защитников. Они дышали мне в затылок, перекрывали кислород и не давали даже коснуться мяча.

«Хотят выкинуть меня из игры?» — я зло усмехнулся про себя.

Один из них со всей силы впечатался мне в плечо, пока судья смотрел в другую сторону. Кость отозвалась тупой болью.

— Данилыч, аккуратней! — крикнул Макс из ворот.

Я лишь кивнул. Нужно было действовать хитрее. Я демонстративно начал отходить назад, делая вид, что сдаюсь и выхожу из зоны атаки. Защитник на мгновение расслабился, теряя позицию, и именно в эту секунду я рванул в свободную зону. Ловушка захлопнулась. Мяч прилетел точно в ноги, словно приклеенный.

Два резких шага, издевательская обводка, от которой защитник едва не завязался узлом, и пушечный удар. Мяч вонзился в самую девятку, со свистом всколыхнув сетку.

Стадион буквально взлетел на воздух от рева. Парни навалились на меня, пачкая форму и хлопая по плечам.

— Да-а-а! — орал Макс, победно вскидывая кулаки. — Есть первый! Красава, Данилыч!

Я смеялся вместе со всеми, принимая поздравления, но сердце тянуло в другую сторону. Проигнорировав восторженные визги Лизы и её подружек, я обернулся к дальним рядам.

Лика. Она не шелохнулась, не вскинула руки в победном жесте, не улыбнулась. Сидела всё так же неподвижно, уткнувшись в экран телефона.

«Ей что, вообще плевать?» — неприятно укололо внутри.
— Или она снимает? Меня?»

Поддавшись порыву, я широко и открыто махнул ей рукой, наплевав на то, что это увидят все.

Олег, стоявший в паре метров, тут же проследил за моим жестом. Его взгляд, острый и недобрый, прошелся по трибунам и мертвой хваткой зацепился за знакомый силуэт в черном худи.

— Что там интересного? — процедил он, подозрительно прищурившись.

— Ничего, — отрезал я. — Возвращайся в игру.

Но было поздно. Именно в этот момент Лика оторвала взгляд от телефона и на долю секунды — почти неуверенно, будто сама от себя не ожидала — коротко махнула мне в ответ.

Лицо Олега перекосило от осознания. Он мгновенно сорвался с места, бросив позицию.

— Эй, ты куда? Свистка еще не было! — крикнул я, чувствуя, как внутри всё обрывается.

— Десять минут перерыва, — бросил он, даже не обернувшись, и ткнул пальцем в сторону табло. — У меня есть дела поважнее.

Я хмуро наблюдал, как Олег берет трибуны штурмом. Ли-

ка, заметив его приближение, не растерялась: натянула кепку по самые глаза и юркнула в самую гущу толпы, где разъяренный защитник застрял, как в болоте.

Усмехнувшись его беспомощности, я рванул в обход. Как капитану, мне расчищали дорогу охотнее, чем любому охраннику, и уже через полминуты я вальяжно опустился на свободное место рядом с «колючкой».

Она обернулась ко мне, сверкая глазами из-под козырька: — Ты что творишь? — зашипела она, оглядываясь.

— А что такого? — я невинно пожал плечами. — Решил лично поприветствовать фанатку. И вообще, почему ты пялишься в экран, когда я такие голы кладу?

Не успела она ответить, как с другой стороны, тяжело дыша, приземлился Олег. Он тут же вклинился в разговор, пытаясь перетянуть всё внимание на себя:

— Ну как тебе игра, Лик? Нравится?

Она выпрямилась, нацепив свою фирменную «вежливую» маску.

— Знаешь, я в этом вообще ничего не смыслю, — ответила она с самым невинным видом. — Но бегаете вы... забавно.

Я не выдержал и прыснул. «Забавно» — это она знатно его подколола.

Олег же, не заметив иронии, включил режим «эксперта» и принялся терпеливо объяснять:

— Ну смотри: когда мяч залетает в сетку — это гол. Наши ворота — вон те. Если нам забивают — это плохо. Если мы

— Это хорошо.

Меня накрыл приступ хохота. Лица незаметно, но чувствительно ткнула меня локтем в ребра, призывая к порядку, а Олег только брови нахмурил, не понимая, что здесь смешного.

— То есть, если в те ворота — это хорошо? — она с самым серьезным лицом ткнула пальцем в сторону ворот соперника, продолжая играть роль «глупенькой девчонки».

Я закусил губу, чтобы не заржать в голос. Она издевалась над ним так тонко, что Олег даже не чувствовал подвоха.

Олег просиял, довольный ролью наставника:

— Именно! В те — хорошо, в наши — плохо. Видишь, ты схватываешь на лету!

Лица едва заметно закатила глаза и бросила на меня красноречивый взгляд, в котором так и читалось: *«Уведи его отсюда, пока я не сошла с ума»*.

— Всё, время вышло! — я по-хозяйски хлопнул Олега по плечу, нависнув над Ликой. — Пока ты будешь продираешься сквозь толпу обратно, игра уже начнется. По коням!

Олег нехотя поднялся, но напоследок ослепил Лику своей самой «победной» улыбкой:

— Не уходи сразу после матча, ладно? Нужно поговорить.

Она поджала губы — было видно, что напор Олега ей в тягость. Но, видимо, решив не раздувать конфликт на людях, тихо ответила:

— Хорошо.

Энтузиазма в её голосе было не больше, чем в очереди к стоматологу. Но стоило нам прыгнуть с трибун и сделать пару шагов к полю, как я обернулся и увидел ту же картину: Лика снова сидела, уткнувшись в телефон.

Внутри всё закипело. Да что там за новости такие мирового масштаба?! Она делает это специально, чтобы довести меня? Или ей действительно настолько скучно смотреть, как я выкладываюсь на поле?

Вторая половина игры превратилась в сущий кошмар. Олег окончательно «поплыл»: он то и дело зависал, глядя на трибуны, бросал свою зону и пропускал мячи, которые раньше отбил бы с закрытыми глазами.

— Олег, соберись! — орал я, пытаюсь докричаться до него сквозь шум стадиона. — Поле перед тобой, а не девчонки! Работай!

Он виновато кивал, но через минуту его взгляд снова уплывал куда-то вверх. Я бесился, срывался на парнях, метался по полю, пытаюсь заштопать дыры в нашей защите, но всё было тщетно. Соперники чувствовали наш разлад и били безжалостно.

Меня начали «косить» по-черному. Несколько раз я жестоко впечатывался в газон после грязных подкатов, но судья будто ослеп — ни одной карточки, ни одного предупреждения. Я стискивал зубы от боли, вытирал пот вместе с грязью и снова бросался в бой.

Но по-настоящему мне было больно не от ударов по но-

гам. Каждый раз, когда я в надежде скидывал взгляд на дальние трибуны, я видел Лику. Она всё так же сидела, уткнувшись в телефон. Ей было всё равно. Мой гол, мои падения, то, как мы сейчас на глазах у всей школы летели в пропасть, — для неё это было просто фоновым шумом.

Я пытался вытащить этот матч в одиночку. Делал бешеные рывки, искал свободные зоны, отдавал пасы, которые должны были стать голевыми, но команда окончательно расклеилась.

Финальный свисток прозвучал как приговор.

3:2 в их пользу.

Мы проиграли.

Я стоял в центре поля, тяжело дыша, и смотрел на свои дрожащие руки. Проигрыш жег изнутри, но еще сильнее жгло равнодушие той, ради которой я сегодня хотел быть богом этого стадиона.

Ребята понуро стягивали пропотевшие футболки. Кто-то со злостью пинал газон, кто-то просто прятал глаза. Макс подошел ко мне и тяжело опустил ладонь на плечо:

— Данилыч, мы выложились. Просто... не наш день сегодня.

Я молча кивнул, не в силах выдавить ни слова. Внутри

была выжженная пустыня и горькая, как полынь, обида. Я первым делом глянул на трибуны — пусто. Сбежала. Опять. *«Ну конечно, — полоснуло по сердцу. — Ей действительно плевать».*

Но тут Макс снова толкнул меня и указал пальцем в сторону судейского столика:

— Это что еще такое? Кто это там?

Я прищурился. У кромки поля, спиной к нам, стояла тонкая фигура в безразмерном черном худи. Лица. Она что-то яростно доказывала судье, тыча ему в лицо своим телефоном. Тот сначала отмахивался, но потом нахмурился, взгляделся в экран и внезапно кивнул помощнику.

Над стадионом снова взрезал воздух свисток. Команды замерли. Судья жестом приказал всем построиться в центре поля.

Лица тем временем подошла к техническому столу. Словно заправский хакер, она ловко воткнула какой-то кабель в разъем, и через секунду на огромном табло над полем загорелась картинка. Она посильнее натянула кепку, скрывая лицо — видны были только плотно сжатые губы. Она была в ярости.

Судья вышел на середину и официально объявил:

— Внимание! Команда противника дисквалифицирована за систематические грубые нарушения правил!

В этот момент на экране пошли повторы. Крупный план, замедленная съемка: вот мне влетают в голеностоп, вот жест-

кий толчок в спину, вот подножка исподтишка. Лика всё это время не просто «пялилась в телефон» — она вела профессиональную съемку, ловя каждый грязный прием, который просмотрел судья.

Я стоял, открыв рот, и чувствовал, как обида внутри сменяется оглушительным восторгом.

«Значит, она всё видела... Каждую секунду. Она не просто смотрела — она сражалась за меня, пока я злился на неё как идиот».

Судья не унимался, его голос гремел над притихшим полем:

— После детального разбора видеоповторов, все мячи «Вихрей», забитые с нарушением правил, аннулированы. Результат матча пересмотрен. Команда «Королей» официально выходит в финал!

Что тут началось! Парни взревели так, что заложило уши. Меня сгребли в охапку, начали подбрасывать, хлопать по плечам — сплошной хаос из потных маек и дикого восторга. Лиза коршуном слетела с трибун и повисла у меня на шее, визжа прямо в ухо:

— Мы сделали это! Дани, мы в финале!

А я почти не слышал её. Мой взгляд был прикован к одной фигуре у технического стола.

Лика спокойно отсоединила кабель, выключила телефон и, заметив мой взгляд, коротко козырнула двумя пальцами от края кепки. Не дожидаясь, пока её заметят и начнут бла-

годарить, она развернулась и зашагала к выходу.

Свидание на троих

Малика

Когда судья объявил вердикт, я почувствовала, как в груди наконец-то отпускает — справедливость все-таки существует.

«Где они только взяли этого слепого арбитра?» — мелькнула едкая мысль, пока я наблюдала за триумфом «Королей».

Но триумф на вкус оказался горьким. Стоило Лизе коршуном броситься на Данила и повиснуть у него на шее, как радость сменилась резким уколом в сердце. Она что-то шептала ему, прижимаясь всем телом, а он... он просто улыбался. Не оттолкнул, не ушел.

«А ты на что рассчитывала, Лика?» — одернула я себя, отводя взгляд. — *«Ты для него просто досадное приложение к новой жене отца. Помогла? Молодец. Считай, что вернула долг за проживание. Не вздумай строить иллюзий».*

Я коротко козырнула ему двумя пальцами — прощальный жест «агента 007» — и поспешила скрыться в коридоре, пока не стало совсем тошно.

Там меня перехватил Олег.

— Ты крутая, — сказал он, пытаясь восстановить дыхание. — Реально нас вытащила. Без видео мы бы пролетели.

Я скептически вскинула бровь:

— А вот ты, судя по всему, сегодня не в ударе. Даня на

тебя так орал, что даже на дальних рядах было слышно. Коснулся по-крупному?

Олег лишь пренебрежительно махнул рукой:

— Ой, да он вечно заводится. Не бери в голову.

Но я знала, что Данил не заводится по пустякам. Он живет этой игрой, требует от других того же максимума, который отдает сам. А Олег... Олег просто играл.

— Так о чем ты хотел поговорить? — перебила я его оправдания.

— Сходишь со мной на свидание? — выпалил он, внезапно став серьезным.

Я даже замерла от такой прямоты.

— Что, опять какой-то спор на интерес?

— Нет, — он шагнул ближе, и в его голосе прозвучало что-то похожее на искренность. — Прости за ту ситуацию. Парни идиоты, да и я хорош. Но я правда хочу просто погулять с тобой.

В этот момент двери спортзала распахнулись, и в коридор ввалилась шумная толпа игроков. В центре, как обычно, был Данил, а на его плече победным знаменем висела Лиза. Наши взгляды встретились — на долю секунды, но этого хватило, чтобы рана в груди снова заняла.

Ну уж нет. Я не буду сидеть дома и ждать, пока он соизволит обратить на меня внимание между тренировками и Лизой.

— Ладно, — громко, так, чтобы мой голос долетел до Да-

нила, ответила я. — Я пойду. Завтра в семь?

Олег просиял, и его улыбка на этот раз была на удивление доброй.

— Идет. Заеду за тобой ровно в семь.

Я коротко кивнула Олегу и почти бегом бросилась к выходу. Домой я примчалась в состоянии «пережаренного овоща» — черное худу на солнце превратилось в персональный филиал ада. Скинув вещи, я первым делом залезла под ледяной душ, а после натянула уютную пижаму с мишками. Волосы убрала под смешную повязку с кошачьими ушками и, шлепая босыми ногами по паркету, побрела на кухню. Голод был такой, что я готова была съесть даже холодильник.

Я как раз заканчивала вторую порцию хлопьев, когда входная дверь с грохотом распахнулась.

— Лика! Лика, ты где?! — голос Данила разнесся по всему дому, как сигнал тревоги.

— Чего ты вопишь? Здесь я, — буркнула я, не отрываясь от тарелки.

Он влетел на кухню в кроссовках, швырнул спортивную сумку прямо на пол и уставился на меня так, будто я только что призналась в ограблении банка.

— Ты что, реально идешь на свидание с Олегом? — выпалил он, тяжело дыша.

Я медленно опустила ложку и посмотрела ему прямо в глаза.

— А тебе-то какая печаль? — я равнодушно пожала пле-

чами. — Я же не лезу к тебе с допросами про Лизу и не кричу на весь дом. Моя личная жизнь — это мои проблемы.

Данил замер, явно не ожидая такого отпора. Он нервно взъерошил волосы.

— Да просто... — он сделал шаг ко мне, почти нарушая границы моего личного пространства. — Просто Олег... он скользкий тип, Лик. Ненадежный.

— Зато честный, — парировала я, чувствуя, как внутри закипает обида. — Он нашел в себе силы извиниться за тот идиотский спор. И позвал меня, потому что действительно этого хотел.

— Извинился? — Данил выдал какой-то дерганный, сухой смешок. — И ты, конечно, сразу растаяла?

— А почему нет? Люди имеют право на ошибку. Или ты один у нас тут святой, а остальные — идиоты по жизни?

Данил отвел взгляд, его челюсти плотно сжались.

— Он даже на поле — пустое место, — глухо проговорил он. — Ты же видела, как он слил игру. Если бы не твое видео, мы бы сейчас не в финале были, а в глубокой... яме.

Я равнодушно пожала плечами, возвращаясь к своему завтраку-обеду.

— Может, парень просто влюбился, — бросила я с легкой усмешкой, стараясь не смотреть на Данила.

Он выдал короткий, но какой-то честный смешок.

— Так ты только ради этого так орал? — я повернулась к нему. — Пришел проконтролировать мой список контактов?

Вместо ответа он бесцеремонно придвинул к себе мою тарелку с хлопьями. Прямо у меня из-под носа! И начал жадно доедать остатки, прихлебывая молоко через край.

— Эй! Свои сделай! — я попыталась вырвать посуду, но Данил, как голодный коршун, вцепился в тарелку мертвой хваткой и в два счета опустошил её.

— Вот же свинья, — фыркнула я, но, к своему удивлению, без капли злости.

Этому наглецу было мало: он допил мой сок, с шумом поставил стакан и, отдуваясь, вылез из-за стола.

— Фух. Чуть с голоду не помер.

— Теперь я умру, — я картинно схватила за сердце. — Раз всё съел, иди и мой за собой.

— У нас вообще-то прислуга есть, — Данил нагло ухмыльнулся, глядя на меня сверху вниз.

— Конечно, есть, — я рассмеялась, направляясь к лестнице. — И сегодня эта прислуга — ты!

Данил хохотнул, но, когда я уже была на середине лестницы, крикнул мне вслед:

— Слышь! А сколько у тебя еще таких ржачных пижам? И этих... ушей?

Я замерла на ступеньке и оглядела себя: мешковатые мишки, кошачьи уши на макушке, босые ноги. Настоящая икона стиля.

— А что не так? — я обернулась, выгнув бровь.

— Выглядишь как ребенок, — поддразнил он, хотя в его

взгляде мелькнуло что-то совсем не «детское».

— Ой, а ты — как дубина стоеросовая, — не осталась я в долгу и скорчила самую нелепую гримасу, на которую была способна.

Данил громко расхохотался и в два прыжка нагнал меня на лестнице.

— Ладно, признаю: пижама — огонь. Где такую урвала?

— Там таких больше не выдают, — отрезала я.

— Подаришь мне одну? — он шутливо, почти невесомо дернул меня за мягкое кошачье ухо на повязке.

— Еще чего! У меня всё под опись и печать, — парировала я, пытаюсь сохранить серьезность.

Он заржал, а я демонстративно сморщила нос:

— Фу, Данил! От тебя несет за версту потом и стадионом. Иди в душ!

Но он, вместо того чтобы отойти, вдруг прижался теснее, обдавая меня жаром своего тела, и снова потянул за «ухо» — на этот раз чуть сильнее, заставляя меня поднять на него взгляд.

В этот момент входная дверь с тихим щелчком открылась — на пороге появилась мама. Мы замерли в самой нелепой позе, которую только можно представить: я с поднятыми руками, пытающаяся спасти повязку, и Данил, чья ладонь зависла в паре сантиметров от моей головы.

Он резко разжал пальцы, и освобожденная резинка с сочным звуком шлепнула меня прямо по лбу.

— Ай! Ты совсем, что ли? — я прижала ладонь к пострадавшему месту, едва не искрясь от возмущения.

Данил мгновенно отшатнулся, лихорадочно поправляя футболку и пытаясь вернуть себе маску «ледяного принца».

— Здравствуйте, Мари, — выдавил он, старательно избегая смотреть мне в глаза.

— Добрый день, Данил, — мама улыбнулась, но её взгляд, острый и внимательный, мгновенно просканировал пространство между нами. — Как матч? Прошел удачно?

— Спасибо, всё отлично. Мы победили, — отчеканил он, будто сдавал рапорт.

— Поздравляю, — мама перевела взгляд на меня, и в её глазах заплескали подозрительные искорки. — А ты, Лика? Ты что, уже в кровать собралась?

Она смотрела так, как умеют только мамы: вроде бы просто задает вопрос, а на самом деле уже пишет в голове сценарий нашей будущей свадьбы.

— Вообще-то да, — буркнула я, поправляя кошачьи уши. — Планировала отдохнуть.

— Спать? Сейчас? — Данил уставился на меня так, будто я предложила ему съесть лимон. — Время обеда вообще-то!

— И что? — я вызывающе скрестила руки на груди. — Обеденный сон — залог красоты и здоровья, если ты не знал.

Мама иронично приподняла бровь:

— Обеденный сон? Лика, у тебя точно всё в порядке?

Я почувствовала, как предательский румянец заливает

щеки.

— Да, всё нормально! Просто... день был тяжелый. Школа, трибуны... устала.

— Ну-ну, — протянула мама с такой коварной полуулыбкой, что мне захотелось провалиться сквозь землю. Она явно почувствовала, что воздух в коридоре всё еще буквально наэлектризован.

— Ладно, я... это... пойду в душ, — Данил первым дертировал с поля боя, подхватывая сумку. — Нужно к завтрашней тренировке готовиться.

— Да и мне пора, — отозвалась я, пятясь к своей комнате. Мама ничего не сказала. Она просто подмигнула мне, и в этом жесте было гораздо больше смысла, чем во всех словах Данила за сегодняшний день.

— Мам! — шикнула я, едва Данил скрылся за поворотом лестницы.

— А что? — прошептала она в ответ, подходя ближе и едва сдерживая смех. — Лика, что это на тебе? Ты же как ребенок в этих мишках. Неужели *этим* ты планируешь цеплять мальчиков?

— Никого я не цепляю! — вспыхнула я. — Всё, я спать! Я пулей долетела до комнаты, захлопнула дверь и рухнула на кровать. Из-за стены тут же донеслись знакомые три стука, но я демонстративно промолчала. Тогда телефон в кармане завибрировал.

«Надеюсь, ты там не померла? Будет жалко вы-

брасывать твои уши вместе с тобой», — прилетело от Данила.

«Признай, что ты просто мечтаешь забрать их себе», — набрала я в ответ.

«Признаю. Забрал бы те, что с лягушками».

«Обойдешься, липучка».

Следующий день в школе превратился в испытание. Олег ходил за мной по пятам, без умолку болтая о футболе. Он объяснял правила, травил истории о своих первых тренировках и грузил какой-то нудной чепухой. Я почти не слушала, уткнувшись в телефон и переписываясь с Дашкой.

Мыслями я была далеко: Павел сделал мне потрясающий подарок — организовал игру для моей команды, и я буквально отсчитывала дни до этого события.

После уроков Олег снова начал тарыхтеть, как заведенный. Это уже начинало откровенно бесить.

— Куда мы сегодня идем? — перебила я его на полуслове.

— Думал, может, в парк? — предложил он.

Я коротко кивнула. Хорошо, парк так парк.

В этот момент сзади вырос Данил. Он по-хозяйски накинул руку на плечо Олега, слегка отодвигая его от меня.

— И куда это вы намылились? — в его голосе прозвучала опасная вежливость.

— А тебе-то что? — огрызнулся Олег, пытаясь вырваться из захвата.

— Как это что? Я должен отчитываться перед отцом.

Вдруг он потеряет дочку своей невесты? Мне потом по шапке получать.

— Я её заберу и сам привезу обратно, — буркнул Олег.

— На чем? — Данил насмешливо оглядел его. — У тебя же даже тачки нет.

— У отца машину возьму, не проблема, — огрызнулся Олег. — Ты чего вообще к нам приклеился? Иди к Лизе своей, она вон уже весь маникюр сгрызла от ревности.

Он кивнул в сторону школьных дверей, где замерла Лиза, сверля нас яростным взглядом.

— Да мне плевать, пусть хоть руки по локоть съест, — бросил Данил и, не оборачиваясь, зашагал к своему внедорожнику.

Лиза тут же сорвалась с места и, комично ковыляя на высоких каблуках по гравию, успела запрыгнуть на переднее сиденье.

— Ладно, до вечера, — я махнула рукой Олегу и побрела в сторону автобусной остановки.

Но Данил резко вырулил со стоянки и перегородил мне путь.

— Садись.

— Я на автобусе доеду, — отрезала я, прибавляя шаг.

— Лика, садись в машину! — прорычал он так, что прохожие обернулись.

Он вышел, бесцеремонно выпихнул Лизу с переднего сиденья на заднее и буквально заставил меня занять её место.

— С какой стати я должна сидеть сзади? — возмутилась Лиза, когда я захлопнула дверь.

— Тебе всё равно сейчас выходить, — бросил Данил, заводя мотор.

— Я думала, ты подбросишь меня до дома!

— Я тебе что, такси? — его голос был холодным, как лед.

— Данил! Но ты же всегда довозил! — Она вытянула голову между сиденьями, придвигаясь так близко, что я невольно вжалась в окно. — Тебе не кажется, что ты ведешь себя странно?

— Разве? — он мельком взглянул в зеркало заднего вида.

— Давай, выходи. Нам в другую сторону. Вон Макс идет, пусть он тебя везет.

Лиза, поняв, что Данил не шутит, покраснела от унижения и вылетела из машины, со всей силы хлопнув дверью.

— М-да... в отношениях ты полный ноль, — проговорила я, провожая взглядом её удаляющуюся фигуру.

— С чего такие выводы? — Данил резко крутанул руль, выезжая с парковки.

— Ну как же. Вышвырнул свою девушку и отправил к другому. благородно, ничего не скажешь.

— Вообще-то мы с ней не встречаемся, — сухо ответил он. — И никогда не встречались.

Я недоуменно уставилась на его профиль.

— То, что она вечно на мне виснет — её проблемы. Ей хоть говори, хоть нет — всё равно скачет рядом.

— Бедный-несчастный, — наигранно вздохнула я, хотя внутри почему-то стало капельку легче.

####

К семи часам я была готова: легкое платье, жакет на сгибе локтя и маленькая сумочка. Последний взгляд в зеркало, кивок — вполне сносно. Я вышла из комнаты и, специально звонко цокая каблуками, прошла мимо двери Данила.

Он вышел в коридор в обычных трениках и футболке, окинув меня тяжелым взглядом с головы до ног.

— Ты что, листала журнал и нечаянно упала на одну из моделей? — съязвил он.

— А ты — на газету с объявлениями о поиске бродяг? — не осталась я в девке.

— Не слишком ли вырядилась?

— Свидание же, как-никак, — я небрежно махнула рукой.

В дверь позвонили. Мама позвала меня снизу, и я поспешила спуститься. У порога стоял Олег, и я его едва узнала: вместо привычной формы — строгий, идеально отглаженный костюм.

— Мы точно в парк? — вырвалось у меня.

— На самом деле... я везу тебя в ресторан, — смущенно признался он.

Мама понимающе выгнула бровь и одарила нас своей фирменной улыбкой.

— Не переживайте, верну её ровно к одиннадцати, — пообещал Олег, стараясь выглядеть солидным.

— Хорошо, — протянула мама, провожая нас взглядом.

В этот момент мимо нас к выходу промчался Данил. Он притормозил на секунду, окинул Олега издевательским взглядом и хмыкнул:

— Ого. А я думал, у тебя в гардеробе ничего, кроме футболок, не водится.

Не дожидаясь ответа, он запрыгнул в свой внедорожник, с ревом завел мотор и умчался прочь, обдав нас запахом жженой резины.

Ресторан был из тех мест, где официанты ходят по струнке, а звон приборов кажется слишком громким. Олег изо всех сил старался быть джентльменом: подливал мне минералку, шутил и даже не вспоминал про офсайды. Я понемногу расслабилась и начала искренне смеяться над его историей о том, как он в детстве пытался приручить соседского гуся.

— В общем, гусь оказался сильнее, — хохотал Олег, пододвигая ко мне тарелку с изысканным десертом. — Попробуй, это просто божественно...

Договорить он не успел.

Скрип тяжелой входной двери, шорох кроссовок по дорожному паркету, и над нашим столиком выросла монументальная фигура в сером худи. Данил, даже не потрудившись снять капюшон, бесцеремонно отодвинул Олега в сторону,

едва не сбросив того со стула, и плюхнулся прямо между нами.

— Всем привет, — бросил он, как будто мы столкнулись в школьной столовой, а не в пафосном заведении с дресс-кодом. — О, тирамису? Обожаю.

Не обращая внимания на наши отвисшие челюсти, он притянул мою тарелку к себе, взял мою же ложку и с аппетитом зачерпнул добрую половину десерта.

— Данил? — выдавила я, глядя на то, как исчезает мой божественный ужин. — Ты что здесь делаешь? И почему... в этом?

Я обвела взглядом его спортивные, которые на фоне белых скатертей смотрелись как вызов обществу. Олег покраснел так, что стал одного цвета со своим галстуком.

— Ты с ума сошел? — прошипел он. — Мы на свидании!

— Свидание — это когда двоим интересно, — Данил проглотил кусок и невозмутимо облизал ложку, глядя Олегу прямо в глаза. — А я посмотрел в окно: Лика явно скучала. Пришлось спасать положение. Тем более, я после тренировки, углеводы нужны.

Он снова залез в мою тарелку.

— Данил, это моя еда! — возмутилась я, пытаясь отобрать ложку.

— Была твоя, стала общая. Мы же теперь семья, Лика. Нужно делиться, — он подмигнул мне, и в его глазах вспыхнул опасный огонек, от которого у меня по спине пробежали

мурашки. — Кстати, костюмчик тебе не жмет, Олег? Выглядишь как свидетель на свадьбе в деревне.

Олег вскочил с места, едва не опрокинув бокал с водой. Его лицо пошло пятнами от ярости и унижения.

— Это уже за гранью! — выкрикнул он, привлекая внимание соседних столиков. — Здесь приличное заведение, строгий дресс-код! Как тебя вообще сюда пустили в этих обноскох? Где администратор?

Данил даже не повернул головы в его сторону. Он лениво откинулся на спинку стула, закинул ногу на ногу и, покручивая в пальцах украденную ложку, одарил Олега самой высокомерной из своих улыбок.

— Остынь, Олег, — протянул он с ленивой усмешкой. — Ты, видимо, забыл прочесть название на вывеске. Этот ресторан принадлежит моему отцу. Так что меня здесь пустят хоть в трусах, и слова не скажут. Наоборот, ещё и лучший столик предложат.

Он обернулся к застывшему неподалеку официанту и просто щелкнул пальцами:

— Принеси мне двойной эспрессо и еще одну порцию этого десерта. А то мой друг в костюме, кажется, проглотил язык и не может заказать даме добавки.

Олег стоял, сжимая кулаки так, что побелели костяшки. Он выглядел нелепо — в своем дорогом костюме, посреди роскошного зала, чувствуя себя здесь абсолютным чужаком по сравнению с парнем в растянутых спортивных.

— Лика, мы уходим, — Олег протянул мне руку, пытаясь сохранить остатки достоинства.

Я посмотрела на его дрожащие от злости пальцы, а потом на Данила. Тот сидел совершенно расслабленно, но я видела, как напряглись его плечи. Он ждал моего решения.

— Куда уходим? Она же голодная, — Данил кивнул на нетронутые тарелки с мясом и салатами, к которым я даже не успела приложиться.

Затем он потянулся к моему бокалу, покрутил его в руках и демонстративно принюхался.

— И что это? Минералка? Серьезно, Олег? Ты не мог хотя бы сока заказать? — Он снова щелкнул пальцами подошедшей официантке и что-то быстро прошептал ей на ухо. Та услужливо кивнула и умчалась исполнять.

— Садись, Олег, даже смотреть стыдно, — продолжал Данил, вгоняя парня в краску. — Девушка ради тебя платье надела, макияж наносила, а ты её водой поишь.

— Данил, прекрати это сейчас же, — прошептала я, чувствуя, как взгляды других посетителей обжигают кожу.

— Покушаешь — и пойдешь, — вдруг очень мягко, почти заботливо произнес он, глядя мне прямо в глаза. Весь его боевой задор на секунду исчез, сменившись чем-то странным и заботливым.

Официантка вернулась мгновенно. Перед моими глазами появились высокий стакан свежесжатого апельсинового сока, огромная порция медовика и свежий «Цезарь». Всё это

она расставила на столе, полностью игнорируя Олега, и бесшумно упорхнула.

Олег медленно опустился на стул, буквально закипая. Он сидел в своем безупречном костюме, но выглядел сейчас проигравшим по всем фронтам.

— Ты специально это делаешь, — процедил он, глядя на Данила. — Хочешь показать, кто здесь главный?

Данил небрежно пододвинул ко мне вилку, словно передавал эстафету в этой странной игре.

— Я просто хочу, чтобы Лика нормально поела, — бросил он, даже не глядя на Олега. — А ты, раз уж притащил даму в ресторан, мог бы хоть поинтересоваться её вкусами. Она терпеть не может минералку. И шпинат тоже, — он брезгливо ткнул пальцем в мою тарелку с салатом.

Я едва не подавилась воздухом. Откуда он, черт возьми, это знает? Мы знакомы всего ничего, а он говорит о моих привычках так, будто мы прожили вместе полжизни.

— А еще она обожает медовик, — буднично добавил Данил, отправляя в рот последнюю ложку моего тирамису.

Олег побледнел, его пальцы впились в край стола.

— Ты за ней шпионишь, что ли, Королёв? — процедил он сквозь зубы.

— Называй это как хочешь, — Данил лениво откинулся на спинку стула и закинул руки за голову, демонстрируя полное превосходство. — Я просто умею смотреть и слушать. В отличие от некоторых, кто занят только своим отражением

в витринах. Ешь, колючка. Медовик здесь отличный, я сам проверял.

Я взяла ложку, чувствуя, как медовик буквально тает во рту, но вкус сладости перебивал металлический привкус напряжения. Олег выглядел так, будто готов был взорваться, но присутствие Данила в «его» ресторане сковывало его по рукам и ногам.

Ужин превратился в настоящий психологический поединок. Атмосфера за столом была настолько густой от напряжения. Олег отчаянно пытался спасти свидание: он заводил разговоры о своём детстве, о каких-то милых историях, стараясь казаться искренним и глубоким. Но Данил, словно хищник, перехватывал каждую его фразу.

Стоило Олегу упомянуть поездку в горы, как Данил тут же перебивал его, пускаясь в рассуждения о лучших саундтреках к фильмам о выживании или о тактике последнего футбольного матча. Он мастерски перетягивал одеяло на себя, заполняя всё пространство своим голосом и харизмой.

Я чувствовала себя судьей на ринге, где сталкивались два абсолютно разных мира: статный, подчеркнуто вежливый Олег в дорогом костюме против дерзкого Данила в растянутом худи, которому было плевать на все правила приличия. Это была битва за моё внимание, но побеждало в ней только моё раздражение.

Когда с медовиком было покончено, я отложила салфетку и поднялась.

— Спасибо за ужин. Всё было... незабываемо, — произнесла я, вкладывая в последнее слово весь свой сарказм. — Но этот балаган мне порядком надоел. Я еду домой.

— Я тебя отвезу! — одновременно вскочили оба.

Олег схватился за пиджак, а Данил просто небрежно крутанул на пальце ключи от своего внедорожника.

Я стремительно вышла из ресторана, мечтая поскорее оказаться подальше от этого нелепого противостояния. Олег тут же открыл для меня дверь своей машины, бросив в сторону Данила ехидный, полный торжества взгляд. Мол, счет в мою пользу.

Но Данил не был бы Данилом, если бы просто отпустил нас.

Он возник у двери в ту же секунду и бесцеремонно навис над открытым окном, сокращая дистанцию до опасного предела. Я невольно замерла, почти касаясь его носа своим. В воздухе отчетливо пахло его парфюмом.

— Я заберу все твои уши, — прошептал он, и в этом обещании слышалась не столько угроза, сколько странное, обжигающее обещание.

Я вытаращила глаза, чувствуя, как сердце предательски ускоряет ритм.

— Вообще-то у меня свидание! — так же шепотом возмутилась я, пытаясь отодвинуться, но безуспешно.

— Убогое, притом на редкость, — парировал он, обжигая дыханием мою щеку.

Затем он выпрямился и, небрежно постучав пальцем по стеклу часов, перевел взгляд на Олега.

— Уже почти одиннадцать, «герой». Её мать терпеть не может обманщиков, а ты обещал вернуть Лику вовремя. Не уверен, что с твоей манерой вождения ты вообще хоть куда-то успеешь.

Данил отошел на шаг, сложив руки на груди и с насмешкой наблюдая, как Олег с психу рванул с места, заставив шины взвизгнуть на асфальте.

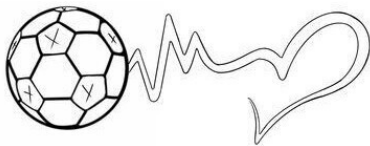
Я смотрела в зеркало заднего вида на удаляющуюся высокую фигуру в сером худи и понимала: этот раунд всё равно остался за ним.

Ты что, листала журнал и нечаянно упала на одну из моделей?

А ты — на газету с объявлениями о поиске бродяг?

Точка кипения

Данил

Стрелки часов издевательски перевалили за полдвенадцатого. Я мерил шагами гостиную, чувствуя, как внутри всё завязывается в тугую узел. Где её черти носят?

Мари сидела на диване, лениво перелистывая какой-то глянцевого журнала. Выглядела она на удивление спокойной, в отличие от меня.

— М-да, Мари, твоя дочь явно загулялась, — бросил я, нарочито громко глядя на часы. Голос прозвучал резче, чем я планировал.

Она оторвала взгляд от страниц и как-то слишком понимающе улыбнулась.

— Переживаешь, Данил?

— С чего бы? — я тут же выпрямился, стараясь придать лицу безразличное выражение. — Просто Олег — тот еще кретин. Мало ли, во что он влипнет, а нам потом разгребать.

Мари тихо усмехнулась. Она явно мне не верила. Этот её взгляд «я-всё-вижу» бесил не меньше, чем задержка Лики.

— Всякое бывает, — мягко ответила она. — Возможно, пробки на мосту.

— Тогда надо было выезжать раньше, если мозги есть, — пробурчал я.

Мари отложила журнал и уже открыла рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент тишину улицы разрезал звук подъ-

езжающей машины. Свет фар скользнул по шторам. Наконец-то.

Я тут же прилип к окну, стараясь не выдать своего нетерпения.

— Ну, явилась — не запылилась, — пробормотал я себе под нос.

За спиной раздался тихий смех Мари. Черт. Болван ты, Данил, спалился по полной.

Я наблюдал за ними сквозь щель в занавесках. Десять минут. Они стояли у двери целых десять чертовых минут! О чем можно так долго болтать? Лика что-то отвечала, поправляла жакет, а этот павлин в костюме не сводил с неё глаз.

А потом он наклонился и поцеловал её в щеку.

Внутри будто граната взорвалась. Я сжал кулаки так, что костяшки побелели. Видеть, как его губы касаются её кожи, было физически больно. Как только Лика потянулась к дверной ручке, я сорвался с места. Рванул к лестнице, перепрыгивая через две ступени и чуть не сбив Мари, которая встала мне на пути.

— Ладно, Данил, — бросила она мне вдогонку, пряча улыбку. — Будем считать, что я тебя здесь не видела.

Я так и замер, перегнувшись через перила и вслушиваясь в каждый звук внизу. Но стоило Лике переступить порог, как она тут же вскинула голову и метнула в меня такой злой взгляд, будто у неё на затылке были радары. Она точно знала, что я здесь и что я следил.

— Как прошёл вечер, милая? — голос Мари прозвучал мягко, но в тишине дома он казался громом.

— Просто супер, — пробурчала Лика, сбрасывая каблук. Она на секунду замолчала, а потом выдала: — Мам, ты знала, что если курице отрубить голову, она бегает ещё какое-то время?

Мари вытаращила глаза, явно не ожидая таких познаний в биологии после похода в ресторан.

— Лика... при чём тут курица и твоё свидание?

— Вот и я не знаю! — бросила она, и в её голосе послышалось столько скрытого раздражения, что я не выдержал.

Перила скрипнули, когда я прыснул от смеха, уже не скрываясь. Мари тут же вскинула голову, поймав мой смеющийся взгляд. Спалился. Опять.

— Ладно, мам, я спать. Извини, что задержалась — на мосту были пробки, и Олег... Ай, да ладно! В общем, мне нужно переварить этот вечер. Желательно без посторонней помощи.

Она начала подниматься по лестнице, чеканя каждый шаг. Когда она поравнялась со мной, я затаил дыхание, ожидая колкости, но она даже не остановилась.

— Идиот, — едва слышно буркнула она, обдав меня ароматом духов.

Дверь её комнаты захлопнулась с таким чувством, что, казалось, штукатурка посыпалась. Я остался стоять в пустом коридоре, чувствуя себя полным дураком, но почему-то с аб-

солютно счастливой ухмылкой на лице. «Курица без головы», значит? Похоже, Олег со своими историями из детства действительно «превзошел» сам себя.

####

Спустя десять минут Лика уже не просто стучала, а буквально барабанила в мою дверь. Я в это время вовсю ржал в подушку, пытаюсь заглушить смех. Когда я всё-таки соизволил открыть, она замерла, вытаращив глаза.

— Верни! — она

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.